

ВОЯДЖЕР: мир и человек

- *История и краеведение*
- *Филология и философия*
 - *Экология*

УДК 008 (930 + 1 +80 + 502)

ББК Ч21

В 33

Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. – № 4. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2013. – 185 с.

ISSN 2225-0018

Под общ. ред. д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

Ответственный редактор д.и.н., профессор Богачев А.В.

Редакционная коллегия: д.т.н., профессор Быков Д.Е., д.х.н., профессор Пимерзин А.А., д.т.н., профессор Бичуров Г.В., д.т.н., профессор Ненашев М.В., к.ф.н, профессор Полищук В.Н., д.б.н., профессор Сачков С.А., д.псих.н., профессор Агафонов А.Ю., к.филол.н., доцент Тимощук Н.А., к.психол.н., доцент Доброва В.В., к.п.н, доцент Трофимов В.Н., к.ф.н., доцент Герасимов О.В., Колев Ю.И.

Экспертный совет: д.и.н., профессор Дубман Э.Л., Острецов Л.А., к.и.н., доцент Мышкин В.Н., к.и.н., доцент Захарова Л.Б., д.и.н., профессор Курятников В.Н., к.и.н., доцент Федотов В.В.

Ответственный секретарь Саранча А.А.

© А.В. Богачев – название и концепция издания

© Авторы, 2013

© Самарский государственный технический университет, 2013

Вояджер: мир и человек

№ 4/2013

Теоретический и научно-методический журнал

Основан в 2011 г.

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

СОДЕРЖАНИЕ

Краеведение и история

- БИЧУРОВ Г.В. Самарский городской театр. Строительство нового здания по материалам самарских изданий.....
- КИРИЧЕНКО О.В. Наследие советской эпохи 1920–1940-х годов
- СМИЛЬСКИЙ А.В. Мусульмане в Германии. Место в обществе.....

Философия и филология

- СТЕПАНОВ А.Н. Крестьянские демократы: Генезис идеи социально-эстетического развития
- СТЕПАНОВ И.В. Философские основания военной теории Сунь-Цзы.....
- ДОБРОВА В.В. Семантический анализ стимулирующих реплик диалога (на материале современной английской разговорной речи)
- ПОДЛЕСОВА О.А. Английские лингвокультурные концепты положительных эмоций *joy, exultation*.....

Экология

- ПРОХОРОВА Н.В. Экоморфный анализ в фитоиндикации загрязнения ландшафтов тяжелыми металлами
- КАВЕЛЕНОВА Л.М. Цветочные многолетники в культуре: взгляд любителя на некоторые особенности регионального цветоводства
- ГОЛОВЛЕВ А.А. Природное своеобразие Сокольных и Сорочинских гор и развитие экологического туризма
- ГЕРАСИМОВ Ю.Л. Городские пруды – привычные и неизвестные

Аннотации на английском языке

Авторы статей

CONTENTS

Local history and history

BICHUROV G.V. Samara city theater. New Construction Materials Samara editions

KIRICHENKO O.V. Soviet legacy 1920-1940-ies

SMILSKY A.V. Muslims in Germany. Place in society

Philosophy and philology

STEPANOV, A.N. Peasant Democrats: the Genesis of the idea of social aesthetic development

STEPANOV I.V. Philosophical foundations of military theory Sun-Tzu

DOBROVA V.V. Semantic analysis stimulates replica dialogue (based on modern spoken english).....

PODLESOVA O.A. English linguistic-cultural concepts of positive emotions *joy, exultation*

Ecology

PROKHOROVA N.V. The Ekomorfny analysis in phytoindication of pollution of landscapes by heavy metals

KAVELENOVA L.M. Flower perennials in culture: look of the fan on some features of regional floriculture

GOLOVLEV A.A. Natural originality of Sokolyi and Sorochinski mountains and development of ecological tourism

GERASIMOV Y.L. City ponds – habitual and unknown

Summaries.....

The authors of the articles

**САМАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТР.
СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО ЗДАНИЯ
ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКИХ ИЗДАНИЙ**

Автором представлены материалы, отражающие процесс обсуждения, строительства и начала эксплуатации здания Самарского городского театра. В статье охватывается период с 1865 по 1965 гг.

Ключевые слова: Самарский театр, архитектура, Самарская губерния.

Открытый театр был по счету вторым со времени основания города. Первый самарский театр был построен в 1865 году близ нынешнего Александровского сквера. Он был деревянным и просуществовал до 1886 года, когда думой решено было театр этот, «по ветхости своей грозивший уже падением», разобрать, и взамен его устроить новый на площади близ Струковского сада [26].

По прочтении акта осмотра театрального здания гласный Яценко обратил внимание городской думы «на совершенное неудобство и даже опасность театрального здания, пришедшего в ветхость», полагая необходимым на ту же комиссию возложить предварительное рассмотрение вопроса об устройстве нового театрального здания, и высказал мысль, что «в настоящее время представляется удобный для того случай» [1].

3 марта 1886 года комиссией в составе губернского архитектора Иностранцева, младшего инженера Хилинского, младшего архитектора Зелях, Городского головы Алабина, городского архитектора Гордеева, членов городской управы Арычкина и Грачева и полицмейстера Праведникова здание театра было признано непригодным для дальнейшего посещения публики. Вследствие этого городская управа признала необходимым постройку нового здания театра, существующее же здание театра было решено сломать. Дума постановила поручить вопрос о постройке театра комиссии, в которую были включены П.В. Алабин (председатель), Н.С. Арычкин, Н.И. Бюрно, А.Д. Грачева, Л.Н. Яценко, А.Д. Соколова, К.П. Молгачева и К.К. Позерн [2].

Комиссия пришла к следующему решению: 1. Здание театра должно вмещать не менее 600 зрителей; 2. Здание должно быть кирпичным со всеми новейшими противопожарными приспособлениями; 3. Сооружение

театра предполагается на площади между Струковским садом и женским монастырем, на месте Высочайше для этого назначенном; 4. Принимая во внимание, что архитектор Чичагов построил несколько театров, из которых проект театра Корша в Москве заслуживает общее одобрение, Комиссия нашла необходимым войти с г. Чичаговым в переговоры относительно составления планов и сметы театра, для чего предложено г. Чичагову немедленно приехать в Самару. Дума утвердила доклад комиссии [3].

По совещании с прибывшим из Москвы Чичаговым Дума пришла к следующему заключению: 1. Следует строить театр с вместимостью зрительного зала на 1000 человек со всеми необходимыми помещениями для декораторской, бутафорской, уборных, конторы администрации, библиотеки, фойе, буфета и пр. Стоимость постройки театра, по заверению Чичагова, обойдется не более 75000 рублей; 2. Все чертежные и живописные работы, необходимые для сооружения театра, равно как и наблюдение за сооружением театра принимает на себя Чичагов за 5000 рублей, а в случае если его помощником будет Городской архитектор, то 4500 рублей. Гласные Ященко, Злобин, Санин и др. заявили, что в виду постоянного и быстро увеличивающегося роста населения Самары следует строить театр вместимостью не в 1000, а в 1300 человек. Дума постановила здание театра устроить на 1300 человек, составление планов и чертежей, а равно и наблюдение за сооружением поручить архитектору г. Чичагову [4].

К декабрю 1886 года чертежи для строительства были готовы. Театральная комиссия нашла, что: 1. План и фасад во всех частях вполне удовлетворяют требованиям; 2. Смета соответствует существующим в Самаре ценам на строительные работы. Городская Управа также нашла, что «план и фасад театра своим изяществом, строгою пропорцией и вообще архитектурными достоинствами вполне отвечают значению Самары, весьма сурьезному в виду несомненной лучшей будущности, его ожидающей! Внутреннее расположение всех частей здания не оставляет желать ничего луч-

шего. Сооружение театра должно иметь такое движение, чтобы сооружение это было окончено к осени будущего года» [5].

Для проведения строительства театра были вызваны желающие принять на себя сооружение театра за определенную сметой сумму в 84900 рублей с тем, чтобы работы были закончены к 1 сентября 1887 года. На торги явились только московские подрядчики Захаров и Лобозов, согласившиеся вести стройку за указанную сумму, но с условием окончить сооружение не к 1 сентября, а к 1 ноября 1887 года. После длительных и горячих споров Дума постановила: «Не принимать условий московских подрядчиков и произвести стройку хозяйственным способом в течение двух лет». Удлинение срока связывается с необходимостью просушки кладки здания [6].

По результатам торгов на производство каменных работ Дума постановила: «Утвердить каменные кладки театра за Дьячковым Степаном Ивановичем, а бутовые работы и облицовку фундамента цокольным камнем за мещанином Кошелевым Михаилом Васильевичем» [7].

Для организации строительства театра хозяйственным способом Дума утвердила комиссию в следующем составе: А.С. Злобин, К.П. Молгачев, Я.С. Краснов, Е.Т. Кожевников, К.К. Позерн, А.М. Михайлов [8].

Городской Голова доложил, что многие граждане Самары выразили желание видоизменить фасады здания в целях придания им большей красоты, в первую очередь, обращенные к Волге и в противоположную сторону. Это пожелание было передано г. Чичагову. Последний составил новый проект наружного фасада здания, придав ему русский стиль [9].

Комиссия одобрила новый фасад театра. Выяснилось, что, ввиду песчаного грунта, для придания большей устойчивости зданию необходимо расширить бутовую кладку до 3 аршин, что требует дополнительного ассигнования в размере 2941 рублей. Дума требование удовлетворила [10].

22 мая 1887 года произведена торжественная закладка здания театра в присутствии г. Начальника губернии, полного состава Городской Думы и техников Губернского правления [11].

Вследствие значительной покатости местности были возведены самые толстые как внешние, так и внутренние стены. Поэтому и по ряду других причин на строительство потребовалось дополнительно 800000 кирпичей, что потребовало ассигнования в 7000 рублей. Дума удовлетворила это требование [12].

Городская Управа представила выработанные ею условия на сдачу в аренду сооружаемого в Самаре театра на три года с 1 октября 1888 года. Условия были одобрены Думой [13].

В мае 1888 «Самарская газета» опубликовала следующее объявление: «Самарская Городская Управа имеет честь довести до сведения театральных антрепренеров, что окончательный выбор антрепренера для вновь строящегося в Самаре каменного театра, сроком на три года, с зимнего сезона будущего 1888 года, будет произведен Управою 15 февраля 1888 года. К этому числу гг. антрепренеры приглашаются или лично прибыть в Самару, или прислать свои окончательные условия по арендованию Самарского театра» [21].

По вопросу устройства сцены в театре Управа обращалась к известнейшим мастерам этого дела: машинисту Императорского Мариинского театра в Петербурге г. Вальцу, машинисту Императорского Малого театра в Москве г. Коноплеву. Они запросили за устройство сцены 18000 и 8000 рублей. Чичагов рекомендовал пригласить из Москвы театрального столлярного мастера с артелью рабочих, так как это будет значительно дешевле и достаточно для провинциального театра хорошо. С этой целью г. Чичагов советовал пригласить мастера при театре Корша – Родина Мирона

Ивановича. Дума постановила вызвать для переговоров М.И. Родина в Самару. Написание для театра главного занавеса и пяти основных декораций: леса, избы, зала, улицы и богатой комнаты Управа заказала классному художнику Янову в Москве за 5961 рубль [14].

Антреприза нового Самарского городского театра была сдана антрепренеру Казанского театра г. Медведеву на 3 года, считая с осени текущего года [23].

По приезду в Самару Родина была достигнута договоренность на устройство сцены на следующих условиях: затраты на материал 3226 рублей, стоимость работ 2900 рублей. Было решено: 1. Лестницы в подвальные помещения устроить из местного камня (597 рублей); 2. Две парадные лестницы всего в 100 ступеней – из тарусского мрамора (2500 рублей), чугунный балясник с одной стороны лестниц (408 рублей); 3. Две боковые лестницы всего в 160 ступеней с двумя площадками из того же мрамора (2250 рублей) и чугунный балясник по одной стороне (320 рублей) [15].

Решено приступить к устройству арки между зрительным залом и сценою по проекту Председателя техническо-строительного комитета профессора Жибера. Для партера поставить чугунную мебель по образцу, присланному г. Сан-Галли. Заказ поместить на местном чугунно-литейном заводе Бенке и Ко, ассигновав для этой цели 2260 рублей [16].

Театральная комиссия на заседании 4 апреля обсуждала вопрос об освещении нового театра. Она пришла к заключению, что необходимо освещать сцену электричеством, а зрительный зал, буфет, фойе и пр., а равно и здание снаружи – газом. Вопрос этот должен был получить окончательное утверждение Думой. «Нельзя не пожелать, чтобы Дума несколько видоизме-

нила это решение комиссии и решила освещать весь театр электричеством» – отзывается об этом событии «Самарская газета» [19].

Затем комиссия театра пришла к соглашению с инженером г. Словиновским. Сцену г. Словиновский должен освещать электричеством, а остальную внутреннюю часть театра и снаружи – газом. Сила света должна равняться 7 тысячам свечей, причем электричество должно равняться свету 1000 свечей. Вечеровой расход на освещение театра исчислен в 30 рублей [20].

18 апреля Дума отклонила предложение Словиновского. Столь долго волновавший гласных вопрос об освещении театра был, наконец, разрешен на заседании Думы 20 мая. Директор Жигулевского пивоваренного завода г. фон-Вакано предложил Городской Думе освещать театр газом, и Дума приняла предложение [21].

На основании доклада Управы для устройства газового освещения Дума пригласила Московского мещанина Коптева, заведующего освещением в театрах Корша и Лентовского в Москве. Ассигнует за работу 1200 рублей и на материалы 5300 рублей [18].

2 августа в Городской Управе состоялись торги на снятие вешалки и буфета в новом театре на срок с 1 сентября этого года по 1 сентября 1891 года. В результате торгов вешалка была сдана некому Галимову за 1626 рублей. Арендатор имеет право взимать с каждого посетителя за хранение верхнего платья 10 копеек, в галерее 5 копеек. С посетителями лож плата была установлена двоякая: по 30 и 50 копеек в зависимости от стоимости ложи. Буфет сдан купцу Корнилову за 2402 рубля [24].

В начале августа 1888 через городскую газету было объявлено: «Антрепренер нового Самарского Городского театра извещает публику, что открытие театра последует 2 октября. Труппа со всеми служащими сформирована из 80 персон. Спектакли ежедневные. Предлагается подписка на абонемент по чековым книжкам. Подписка продолжится только до 24 сентября, для чего касса театра открыта ежедневно с 2 до 7 часов вечера» [24].

1 сентября 1988 года совершилось освящение нового театра. После благодарственного молебствия в фойе театра, отслуженного в присутствии Городского головы, гласных Думы и труппы театра, все помещение театра было окроплено святой водой. По окончании молебствия, в одной из зал фойе присутствующим был предложен завтрак.

На следующий день, 2 сентября, в новом театре труппой известного самарца П.М. Медведева было дано первое представление. Шла драма Неvejeва "Вторая молодость", перед которой оркестром музыкантов был исполнен народный гимн. Театр был переполнен зрителями.

Здание Самарского городского театра относится по стилистической классификации к псевдорусской архитектуре с имитацией московского зодчества XVII века. Его художественный образ построен по симметричной композиции, в которой ведущее место занимают фланкирующие на главном фасаде башни с шатровыми крышами, характерными для боярских хором и теремов. Венчающая часть главного фасада, особенно башен, имеет богатое убранство в форме многоярусной структуры декоративных средств русского зодчества: «бегунцов», «поребрика», орнаментированных спаренных «кокошников» и других элементов. В центре фасада межоконные простенки украшены сплошной многоярусной структурой «дынок».

Художественная сила венчающей части и второго этажа здания подчеркивается лаконичным убранством первого этажа, где архитектурные формы дверей и окон весьма скромно представлены на фоне рустованного поля стены.

Строительство здания осуществлялось подрядным способом. Архитектурно-техническое руководство было возложено на главного архитектора города К.Д. Гордеева и его помощника техника И.П. Куроедова. Архитектор М.Н. Чичагов непосредственного участия в строительстве не принимал.

Здание подверглось капитальной реконструкции в 1967 году. Перестройка улучшила функциональную сторону театра, но отняла у внешнего облика объемно-композиционную и свойственную русскому зодчеству лирическую привлекательность архитектурных форм и деталей.

Представленные открытки с видами Самарского городского театра были выпущены самарскими издательствами К.П. Головкина, А.П. Васильева, В.И. Асмолова, В. Ясвина, М.Я. Плескова, Я.Л. Мытника, М. Шанина, а также издательствами А.С. Суворина, «Св. Евгении».

Литература

1. ЖСДГ № 5 от 04.04.1883
2. ЖСДГ № 13 от 04.04.1886
3. ЖСДГ № 34 от 24.10.1886
4. ЖСДГ № 35 от 05.11.1886
5. ЖСДГ № 38 от 02.12.1886
6. ЖСДГ № 1 от 19.01.1887
7. ЖСДГ № 4 от 10.02.1887
8. ЖСДГ № 6 от 03.03.1887
9. ЖСДГ № 9 от 27.03.1887
10. ЖСДГ № 10 от 17.04.1887
11. ЖСДГ № 14 от 05.06.1887
12. ЖСДГ № 16 от 26.06.1887
13. ЖСДГ № 31 от 11.12.1887
14. ЖСДГ № 4 от 12.02.1888
15. ЖСДГ № 8 от 18.03.1888
16. ЖСДГ № 10 от 30.03.1888
17. ЖСДГ № 13 от 18.04.1888
18. ЖСДГ № 19 от 17.06.1888
19. Самарская газета, № 76 от 07.04.1888
20. Самарская газета, № 84 от 15.04.1888
21. Самарская газета, № 112 от 22.05.1888
22. Самарская газета, № 2 от 03.01.1888
23. Самарская газета, № 39 от 18.02.1888
24. Самарская газета, № 171 от 05.08.1888
25. Самарская газета, № 202 от 17.09.1888
26. Самарские губернские ведомости, № 77 от 05.10.1888

НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ 1920–1940-Х ГОДОВ

В советский период в 1920–1930-е годы сложилась советская национальная модель, построенная на преимуществе права «малых народов» над «большим народом» – русским. Автор статьи исследует распространенный миф о Сталине-руссофиле и показывает, что реальные факты противоречат этому. Сталинская национальная политика была прагматичной и целиком зависела от исторического контекста, а не личных симпатий вождя.

Ключевые слова: ленинская и сталинская национальная политика, этническое большинство, национальное большинство, репрессии, русский народ, советский строй.

Большевистская теоретическая нацеленность на социальное государство с самого начала была «скорректирована жизнью», в результате чего потребности сохранения власти любой ценой заставили большевиков приступить к созданию национального государства. Но социальность продолжала оставаться декларируемой программой, которая на бумаге (в планах и отчетах) была одной, а в действительности – другой. Также национальное государство оказалось легче наложить на кальку прежнего имперского государства, где действовал по-своему «пространственный» принцип деления страны. Но тогда это был территориальный принцип деления, объединяющей духовной силой которого было православие, в советский же период все пространство было разбито на этнические анклав, имеющие свой автономный статус. Этничность стала главным действующим лицом в советской модели, хотя это и не оговорилось вслух и не было зафиксировано в конституции. Национальное государство возникло стихийно, неожиданно для самих большевиков, поскольку национальные (а не социальные) силы в период Гражданской войны стали для них реальным «административным ресурсом», который помог отстоять советскую власть на окраинах. Теоретику Ленину в постреволюционный период не один раз приходилось корректировать свою позицию, в то время как практик Сталин, не раз оказывался более правым в своих оценках действительности. Но и сам Сталин, уже после смерти Ленина, не раз попадал в положение «теоретика» и не раз менял свою позицию на прямо противоположную. Гениальность этих коммунистических вождей не шла дальше того, чтобы ради сохранения власти уметь приспособиться к вызовам вре-

мени, к конкретным историческим обстоятельствам. Вожди готовы были платить какую угодно цену «народоуничтожения» за сохранение своей власти. По причине непродуманности (а точнее непредсказуемости) политики большевиков, в силу того, что новая власть шла «против рожна» – против всех мыслимых и немыслимых отступлений от нравственных и религиозных традиций, привычных для страны, – вся советская эпоха и состояла из небывалых для России потерь народонаселения, из лишений, горя, крови и слез. Подобная хаотичная, лихорадочная политика (как внутренняя, так и внешняя) вела к тому, что власть могла существовать, только опираясь на *насилие* и *обман* (мифы). На мифах, далеко ушедших от жизни, на мифах, где первообразом был «ложный первообраз» этих вождей, и строилось все здание советского государства и общества.

Ленинский период

При Ленине начал складываться тот базис советской идеологии и практики, который был достроен Сталиным и в таком виде дожил уже до конца советской эпохи. У советской модели было несколько составляющих: большевики опирались на безрелигиозную этничность (народность), которая в дальней перспективе должна была смениться атеистической социальностью (безэтничной по содержанию); революционный «социалистический труд»; советское образование, дающее материалистическое мировоззрение, и науку, научное атеистическое и материалистическое мышление.

1. Советский патриотизм – явление сложное, неоднородное и разное на разных этапах советской власти. На первом, «ленинском», этапе (1917–1924 гг., даже фактически до 1927 г., года высылки Троцкого из страны) советская власть декларировалась как интернациональная, но в действительности она являлась этнически избирательной, так как, в соответствии с ленинской национальной политикой, происходило нарочитое умаление прав этнического большинства – русских, чтобы, как думал Ленин, национальностей не почувствовали себя чужими в советском обществе, словно они по-прежнему живут в имперской России, где русские, по мысли вождя, угнетали малые народы. Антирусская направленность национальной политики большевиков проявилась на самом раннем этапе, еще в период революции 1917 г. А.И. Солженицын, тщательно изучивший документы периода Февральской и Октябрьской революций и настроения революционной большевистской элиты этой эпохи, называет их «антирусскими» [44, с. 62]. Антирусский настрой верхушки большевиков продолжал сохраняться и после революции. В одной из последних статей 1922 г. Ленин настаивает

на том, чтобы русские заняли позицию служения малым народам: *«Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически... лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»* [29]. Ситуация, по мысли вождя, плачевная, революционных рабочих немного, и им не справиться с основной массой русского народа, который занимает «шовинистическую позицию» по отношению к малым народам: *«Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке»* [29]. Ленинская точка зрения сводилась к тому, что у русских, в силу их «великодержавности», ведущего положения в Российской империи, особенно был развит синдром быть «держимордой». Основная мысль вождя такова: *«В каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) – притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии»* [28]. И чем меньше «интернациональный», «демократический» процент в национальной культуре, тем национальная культура более реакционна, тем более она требует революционного усмирения. Речь шла, главным образом, о насильственном разрушении многовековой связи русского народа с церковной, православной традицией, потому что здесь находился для большевиков корень русской национальной культуры. Но кроме конфессионального – важнейшего фактора национальной идентичности русских – в качестве врагов революции в русской «национальности» Лениным выделяются социальные – «культура помещиков и буржуазии», т.е. *политическая культура* отношения власти и народа. В отношении всех трех основных врагов (духовенства, помещиков и буржуазии) советской властью были предприняты самые жестокие меры, включая массовый террор. Физическому уничтожению или вытеснению за пределы страны подвергли служилые слои, буржуазию и духовенство [8, с. 64-128 – в идеологических установках советских политологов по поводу «эксплуататорских классов», к которым, по официальным оценкам, принадлежало не менее 15 % русского населения предреволюционного времени (т.е. около

22 100 тыс. чел.), звучало одно слово – «уничтожение»]. Труднее оказалось стереть с лица земли духовенство (да и Церковь в целом), борьба с ним продолжалась весь советский период. Быстрее других были уничтожены «помещики» – дворянство – служилое сословие России (чиновничество, военные, землевладельцы), хотя часть из них вошла в советский аппарат в качестве военспецов. «Буржуазию», объявленную после революции врагом советской власти, реабилитировали в период НЭПа, для того, чтобы экономически поддержать советскую власть (хотя бы прокормить и научить ее торговать «по-европейски») [27]. Физическое уничтожение русской буржуазии, включая зажиточное крестьянство, проходило в 1930-е годы.

Еще до революции в трудах революционных демократов настойчиво проводилась мысль о России, превращенной «царизмом» в «тюрьму народов». Эта идея после революции вышла на первое место. В созданном с самого начала правления большевиков органе Наркомнаце РСФСР первенствовали в прошлом «угнетенные» народы. Возглавлял этот орган грузин И.В. Сталин, его заместителями были нерусские (латыш О.Я. Карклин и еврей Г.И. Бройдо), на чем (чтобы были нерусскими) Сталин сам настоял [53, с. 62]. С 1917 года большевики-интернационалисты, по сути, занялись созданием принципиально новых административных структур управления, вместо территориальных образований – губерний и т.д. – появились национальные образования – союзные республики и автономии разного уровня.

Позиции Ленина и Сталина по национальному вопросу различались. Ленин смотрел на национальный вопрос абстрактно теоретически. Он считал, что нужно всем «ранее угнетенным народам» (т.е. всем, кроме русского) дать равное право союзного государства в рамках общего союза – конфедерации. Сталин же (с 1918 г.) видел процесс создания национального государства как многоступенчатый и постепенный [46, с. 84]. Сначала одни получают права союзного государства, потом постепенно другие, переходя от разных уровней автономности, повышают свой статус. При этом дробность национального деления должна быть доведена до уровня национального сельсовета, чтобы внутри сплошных этнических массивов могли бы существовать хотя бы небольшие, национальные анклавовы [2, с. 170].

И Ленин, и Сталин в 1920-е годы были едины в одном: в отношении к русским. Русские виделись ими как уже «получившие свое» в дореволюционный период, и потому ныне они должны были, умаяя себя, заняться отдачей долгов малым народам. Все 1920-е годы большевики методично разрушали ту великую многонациональную конструкцию, которая естест-

венным образом существовала (как и возникла) в России в течение многих веков. Эта конструкция имела цивилизационную основу, поскольку народы России *за счет православной духовности* были объединены в единое культурно-хозяйственное пространство [19, с. 34-75]. В тоже время, политически (внешне и внутренне) конструкция была стянута имперскими территориальными скрепами. Восточный, православный характер империи указывал на то, что в ее политике доминировал не военный, а церковный интерес. Цивилизационное и имперское соотносились как *форма* и *содержание* того, чем была Россия в XVIII – начале XX вв. Формой жизнедеятельности страны была цивилизационная деятельность, содержанием же ее была имперская деятельность по «сохранению истин веры» [39, с. 91 – Митрополит Иоанн (Снычев) так определяет характер деятельности православной империи: «Империей (от латинского *imperium* – «власть») в христианском понимании принято называть государство, почитающее сохранение истин веры своей главной обязанностью; государство, объединяющее в себе различные культуры, народы и племена; спаянные в единый общественный организм вокруг некоторого державного ядра. Таким ядром являлся народ-носитель державной идеи, народ-защитник святынь и страж устоев государственного бытия, блюститель мировоззренческого единства, политической стабильности общества и экономической дееспособности страны». – *Иоанн (Снычев), митрополит*]. В российском имперском пространстве защищалась не только православная вера, но и другие традиционные вероисповедания. Причем защищались в той степени активности и в той мере, в какой они сами участвовали в цивилизационной деятельности державы. В этом случае путь к появлению радикального ислама, «борющегося с политическим режимом», тогда был напрочь закрыт, поскольку власть не исповедовала атеистическую светскость, провоцирующую сегодня появление экстремистских форм в исламе.

Большевики-ленинцы, разрушая старую форму и содержание самодержавной российской власти, уничтожали сразу две главнейшие, естественные скрепы страны: цивилизационную и имперскую. В качестве ее замены они выдвинули идею *нациестроительства*, трактуя ее, в отличие от ее создателей либералов, по-своему. Известно, что незадолго до революции 1917 г. русские либералы перешли от позиции неприятия идеологии, связанной с национальной идеей, к увлечению ей, за счет чего они открыли для себя своего рода легитимный источник энергии для объединения либеральных сил, ориентирующихся на «национальное спасение России» [42, с. 17-20]. И хотя не националисты-либералы, а либералы-западники

пришли к власти в феврале 1917 г., но именно первые обеспечили во многом эту победу последним. Большевики-интернационалисты, которые до революции 1917 г. были антинационалистами, после прихода к власти стали активнейшим образом реализовывать националистические идеи либеральных идеологов национализма. Таким образом, пригодилась интеллигентская утопическая программа нациестроительства, которая могла быть реализована лишь волевыми и силовыми методами, потому что реальное выполнение ее не зависело от традиционных естественных средств воспитания народа и народов, которые черпались из религии.

Отказ от цивилизационного формата взаимодействия народов в советской России и СССР, предполагал выдвижение на пограничье взаимодействия народов между собой этничность, освобожденную от религиозности. Последнее достигалось за счет отказа от православной имперскости в области политической, и за счет репрессивной деятельности по отношению к Православной Церкви и другим традиционным религиям. Бросая освобожденную от религиозной духовности этничность в пучину бушующего революционного моря в стране, большевики должны были в первую очередь позаботиться об искусственных средствах, как-то нейтрализующих остроту прямого межэтнического – соприкосновения разных народов друг с другом. Для этого и понадобилась масштабная «зачистка» русского народа, а потом и ряда других народов, имеющая целью уничтожение у них религиозного компонента. Опыт советского нациестроительства показателен в том смысле, что здесь впервые в мировой практике был поставлен вопрос о создании *чистой*, т.е. очищенной от религиозной и этнической «примеси» гражданской нации. Ставилась задача поглощения свободной от религиозных одежд этничности правовой стихией и полного подчинения и даже растворения ее в правовом поле. Таким образом, исчезнуть должны были религиозность и, в далекой перспективе, этничность. Нация «советский народ» должна была стать в будущем гражданской нацией, где у человека был только один идентификатор – правовой статус. Для человека без традиционных корней Родиной должна была считаться революция, а Отечеством – социализм или коммунизм. И хотя идея так и не была до конца реализована, но опыт ее оказался востребованным позже во всем мире.

Большевики были идеальными конструктивистами-практиками. Они не считались с жизненными реалиями, с тем, что им приходится «резать по живому», с тем, что речь идет о реальном, а не абстрактном народе, из-

вестном им по теоретическим работам. Они действовали как патологоанатомы в лаборатории, с предельным хладнокровием и циничностью. Их врагом была этничность. Но до той поры пока она могла помочь им в разрушении «старого мира», они готовы были ее терпеть. Эта ленинско-сталинская иезуитская способность приспособливаться к обстоятельствам стала со временем одной из ярких черт всей большевистской партии и всех ее вождей.

Начнем с того, что на практике Ленину пришлось забыть об интернационализме, потому что все пространство революции занял национальный вопрос. Его надо было решать как один из двух главных вопросов революции: о *советском* характере власти и о *национальной* форме ее существования. Таким образом, советское заменило собой прежнее – имперское начало, а национальное стало на место цивилизационного компонента. Национальное строительство велось в советское время в контексте цивилизационного процесса. При сравнении того и другого, мы можем заметить, насколько обедненно-примитивно стала подходить советская власть к цивилизационной деятельности по сравнению с дореволюционным временем. Вся ее цивилизационная деятельность свелась к формированию гражданской одноплоскостной (правовой) идентичности, в то время как дореволюционный опыт был представлен широким спектром культурно-хозяйственной деятельности, основанной на достижениях как российских, так и общеевропейских. Отличия двух моделей огромны. В первом (советском) случае, человеку гарантировалось только субъектное право на существование, которое в реальности, учитывая репрессии в СССР, подневольный труд и т.д., почти не выполнялось. Во втором случае, человеку (и не только русскому, но любому, подчинившемуся закону цивилизационной жизни страны) было гарантировано право свободно жить и трудиться в пределах всего спектра культурного и хозяйственного развития страны.

Но обратимся к конкретике ленинской национальной политики. Этничность малых народов бывшей Российской империи была признана пролетарским вождем во всей полноте, со всеми ее религиозными атрибутами, и поддерживалась она в таком виде до смерти вождя. Негативная оценка русской давала возможность большевикам с самого начала легализовать в глазах всего народа их репрессивную деятельность в отношении Православной Церкви.

Таким образом, процесс большевистского нациестроительства при Ленине начался с установления правового статуса (*de facto*) неравенства большого народа – русского – и малых народов. Русские были поставлены

в подчиненное положение. И в это же время началось первичное наступление на их этничность, с целью отделить от нее православную составляющую. В отношении неправославных в 1920-е годы наблюдалась более гибкая и мягкая политика, подразумевающая включение их религиозной составляющей в советскую действительность. Несмотря на общее положение «отделения церкви от государства», мусульманам, в отличие от православных, по личному распоряжению Ленина, было разрешено вести самим записи браков и рождений (в обход «Декрета о гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г., который упразднил прежнюю, только церковную, регистрацию) 31 июля 1918 г. при всех мусульманских комиссариатах были созданы отделы записи брака. Более того, мусульмане получили в отдельных регионах (в Туркмении) право оставить у мулл книги регистрации [53, с. 323]. Мусульманам было разрешено паломничество в Мекку [54, с. 214], были сохранены шариатские суды, существовавшие наряду с народными, советскими. Также в первой половине 1920-х годов шло бурное строительство системы еврейских религиозных школ.

Мы не можем не дать свою оценку большевистскому опыту национально-строительства на территориях проживания малых народов, включая коренизацию государственного аппарата автономий, создание национальной интеллигенции и национальной культуры. Насколько нужна и полезна была эта деятельность по созданию государственной инфраструктуры в каждом из национальных анклавов? Сегодня те, кто защищает советскую эпоху от критики, на первый план выдвигают социальные достижения, пришедшие в жизнь малых народов, благодаря советской власти: школы, вузы, больницы, библиотеки т.д. и оставляют в стороне вопрос о той цене, которую заплатили эти народы за предоставленные блага. Это вопрос далеко не простой, поскольку большевики ничего не делали просто так, из «классово-человеколюбивых соображений». Они воспитывали и обучали не бурят, якутов, коми, а «советских граждан», стоявших вне привычной им этнической и религиозной традиции. Атеизм и материализм первенствовали в национальных школах и вузах. Преподавание хотя и велось на национальных языках, но изучалась при этом «интернациональная культура» или выхолощенная донельзя национальная в ее отдельных образцах. Целью ленинской, а потом и сталинской национальной политики в отношении малых народов, являлось создание «законопослушного советскому строю гражданина», и не более того. Этого гражданина бесплатно лечили и учили, давали ему право ходить на выборы. Но от гражданина

требовался «самоотверженный, малооплачиваемый труд», способность и готовность подчиняться любым решениям партии, быть верным сыном своей советской Родины. За советские блага цена была самая высокая – стать исторически беспмятными людьми, внерелигиозными, оторванными от родовых и фамильных корней. Советский человек начинал свою историю с чистого листа, и любой представитель малого народа был здесь не исключением. Другое дело, что советской власти не удалось довести до конца задуманное, не удалось собрать урожай полностью «со своих должников», и люди продолжали, как могли, вопреки идеологическому давлению хранить традиции. Но советская власть старалась привести всех к общему знаменателю и немало преуспела в этом. Сам факт существования автономий (республик, краев, областей) указывает на то, что в области советского нацистроительства для малых народов было сделано очень много. А значит, серьезно были нарушены традиционные основы их этнического бытия, того, что создавалось не одно столетие, и за что каждый народ всегда платит самую высокую цену подвигами и самоотверженностью самых лучших своих представителей. Но все эти бесценные сокровища пришлось очень быстро (за несколько десятилетий) отдать, оплачивая расходы на советскую бесплатную медицину, образование и т.н. культурную советскую самобытность.

Стоит подробнее остановиться на ленинском периоде автономизации и нацистроительства, потому что за эти несколько лет была создана, по сути, вся структура национальных образований, которая до сих пор продолжает определять жизнь России. Малым народам было разрешено создавать автономные этнические объединения, чтобы повысить их политический статус, и тем самым вернуть им будто бы умаленное в царское время чувство собственного достоинства. Таким образом, целью нацистроительства в этот период стало движение к созданию правовых, самостоятельных, политических организмов.

При создании автономий малые народы России наделялись территориями, гораздо большими, чем была земля их реального этнического расселения. По сути, в эти годы происходило разделение на части «единого и неделимого» пространства Русской земли, спаянного в одно целое этнической мощью русского народа. В случае претензий представителей малых народов, высказанных центру (нехватка промышленных и культурных центров) таковые (построенные и населенные русскими) передавались в ведомство автономии. Так, по требованию башкир им была передана промышленность Южного Урала и город Уфа [54, с. 123]. При создании

автономной области для народа коми, к ним присоединили земли пермяков, часть Архангельской губернии. В другом случае города Грозный и Владикавказ с пригородами, населенные русскими, не сразу, но к началу 1-й пятилетки присоединили к Чечне и Северной Осетии, сделав их столицами соответствующих автономных областей [2, с. 120]. Такой подход был в целом характерен и для других регионов. В эти годы не звучали слова коллективного возражения со стороны русских, так как они не были субъектами участия в разделе земли, они не вошли в юридическое поле размежевания территориальных границ. Русские словно исчезли с карты России. Территориальные споры велись только со стороны малых народов между собой: чуваша спорили с марийцами, пермяки с коми, при этом доходило до того, что звучали требования выселения русских со своей территории. Повсеместно звучало: «Якутия для якутов», «Киргизия для киргизов», «Коми для коми» и т.д. Но при этом все выставляли требование центру обеспечить автономию специалистами (агрономами, землемерами, врачами, педагогами, партработниками), материально-техническими средствами, деньгами. Подразумевалось (хотя и не озвучивалось), что это будут русские специалисты. Но руководящие посты должны были оставаться за представителями малых народов. Сам ВЦИК настаивал на замене руководящих русских кадров национальными [2, с. 126]. Это тем более выглядело «не по-революционному», так как в органах власти в автономиях находились хотя и русские, но такие же революционеры, борцы за советскую власть. Но «пролетарский национализм» у малых народов сразу взял верх над интернационализмом. Вот что писал, например, член ойратского ревкома Строев: «Из алтайцев только один я являюсь единственным ответственным работником из алтайской нации. Положительно все заведующие отделами из русской национальности. Есть лица, не имеющие ничего общего с алтайской национальностью, не понимающие и не знакомые с бытом, нравами и языком того населения, которое они обслуживают. Вполне естественно, что такие лица не могут вести полудикую туземную массу к светлому Царству Коммунизма» [2, с. 242]. Среди коммунистов находились трезвые головы, которые призывали не поддаваться эйфории национального самоопределения: «У нас нет литературы, литературного языка и своей культуры и говорить о возрождении смешно. Народ (коми) – обрусевшие наполовину крестьяне» [2, с. 177]. Но такая позиция была редким исключением.

Повсеместно национальные автономии создавались не только при свободном привлечении и использовании русских земель, их промышленных потенциалов, но и совершенно без учета количества проживающих здесь русских, благо «титульной нации» стояло выше. При создании Татарской АССР оказалось, что ни татарского пролетариата здесь нет (из 20 189 рабочих русских – 80 %, а татар – 15 %); из 2 646 176 «крестьянского населения», татар 54,2 %, русских – 37,7 %; в Казани русских – 73,9 %, татар – 19,4 % [51, с. 193]. Тем не менее, республика создавалась как Татарская, с полным ущемлением прав русских. Как считали татарские чиновники, они имели на это полное моральное право поскольку: «в прошлом, при царско-буржуазном режиме (в республике) проводилась в самой гнусной форме политика русификаторства и колонизаторства» [51, с. 193]. Все русские здесь теперь должны были искупать своим бесправием эту прошлую вину. Национальный натиск был настолько силен, и конечно поддержан центром, что даже «русские коммунисты (в регионе) стали пугливо осторожно относиться к национальному вопросу». Татарские партийные и советские функционеры стали жаловаться центру, что со стороны русских коммунистов мало помощи, они «не вовлекают татарские трудовые массы в партийную, советскую, профсоюзную работу» [51, с. 195].

Во всех обращениях во ВЦИК о создании национальной автономии обязательно указывалась антирусская мотивация: «ненавистное управление из далекого царского центра игнорировало интересы нашей области», «русификаторская эксплуататорская политика царского строя» мешала зырянам развиваться. Марийцы писали о себе, что из-за русификации они были раздроблены и разбросаны по большой территории и теперь их необходимо собрать. В этих обращениях (на основе которых были созданы автономии) допускались мифология и откровенная ложь. Так, например, калмыки жаловались, что из-за русского притеснения численность их все время уменьшается. Это факт решили проверить. Экспертом из центра оказался не только ученый, но и человек, искренне желающий выяснить истину. В результате выяснилось, что калмыки уже с 1771 г. были поставлены в благоприятные условия для своего существования, каждые 55 лет число их удваивалось, и на данный момент не было причин для беспокойства. Потери, которые случались у калмыков, были вызваны последствиями стычек с другими кочевниками – башкирами и киргизами [51, с. 163].

Антирусский тон, заданный большевиками и поднятый на щит малыми народами в период автономизации, постепенно приобретал не толь-

ко законность, но размах и глубину. В дальнейшем трудно было контролировать этот процесс из центра, тем более что центр и инициировал этот процесс и до поры поддерживал его. Игра на чувствах национального эгоизма не являлась целью национальной политики большевиков, а скорее была тактическим ходом. Так, в 1922 г. в письме к Ленину Сталин писал: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы сумели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП (б) как обман и лицемерие со стороны Москвы» [51, с. 79].

Закономерным итогом этого периода «автономизации» стало массовое нарушение прав русского народа: «При оформлении национальных автономий, определении их границ не учитывались, за редким исключением, интересы русского народа. В автономном образовании русским было отказано, исходя из «общегосударственных интересов» (как считали Ленин и Сталин – О.К.). На русский народ перенесли ответственность за политику династии Романовых. Члены коллегии Наркомнаца во главе со Сталиным этой тенденции не пытались противостоять. Вопрос об исторических судьбах русского народа даже не ставился. Точно также игнорировались интересы других славянских народов» [51, с. 266].

Укрепляя центральный аппарат для проведения все более эффективной национальной политики, большевики в 1924 г. ликвидируют Наркомнац, благодаря которому власти нацрегионов имели широкое представительство в Центре, и взамен него создают более централизованный орган управления. Сталин не преминул заметить, что новый орган будет нужен для репрессивных целей: «это будет хорошая узда для великорусского шовинизма» [53, с. 813]. Эту стратегическую для себя задачу советская власть решала двояко: укрепляя репрессивные возможности центрального аппарата и всячески способствуя коренизации административного аппарата в автономиях. Представители же автономий, собираясь в Москве, продолжали обсуждать вопрос, как еще уменьшить власть русских. Например, в ноябре 1926 г. зампреда СНК РСФСР Турар Рыскулов провел так называемое «Частное совещание националов», членов ВЦИК и ЦИК СССР. «Русский вопрос» стал главным на этом совещании. М. Шевле предложил выделить русским в РСФСР отдельную Русскую республику, чтобы Центр (властный центр) перестал ассоциироваться с русскими.

Председатель СНК Киргизской АССР Ю. Абдурахманов, с предложением не согласился, считая, что лучше в максимальной степени расширить права автономий. Председатель ЦИК Дагестанской АССР поставил вопрос ребром: «Как остановить наступление «Ваньки» и контрнаступление «Османа»?» Образ всем понравился. Никого не удивила ни сама по себе грубая форма, рисующая ситуацию, ни тем более общая постановка вопроса, хотя все прекрасно знали, что в действительности шел прямо противоположный процесс. Укрепление Центра вызывало в 1920-е годы недовольство «националов», они не раз обвиняли Москву (во многом нерусскую по позициям и кадрам) в великодержавных позициях. Даже борьба с религией в мусульманских регионах рассматривалась как проявление «великорусского шовинизма».

Характерным для 1920-х годов было допущение *общей оценки (вины)* русского народа, а не просто отдельных его представителей. Потом этот подход, уже в 1930-е и 1940-е годы, не раз применяли и к отдельным, «провинившимся», малым народам. В 1920-е годы русские не раз слышали о себе нелестные общие характеристики, звучавшие с высоких трибун. В 1926 г. заведующий отделом нацменьшинств Отдела агитации пропаганды ЦК ВКП(б) С.М. Диманштейн в докладе на совещании по борьбе с антисемитизмом, напрямую заявил: *«В русских широких массах рабочих и крестьян, особенно в крестьянстве, имеется без сомнения известное недовольство нашей национальной политикой, им мыслится, что русские должны являться господствующей нацией. Эта мысль живет в сознании русских широких масс. Мы знаем, что в крестьянстве живет мелкобуржуазное антисемитическое настроение, и факт тот, что мы проводим национальную политику, в значительной степени уничтожающую старое господство, каким пользовались русские, в значительной мере порождает недовольство. Это недовольство национальной политикой в значительной мере усиливает антисемитизм и питает его»* [51, с. 425-428]. Интересно в этой связи представить точку зрения русской стороны в том же 1926 г., высказанную на похожем мероприятии – диспуте об антисемитизме, который проводился в стенах Московской консерватории 2 декабря 1926 г. В выступлении профессора Московского университета Ю.В. Ключникова, специалиста по международному праву, прозвучала мысль о том, что «на национальных признаках в советской стране строится весь государственный строй, поэтому с национальным чувством надо считаться». Профессор заявил, что если советская власть объявила правила игры, в соответствии

с которыми государство строится на «национальных признаках», значит, ни одна нация не может быть умалена в своем национальном достоинстве, тем более русская. «Законны национальные чувства всякой нации». Ю.В. Ключников сказал это в пику выступавшему до него поэту М. Кольцову, который утверждал, что одно дело ругать русского, а другое дело – еврея. Во втором случае возникает целое явление – антисемитизм. А из первого, кроме частного случая, нет ничего особенного. Профессор на это ответил, что такое время прошло (намек на ленинский период). Очевидно, в стране уже появились какие-то признаки нового (хотя и декларативного) положительного отношения власти к русским. «Сейчас и русского не годится затрагивать» [51, с. 452]. Далее оратор следующим образом развивает свою мысль: любое здоровое национальное чувство – это нормально, это хорошо. И русские, как и все народы СССР, имеют право на здоровое национальное чувство. В соответствии с ним они хотят, чтобы о них так же заботились, как и о других народах. Но они видят другое, и они повсеместно возмущены социальной несправедливостью. Но это не национализм, это проявление «естественного голода и недовольства», здорового национального чувства. Профессор возмущается: как можно на 10-м году существования советской власти вообще серьезно говорить об антисемитизме? Необходимо решать социальные вопросы по справедливости для всех народов страны, тогда здоровое национальное чувство любого народа будет удовлетворено. Но как только проф. Ключников закончил свою речь на него с обвинениями обрушился ведущий Ю. Ларин, как на «врага, одевшего личину», речь профессора была названа «панической, против советской власти».

Проблема нациестроительства тогда не могла быть решена без финансового обеспечения со стороны Центра. «Субвенции – целевые государственные пособия – были в 1920-е годы единственным источником пополнения местных бюджетов». В 1930-е годы дотации Центра в бюджетах автономий и республик были не менее 50 %: в Карельской АССР 65 %, Якутской – 63 % и т. д [51, с. 69]. Известны следующие слова Д.Б. Рязанова, директора Института Марксизма-Ленинизма, сказанные им в октябре 1925 г. на сессии ВЦИК XII созыва: «Все республики должны знать, что РСФСР приносит громадные жертвы в пользу СССР, приносит эти громадные жертвы тогда, когда крестьянство РСФСР находится в худшем положении, чем крестьянство остальных членов Союза ССР. И не только крестьянство, это надо подчеркнуть» [54, с. 34]. Но эти разумные слова о том,

что не надо плевать в колодец, который тебя поит, не были услышаны. Рязанову тут же возразил инструктор ВЦИК Д. Галли: «Странно слышать, что на горбе русского крестьянства мы несем расходы РСФСР». Возражения Галли сводились к тому, что не надо напоминать об этом, говорить вслух, ведь «это помощь не филантропическая, а чтобы вызвать подъем производительных сил отсталых районов» [54, с. 35]. Этот окрик, нередко был слышен в отношении русских и в ленинские, и в сталинские годы, когда кто-то из русских партийных функционеров пытался воззвать или к равноправию или к справедливости в конкретной ситуации. Время показало, что вопрос о дотациях «национальным республикам» – это не вопрос ситуации, кадров, ресурсов, а вопрос все же цивилизационный, который не может быть решен отдельным малым народом в одиночку, но лишь внутри единого цивилизационного пространства. Такого пространства советская власть малым народам не представила. В июне 2013 г. в выступлении временно исполняющего обязанности главы Дагестана Р. Абдулатипова прозвучало: «Это богатейшая республика, и позор, что мы находимся по основным показателям социально-экономического развития на последних местах. Живя в прекрасном регионе, позор кормиться за счет рязанского мужика! Надо самим зарабатывать и самим потреблять. И помогать стране!» [25, л.7].

Нельзя не учитывать в связи с финансовым вопросом и того, что центр, отдавая окраинам средства на нациестроительство, сам (народ центральной России) крайне нуждался после Гражданской войны и голодных лет (1922–1923 г.) в средствах. Лишь к 1927 г. детская беспризорность, размах которой был беспрецедентным [13, с. 166 – в 1924 г. к беспризорным относилось 36,9 % детей России и значительная часть их жила вне дома], в центральных районах была локализована, все беспризорники определены в детские учреждения. Но и там детям не хватало самого необходимого. Денег в местных бюджетах катастрофически не хватало ни на какие социальные проекты, даже на самые важные [13]. Но и в этих условиях большевики продолжали финансово поддерживать региональные проекты, связанные с нациестроительством. Экономическое «выравнивание» Центра и окраин началось сразу же после окончания Гражданской войны. Это была долговременная политика, направленная на экономический промышленный подъем в национальных анклавах. Исследовавшие это явление авторы говорят об искусственном характере «подъема». Из Центра вывозились целые предприятия, русская рабочая сила, передава-

лись финансовые средства, «проводилась политика искусственных финансовых и иных льгот за счет обескровливания Центра, прежде всего великорусских районов» [5, с. 158]. Коллективизация проводилась в мягком, щадящем режиме [5, с. 160]. Политика «высасывания соков» из Центра самым тяжелым образом отражалась на развитии Центральной России и, конечно, во многом повлияла на степень готовности страны к войне с фашизмом. Такая политика, как считают специалисты, оказала негативное влияние на страну в целом: «С точностью подсчитать, насколько в результате такой политики замедлилось развитие большинства регионов – невозможно, однако сам по себе этот факт представляется бесспорным. Отсюда, из 20-х гг., берут истоки трагедии Российского Нечерноземья, Поволжья, неустроенность Сибири. Русского Севера, Дальнего Востока. Активное, плановое, национально-обезличенное перераспределение лишало национальной специфики как те регионы, у которых «брали», так и те, кому «давали», а очень часто навязывали» [5, с. 164].

Со второй половины 1920-х годов, после проведения автономизации, начинает меняться и национальная политика в отношении малых народов, советское нациестроительство вступает в свой новый этап – насильственного отъединения религии от этничности и у малых народов. Но, опять же, наступление на религию здесь велось более мягко и не столь масштабно. Тезисы ВКП(б) 1926 г. «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР» (речь идет о нерусских национальностях) в целом еще дышат толерантностью в отношении веры малых народов. Но большевики уже признают, что соединение этнического и конфессионального начал недопустимо ни для кого: «Перед безбожниками-националами стоит новая задача в антирелигиозной пропаганде: разъяснение различия между понятиями национальности и религии. Духовенство в своей повседневной агитации закрепляет смешение понятий национальности и религии и прилагает все усилия к отождествлению этих понятий. Без учета этого обстоятельства антирелигиозная пропаганда может преломиться в сознании нации как пропаганда против национальности».

Власти ставят задачу внедрять материалистическое мировоззрение, разъяснять людям одинаковую сущность всех религий, уделять место вопросам естествознания. «Шариат, адат (уруфь), завоевавшие значение не менее корана, должны быть подвергнуты критике в равной мере» [51, с. 387]. С 1922 г. был наложен запрет на существование шариатских судов и мусульманских школ, но негласно и то и другое продолжало существо-

вать до начала 1930-х годов, пока не развернулась масштабная репрессивная компания по выявлению «шпионов и диверсантов», в результате было репрессировано большое число мусульманских духовных лиц. Также после 1922 г. началось сворачивание всех традиционных основ еврейского религиозного быта, эти перемены коснулись даже языка. Государственную поддержку получил лишь идиш – «язык еврейских народных масс», программы по ивриту перестали поддерживаться советской властью [51, с. 111-112]. В ВКП(б) открывается единственная в своем роде еврейская секция, которая курировала процесс перехода евреев на светский образ жизни. Под запрет попадают все националистические сионистские организации евреев.

Ленинскую национальную политику можно охарактеризовать как националистско-интернационалистскую, т.е. националистско-репрессивную по отношению к русскому народу и интернационалистскую по отношению ко всем народам, в том числе русскому. Интернационалистская политика подразумевала постепенную деэтнизацию, что на первом этапе означало атеизацию всех народов. Для русского народа атеизация сопровождалась еще и узаконенной репрессивной политикой по отношению ко всему народу. Именно, народу, а не какой-то отдельной его части (Церкви, духовенству).

2. Вера в «коммунистический труд» – важная составляющая мировоззрения советского человека. Большевики не сразу увидели, что труд, кроме классово-сословной основы, имеет еще традиционные корни. А это традиционный этнический, религиозный, нравственный опыт народа. Маховик революции удалось остановить не сразу. Поначалу преобладало строго репрессивное отношение к русскому народу (крестьянству, торгово-промышленной буржуазии), что не позволило даже в годы НЭПа большевикам-ленинцам опереться на русские народные трудовые традиции, из-за чего в ленинский период, на наш взгляд, не произошло принципиального перехода к новому типу советского хозяйствования. В последних своих работах Ленин отчасти стал осознавать эту проблему, когда писал, что задачей НЭПа является «смычка с селом»: *«Смычки с крестьянской экономикой той новой экономики, которую мы пытались создать, у нас не было. Есть ли она теперь? Еще нет. Мы к ней только подходим. Все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем, с экономикой крестьянской. И в этом наша за-*

слуга. И без этого мы бы не были коммунистами-революционерами» [27]. Но смычки на деле так и не произошло, поскольку продолжала господствовать политика воинствующего атеизма, которая была чуждой крестьянству. Ленин надеялся на то, что свобода в торгово-хозяйственной сфере позволит постепенно решить проблему создания самодостаточной советской экономики, но кроме спекулятивного капитала и мелких форм рыночной торговли такая подконтрольная свобода ничего не несла. Советская власть в эти годы выживала за счет тотальной распродажи за границей золотого запаса, антиквариата, всего того, что находилось в музеях или было «экспроприровано у Церкви и буржуазии». Также немаловажно то, что большие средства уходили из Центра на решение задач национально-строительства у малых народов, на их экономические, социальные и культурные нужды. В деле организации народного труда советская власть при Ленине зашла в тупик, который грозил ей гибелью.

3. Большевики с самого начала самым серьезным образом отнеслись к образовательной сфере. Для многих почитателей советской эпохи именно здесь находится итог главнейших ее достижений, ее самая заветная сторона. Всеобщее народное образование, поголовная грамотность, возможность любому из «кухаркиных детей» получить высшее образование, сделать научную, политическую или художественную карьеру не могли не воздействовать на патриотизм советских людей. Между тем, нельзя забывать, что цена за образование – массовая атеизация школьников – была огромна и ему несоразмерна. Никаких школ не было бы, если бы в них не преподавался атеизм, отрицающий религиозные ценности, и не утверждалось бы новое духовное мировоззрение – научный коммунизм. В жесткие идеологические тиски воинствующего атеизма попала и наука, работавшая и на производство, и на образование. Развитие науки приобрело, особенно в гуманитарной сфере, односторонний характер. Русская история и культура стали рассматриваться вне религиозного, а до начала 1930-х годов и этнического контекста. Научная сфера привлекала к себе советскую власть по нескольким причинам. Научное мышление должно был заменить собой религиозное мышление и потому каждый школьник должен был «овладеть этим инструментом». Конечно, во многом большевики действовали начетническим, а не творческим образом. Школьникам предлагалось заучивать тот или иной набор доказательств естественного происхождения того или иного явления и на вере в факт их доказанности строить всю общую цепочку. Важно было знать, что «наука это доказала», а те

или иные популяризированные сведения учащимся предоставлены. Но нельзя сводить советское «научное мировоззрение» к некому идеологическому условному уровню, который был рассчитан на педагогов и учащихся, поскольку там не требовалось решать фундаментальные доказательные задачи. Несомненно, должен был быть и образцовый научный уровень, откуда идеологи и практики могли бы черпать свои идеи и доказательства «отсутствия Бога». Советская наука, несомненно, стояла перед задачей преодоления препятствий религиозного мировоззрения, чтобы найти реальную замену ему. Это мировоззрение допускало существование неких тайн, некоей разумной мистики, некоего сложнообъяснимого рационализма. К таковым советским феноменам можно отнести мировоззренческие выкладки В.И. Вернадского, связанные с его теорией ноосферы. Для этого ученого наука являлась высшей сферой свободной, творческой мысли и, более того, высшей формой творческой реализации человека в смысле возможности воздействовать на биосферу. Наука, по Вернадскому, превзошла религию, философию, государство, и потому очень скоро станет первенствовать в мире. Он считал, что наука, как созидательница ноосферы – преобразованной биосферы, умной биосферы – может и должна решить все проблемы человечества. Вот почему она заменит и государство, и философию, и религию, которые лишь частично справляются со своими задачами. Наука сможет все сделать «для правильного социального устройства, (дающего) максимум счастья и полное удовлетворение основных материальных потребностей человечества» [6, с. 87]. О науке Вернадский говорит как о вере: она продуцирует мораль более высокую, чем религия или государство, она демократична, «в ней несть ни эллина, ни иудея», цитирует он апостола Павла. Если религий и философских систем много, то «наука одна и едина». В науке есть «научная истина» и есть «научный разум», который выходит «за пределы исторического времени» в «вечное» [6, с. 96]. Таким образом, если говорить о мировоззренческом содержании этих общепhilosophических постулатов В.И. Вернадского, то они действительно не укладываются в прокрустово ложе обычного советского материализма. И, тем не менее, они принимались и поддерживались советскими идеологами, видевшими, как и Вернадский, в науке альтернативу религии.

Вот почему, если говорить о *духовной составляющей* советской идеологии, то нельзя оставить без внимания авторов (а не только идеологов-практиков), несомненно, оказавших большое (может быть решающее) влияние на создание постулатов советского научного мировоззрения. К

таковым авторам, кроме В.И. Вернадского, следует отнести К.Э. Циолковского и так называемых космистов, в том числе их предшественника, умершего в 1903 г., философа Н.Ф. Федорова. Кроме того, со стороны большевиков, как замечают многие, наблюдалось копирование тех или иных известных церковных форм и переделка их на советский лад. С.Г. Кара-Мурза считает это явление характерным для большевиков. «Большевики разрушали церкви как капища «неправильной» религии, они замещали их другими церквями и другими иконами. Это было страстное столкновение двух религиозных представлений о правде» [17, с. 263]. Автор оправдывает «благородную борьбу за истину», в которую включились большевики со всей революционной страстью. Это не было «верой в конкретного бога», религиозность представлялась им как «способность человека чувствовать, воспринимать сокровенный, священный смысл событий, отношений» [17]. Не очень понятно, поначалу, откуда, по мысли историка, большевики могли черпать свою религиозность, поскольку «такой человек ощущает священный смысл хлеба и земли, тайный смысл рождения, болезни, смерти. Для него может иметь священный смысл Родина, Армия, даже завод...». Но далее мы находим разгадку: религиозное чувство их формировалось из особого отношения к священным понятиям – «хлебу», «Армии», «Родине», «заводу». Они выращены, собраны, построены «жертвами отцов», и потому «такой человек чувствует долг перед мертвыми и слушает их совет при решении земных дел» [17]. Перед нами типичные выкладки философии Н.Ф. Федорова, хотя С.Г. Кара-Мурза, по какой-то причине, не озвучивает этот мировоззренческий источник. Как последовательный защитник «советской цивилизации» и человек неверующий, историк видит в большевистской религиозности сугубо положительное значение: «большевики не разрушили, а даже укрепили главную основу религии – саму способность одухотворять мир священным смыслом» [17, с. 264]. Отсюда у С.Г. Кара-Мурзы индустриализация – это типичное «религиозное подвижничество» советского человека.

Конечно, «религиозность» большевиков видна была и невооруженным глазом. Она просматривается в псевдокрестных ходах – демонстрациях, в «красных Пасхах» и «Рождествах», «крестинах», «свадьбах» и «отпеваниях». Народу ее навязывали в виде почитания псевдомощей Ленина, а потом и Сталина. С храмов срывали кресты и на их место вешали звезды и т.д. Но *видимая* религиозность являлась скорее второстепенной формой большевистской религиозности, поскольку она паразитировала на право-

славной, церковной религиозности, оттуда брались привычные народу формы организации внецерковной духовной жизни. Что же касается того, о чем говорит С.Г. Кара-Мурза, то источником этой религиозности было сектантство. Большевики-ленинцы явно были увлечены в определенной мере сектантскими идеями не только Л.Н. Толстого, о чем писал Ленин, но и софиологией Вл. Соловьева, и философией «общего дела» Н.Ф. Федорова. Трудно проследить это по сохранившимся документам, но если анализировать отдельные идеологические проекты большевиков, то эта связь обнаруживается. Следы влияния идей Вл. Соловьева обнаруживаются, например, при анализе советской этической культуры, основы которой закладывались в 1920-е годы [13, с. 89]. Судя по кругу интересов А.А. Богданова – крупного большевистского функционера, близкого к Ленину (а он занимался в числе прочего исследованиями в области геронтологии и гематологии), – теория Н.Ф. Федорова могла ему быть интересна.

Главный вопрос для сектанта Н.Ф. Федорова (1828–1903) – это вопрос о личном и коллективном бессмертии. Он разработал учение о воскрешении человечества «своими силами», без Бога. При этом философ не считал себя атеистом, он ходил в Православную Церковь (не озвучивая до поры своих взглядов), но в своем учении так далеко ушел от церковного понимания воскресения мертвых, что иначе как сектантскими его идеи не назовешь. По мысли Н.Ф. Федорова христианское человечество слишком пассивно вело себя, ожидало от Бога воскресения, хотя само должно было потрудиться ради этого. Сделать шаг к воскрешению мертвых можно лишь в случае особого *психологического единения* всех людей, кропотливой деятельности по восстановлению памяти умерших. Основной площадкой для воскрешения будет уже не храм, а внехрамовое пространство, центром которого станут музеи. Здесь будет проходить «внехрамовая литургия» и совершаться «внехрамовая Пасха». «Престолом этой литургии будет вся земля, как прах умерших, «силы небесные» – свет, теплота – будут видимо (а не таинственно) служить для обращения праха в тело и кровь умерших» [41, с. 242]. Соответственно это произойдет тогда, когда люди сумеют подчинить себе природные стихии. Федоров глубоко верит в силу науки (и это оказалось на руку советской власти, которая научное мировоззрение – рациональный метод – странным образом сочетала (а точнее перемешивала) с мистикой веры в некие провозглашенные принципы, космического или же природного разума.

У Федорова была многоступенчатая модель созидания нового общества, и подобный конструктивизм позволил увлечься этими идеями боль-

шому числу лиц в России, которые свою образованность не хотели совмещать с верой в Бога. Нам неизвестно, были ли в 1920-е годы предприняты серьезные, целенаправленные попытки со стороны высших представителей советской власти облечь идеи Федорова в «кровь и плоть», но судя по некоторым общим вещам, воплощенным в жизнь, такая работа проводилась. Одна из опорных точек в концепции Федорова – фигура «самодержца». «Идеальный самодержец встает во главе «общего дела» как патриархальный глава государства, переходящего в отечество» [41, с. 266]. А вот, что пишет сам философ: «Царь вместе с народом будет самодержцем, властителем, управителем слепой силы природы, ее царем, не душ, как Папа, а повелителем материи, внешнего, материального мира и освободителем от закона юридического и экономического» [41]. Федоров уточняет: «самодержавие – это диктатура», «власть отца». Здесь очевидная апелляция к той эпохе человечества, когда не появился еще античный рационализм, и магия определяла форму взаимоотношения человека с природой [22, с. 39]. Вождизм в виде трепетно возвышенного отношения к Ленину вытекал из этого положения. Вождизм в стране советов насаждался грубо и навязчиво. Переименовывались города, улицы, площади, словом, менялась вся топография страны [22, с. 98]. Соответственно, уничтожалось все, что сопротивлялось этой политике: сословия, которые вырабатывали враждебный большевикам уклад, люди, не желающие видеть бесчинства, памятные знаки чести и славы бывшей культурной традиции. Переход от одного возраста к другому был ритуализирован своего рода инициациями. Испытания «на вышке, в поле, в больнице, на кладбище – до брака и погребения».

Другой вопрос, который разрабатывал Н.Ф. Федоров и который, несомненно, воплотили в жизнь большевики – замена религиозной веры определенным массовым психическим настроением. Философ назвал это обществом «психократии», т.е. обществом психического (а не религиозно-православного) единства. Все наблюдают друг за другом и ведут дневники. Фиксируется не только настоящее, но и ведется постоянная розыскная работа о прошлом. Все становятся историками. Самый мельчайший событийный факт в селе, в городе, на полустанке должен быть записан и включен в общемировую цепь событий. Весь этот материал понадобится потом при воскрешении. Весь материальный мир должен быть пронизан человеческой мыслью и чувством. Топография местности должна выглядеть так: храм, ставший научно-исследовательским музеем, рядом с ним кладбище и школа. Вокруг – дома «прихожан». В идейной конструкции сектанта Н.Ф.

Федорова было и теоретическое обоснование особой роли женщины в «общем деле». Толкуя образ Святой Троицы на свой лад, он третью ипостась Троицы называет «Дочерью» и отсюда выводит свои заключения [С похожей интерпретацией выступал позже другой мистик – Д.Л. Андреев в сочинении «Роза мира»].

Сравнивая все указанные выше теоретические наработки с практикой большевиков, мы можем говорить не просто о сходстве, а о попытках, хотя и в большей степени безрезультатных (если говорить о силе их проникновения в народ), воплощения в жизнь федоровских идей. Большевистские квазирелигиозные практики совершенно очевидно тяготеют к не только дохристианской, но даже доантичной, дорационалистической эпохе [22, с. 14-16]. Перед нами вариант «антропологического магизма», когда человек рассматривался лишь в качестве носителя символов, соединяющих его с архаичным Космосом. Лишь в ритуальном действии достигалась гармония полноты бытия, тогда «участники священного действия проникали во все уголки единого космоса» [22, с. 14]. В этой архаичной традиции не знали государственности, здесь процветали магия, шаманизм, действовали вожди и жрецы, господствовала не нравственная, а знаковая информация о человеке (в татуировке, ритуальных масках, раскраске тела). Структурно близкое информационное поле (человек-знак) создавало и советское государство. Людей в архаичном языческом обществе интересовала только статусная информация о другом, которую нужно было получить наглядно и отреагировать на нее мгновенно. Архаику отличала также избыточная психическая уязвимость, поскольку «слияние символического мира с телом делало последнее органом духовности, и чувственно-эмоциональная сфера становилась главной, психика приобретала доминирующее значение». Такая нагрузка на психику приводила к нервным расстройствам, заболеваниям. Эта же причина объясняет появление такой категории людей, как шаманы, в большевистском обществе действующие в образах комиссаров, политработников и агитаторов.

Без религиозного фундамента нельзя было рассчитывать на долговременное существование советской власти. Атеизм мог быть лишь *формой отрицания* прежней господствующей в России религии – православия. Большевикам нужен был и свой позитивный квазирелигиозный проект, позволяющий действовать в рамках модерна. Выход в глубокую архаику – языческую эпоху традиции, – как нам кажется, позволял им надеяться на создание своего проекта модерна, чтобы избежать опасности постмодернистского вари-

анта. В утверждении власти большевики были вполне серьезны и настроены на долгосрочное воплощение в жизнь этого опыта прошлого.

Влияние идей Н.Ф. Федорова на духовную сторону советской идеологии было колоссальным. Метеорология, ракетостроение, и в целом одушевленное отношение к машине, музеи вместо храмов – все это очевидные и наглядные следы федоровского присутствия в советской действительности. Федорова до революции не просто поддерживали, а боготворили Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский. Под его влиянием находились космисты советского периода: о. Павел Флоренский, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский и ряд других. Идеи Федорова активно продвигал в жизнь такой активный организатор советской литературы в первые годы советской власти, как В. Брюсов. Под влиянием федоровских идей находились А. Блок, М. Горький, Б. Пастернак, А. Платонов [41, с. 346-373]. Для А.С. Панарина – антисталиниста – связь идей космистов с советской эпохой неочевидна. Философ критикует Сталина за то, что тот *«уподобляет общество и даже сам космос складу рукотворных вещей, устаревающих физически и морально и потому подлежащих выбраковке. Для подобного мышления не существует ничего самоценного – все стоит под знаком функции, ничего уникального, все тиражируется. Такое мышление ценит лишь то, в чем человек и в самом деле уступает машине, ритмичность и безотказность»* [Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: «Логос», 1998]. Но тут же обеляет интеллектуальный продукт этой эпохи – космизм В.И. Вернадского, считая, что он вполне чист от «заразы сталинизма». Отсюда, «из Вернадского», А.С. Панарин черпает философскую доктрину для будущей России: «В отношении онтологического статуса (вернуть право живого и повысить его статус) пионерское значение имеют работы В.И. Вернадского и других основоположников русского космизма».

Сталинский период

1. Продолжение атеистической этнизации советского общества.

Что изменилось при Сталине в национальной политике? Если основной ленинской национальной политики было создание сдерживающих противовесов «русскому шовинизму», то при Сталине ставилась задача создания национально однородных образований. Нации (этносy) должны были быть очищены от всего несоциалистического, и прежде всего религиозности. В 1930 г. Сталин обозначил эту цель так: «Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране» [47, с. 369].

Тема перемены курса Сталиным впервые внимательно исследована В.В. Кожинным [23, с. 462-502], который ставил в безусловную заслугу вождю это деяние. По мнению Кожинова, Сталин сознательно возвращался в лоно имперской традиции, потому что понял ошибочность и бесперспективность интернационалистского большевистского пути. Вождь искренне перешел на русофильские позиции, в чем и проявилась его политическая мудрость и дальновидность. Здесь очевидна просталинистская позиция автора. С близких позиций исследует это время О.А. Платонов в своей двухтомной монографии [36].

Нам представляется, что на сегодняшний день эту тему наиболее глубоко и всесторонне осмыслил в своих научных трудах А.И. Вдовин. Важной вехой была его монография «Российская нация»: национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея (М., 1995). Но у Вдовина русский народ все же рассматривается отчасти вне своего стержневого начала – православности. По этой причине автору не видно тех страшных испытаний, которые ударили по русскому народу в 1930-е годы, когда его насильственно отрывали от веры. Также ему не видно, что национальная политика царского самодержавия в отношении русского народа «состоялась» (при том, что народ действительно не находился в привилегированном положении тогда), хотя автор утверждает обратное [4, с. 56]. Это слабое место его концепции, которое не позволяет, в конечном счете, критически объективно оценивать сталинские «достижения». В коллективной монографии А.И. Вдовина, В.Ю. Зорина, А.В. Никонова «Русский народ в национальной политике. XX век» (Кунгур, 2007) [5] тема мнимого русофильства Сталина рассматривается наиболее обстоятельно и аргументированно. Так, здесь подробно разбираются все перипетии большевистской национальной политики, связанные с проблемой «искупления вины» русским народом перед малыми народами, и дается развернутый анализ всех сторон деятельности власти (экономической, социальной, культурной), имеющей отношение к специфике советского цивилизационного процесса. Авторы впервые с максимальной долей объективности ставят вопрос о цене, которую заплатил русский народ за большевистские эксперименты не только в области национальной политики, но и в целом – в развитии страны. Нельзя не согласиться с их выводами, что даже цивилизационная деятельность, направленная «из Центра» на благо малых народов, была во многом бесполезной, парадной, не затрагивающей подлинного подъема производительных сил этих регионов.

Здесь, как и везде, преобладала штурмовщина, шла перекачка ресурсов из одного места в другое, но самое главное – просматривалось очевидное равнодушие как к судьбе русского народа, так и к судьбам малых народов. Авторы монографии оставляют в стороне вопрос о церковной политике власти, считая, очевидно, что она не связана с национальной политикой, хотя, как мы покажем ниже, это было совсем не так.

В целом указанный подход нашел и официальное признание, поскольку эта точка зрения была закреплена в учебном пособии для студентов истфака МГУ, написанном А.С. Барсенковым и А.И. Вдовиным (3-е изд. М., 2010) [2, с. 254]. Авторы признают проект Сталина его личным достижением, выражением его всегдашних «почвеннических» позиций, в противовес «интернационалистской» (группа Троцкого, Зиновьева, Каменева). В исследовании В.И. Козлова «История трагедии русского народа», Сталин предстает как прагматик, почувствовавший приближение войны с фашистской Германией и начавший задолго до этого события готовить страну к грядущим событиям. Сталин действует, как всевластный тиран, но при этом мудрый политик [24, с. 130-133]. Главный апологет советского строя С.Г. Кара-Мурза вообще не касается этой темы в своей знаковой работе [17]. Для него советскость является более высшей ступенью консолидации общества, чем этничность, поэтому «национальный вопрос» ему не интересен. Не найдем мы проработки этого важнейшего для советского периода вопроса и у либерально ориентированных авторов, например, в двухтомнике «История России в XX в.» под ред. А.С. Зубова [16].

Сталинская советскость отчасти отличалась от ленинской. Главное отличие ее состояло в *декларативно-формальном* снятии «революционного проклятия» с русского народа и объявлении его народом, составившим авангард революции, ее решающую силу. Реабилитировали не какую-то отдельную группу, а именно весь народ. Сделано это было не бескорыстно, не по велению сердца, не из русофильских побуждений нового вождя [5, с. 180], а в силу того, что советская власть в экономической сфере во второй половине 1920-х годов зашла в тупик, из которого она могла выбраться, только изменив свою репрессивную политику по отношению к русскому народу. Сталин-интернационалист оказался готов к такому шагу, Троцкий-интернационалист – нет. Уже со второй половины 1920-х годов, Сталин начинает менять ленинский курс и осторожно говорить о праве русского народа на первенство в СССР, по праву первопроходца в революции. К середине 1930-х уже ясно обозначился крен в этой новой политике. Обстоя-

тельно этот процесс раскрыт в указанной коллективной монографии А.И. Вдовина, В.Ю. Зорина, А.В. Никонова [5, с. 71-124]. Новый курс стал проявляться и в пропаганде, и в школьном обучении, и в замене кадров в государственном аппарате.

В это время Сталин продолжал сохранять наработанные приоритеты старой национальной политики. Так в письме первому секретарю казахского крайкома Л.И. Мирзояну от 13 декабря 1933 г. он пишет: «С великорусским шовинизмом ведут борьбу не только местные парторганизации, но, прежде всего, ЦК ВКП (б), в целом» [51, с. 725]. И в 1923 г. Сталин считал, что у советской власти в области национальных отношений два врага: «великорусский шовинизм» и «местный национализм», и в 1933 г. его отношение к проблеме не изменилось. Встает вопрос: что же понимал Сталин под «великорусским шовинизмом»? Почему, даже провозгласив курс на реабилитацию русского народа, он продолжил говорить о великорусском шовинизме? Ведь речь шла не просто о недостатках чьего-то конкретного воспитания, а о проблеме общего характера, «великорусской», т.е., с точки зрения Сталина имперской, а значит, все-таки проблеме религиозной. С точки зрения Сталина, подлинный великоросс – человек и верующий, и воспринимающий себя в качестве русского, является для большевиков потенциальным и очевидным врагом – «шовинистом». Но Сталин нашел возможность и бороться с русским шовинизмом, и опираться на русский патриотизм. «Освободиться от русофобии большевики-интернационалисты так просто не могли. Вопреки доктрине им приходилось маскировать свой генетический порок, постепенно выходить на путь уступок русским национальным чувствам, использовать русский национализм для достижения тактических целей, в частности, для того, чтобы умерять чрезмерные притязания националистов иных национальностей» [5, с. 130]. Но и тогда, когда Сталин стал проводить «русофильскую» политику, он продолжал поддерживать приоритеты нациестроительства.

Выше мы уже говорили, что даже в ленинский период Сталин во многом определял основы национальной политики. Под его опекой шел процесс нациестроительства. Ленину приходилось с этим мириться. «Во взглядах на первичную форму государственного единства социалистических наций Ленин в сентябре-декабре 1922 г. перешел на позицию, близкую к той, которую Сталин занимал в июне 1920 г.» [5, с. 82]. Сталин считал, что национальная автономизация и коренизация имели и такое важное значение, как ограждение нацменьшинств от воздействия «русского

шовинизма». В письме к В.Я. Касаткину, датированному 17 января 1929 г. Сталин пишет: «советские республики вновь попали бы в кабалу к русским, отказавшись от государственного обособления» [5, с. 611]. По этой причине, в кабалу нацменьшинствам отдавали русских, в тех регионах, где они жили рядом.

Вот почему, русофильство Сталина, не могло не носить декларативный, идеологический характер, так как оно не было подкреплено ни соответствующей реабилитирующей церковной политикой, ни давало подлинно равных прав русским, какие получили от советской власти нацменьшинства, и, кроме того, оно не освободило ни русское крестьянство, ни казачество, ни православное духовенство от очередного широкомасштабного «классового возмездия», которое грянуло в 1930-е годы. Получив право «быть равными», русские должны были снисходительно отнестись к грядущему крайнему ужесточению церковной политики власти, а также освободиться от «эгоистичного» чувства самосохранения народа в период варварски проведенных коллективизации, индустриализации, а затем и жесткой, не щадящей народа организации обороны в период Великой Отечественной войны. На своем посту Сталин оказался достойным преемником Ленина, по умению манипулировать народами и приспосабливаться к обстоятельствам. В период так называемого русофильства Сталина продолжались массированные большевистские атаки на все сохранившиеся крупные социальные группы русских: крестьянство, казачество, духовенство, хотя обстоятельства, казалось бы, не требовали уже применения насилия к ним.

Казачество, как и при Ленине, при Сталине продолжало находиться у советской власти в немилости. В 1921 г. казаки писали в Москву, что постоянные грабежи и насилия над русским населением со стороны чеченцев, ингушей и даже осетин делают жизнь их невозможной. Из 11 станиц было изгнано все русское население (6660 дворов). Это письмо – слезный вопль – обсудили на коллегии Наркомнаца 12 сентября 1921 г. руководители Г.И. Бройдо, О. Карклин и Г.К. Клиндер вместе с представителями ряда автономных республик и приняли решение подтвердить проводимый местными властями курс на «очищение края от русских и казаков» [5, с. 231]. В середине 1920-х годов, когда на Северном Кавказе проводились плановые землеустроительные работы, велся массовый захват русских земель, а потом произошло узаконивание этого [5, с. 179-214].

В какой-то мере с середины 1920-х годов по отношению к казакам советская власть начала смягчать свою политику. На апрельском 1925 г.

Пленуме ЦК ВКП(б) говорилось: «Признать недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций» [54]. Но и тогда казакам было отказано в создании автономии, а прежние массовые захваты казачьих земель проходившее в 1917–1924 годы, и даже насильственное выселение казаков из пограничных с горцами станиц, признавалось законным. 22 октября 1932 г. на юг прибыла чрезвычайная комиссия по хлебозаготовкам, возглавляемая членом Политбюро Л.М. Кагановичем. Его сопровождали А.М. Микоян и Г.Г. Ягода. Сразу началось применение «к саботажникам» особых мер: станичников лишали права покупать продукты в магазинах, запрещался ввоз товаров в лавки, а уже в ноябре 1932 г. внутренние войска Красной Армии приступили к выселению 20 000 казаков. В январе 1933 г. было депортировано и отправлено в северные районы страны еще 63, 5 тысячи казаков [54, с. 245].

Особо ощутимым для русского народа оказался удар, который советская власть в сталинские годы нанесла по крестьянству. Десять лет понадобилось власти, после революции 1917 г., чтобы собраться с силами и начать полномасштабную войну со всем русским крестьянством. Дворянство, казачество, купечество, мещанство, интеллигенция были сокрушены сразу в ходе Гражданской войны. Как отмечают исследователи репрессивной политики И.В. Сталина в отношении советской деревни «по материалам 1928–1929 годов видно, что на смену сводкам о «чрезвычайных хлебозаготовках» пришли «классовая борьба», «кулацкий террор», «антисоветчина», «контрреволюция» [43, с. 7-8]. С.Г. Кара-Мурза считает, что в стране в эти годы проходил последний этап Гражданской войны (!), длившейся в целом три десятилетия, и этим оправдывается ее необходимость, во всяком случае, со стороны большевистской власти [17, с. 423]. Действительно, репрессии против русского крестьянства скорее походили на войну против народа, нежели на «экономическую политику». Контроль за проведением коллективизации получила самая эффективная репрессивная машина – ОГПУ, потом НКВД, в то время как в прежние годы контроль за деревней осуществлялся Наркомюстом [43]. Подключилась и армия [15]. К 1924 году деревня только-только начала отходить от последствий разрухи, вызванной Гражданской войной и страшным голодом 1922–1923 гг. Два года, с 1925 по 1927 г. деревня пребывала в относительном покое, хотя и тогда жесткая политика цен (низких на зерно и высоких на промышленные товары) вызывала недовольство у сельчан. Но уже в 1924 г. в отношении

крестьян начала действовать такая репрессивная мера, как лишение избирательных прав. К 1929 г. ее применяли уже массово к значительной части сельского населения [32, с. 328]. 5 января 1928 г. появляется сталинская директива, в которой вождь требовал от местных организаций добиться решительного перелома в хлебозаготовках «в недельный срок» [43, с. 20]. Начались аресты и высылки «врагов народа» на Север. С 1929 г. в стране стала создаваться система ГУЛАГа и первыми ее поселенцами стали русские крестьяне [43, с. 23]. Если в 1929 г. число арестованных и высланных измерялось десятками тысяч (95 908 чел. к 31 декабря), то в 1930 г. пошел счет на сотни тысяч: за 9 месяцев было раскулачено по трем категориям 341 895 чел [43, с. 28]. Со сталинским практицизмом и цинизмом была выставлена «норма» врагов народа в деревне – от 3 до 5 % [43, с. 16]. Руководствовались переписью 1926 г., согласно которой в деревне было 896 тысяч хозяйств предпринимательского типа с населением 5859 тысяч человек. Это – 3,9 % хозяйств и 5,2 % населения [43, с. 29]. «В действительности число раскулаченных в отдельных районах достигло 10–12 %» [2, с. 225]. В течение 1931 г. было выселено 1 243 860 чел., включая 469 470 чел., выселенных во внутренние районы РФ. Всего же за два года – 1930 и 1931 – было выселено 2 437 062 чел [43, с. 41]. В эти годы выяснилось, что ОГПУ работает не столь эффективно, как хотела бы «партия», поскольку среди работников Политического Управления находились люди, которые не выдерживали морального напряжения, писали письма в ЦК о бесчеловечных условиях жизни высланных крестьян, о страшной детской смертности. Большой резонанс получило письмо ответственного работника органов Е.Г. Евдокимова [43, с. 301]. Он писал, что переселенцы живут в непригодных для жизни бараках, где на каждого, и взрослого, и ребенка, приходится по 1/10 кв. м на разноярусных нарах. Там земляные полы, вместо крыши – жерди, чуть присыпанные землей. Кроме того – самая негодная пища, вшивость, болезни, сырость и холод. В результате ГПУ реорганизовали, усилили новыми кадрами, и репрессивная машина заработала с новой силой. Крестьяне, как могли, сопротивлялись: в 1930 г. было 13 754 массовых крестьянских выступления и еще 3 712 женских выступлений. Но все они были жестоко подавлены, с применением военной силы [43, Т.1, с. 17]. 6 февраля 1930 г. М.М. Пришвин, живший в эти годы в деревне, записал в своем дневнике: *«Я, когда думаю о кулаках, о титанической силе их жизненного гения, то большевик представляется мне не больше, чем мой «Мишка» с пружинкой сознания в голове... Все они (кулаки – О.К.) даровитые*

люди и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня. И так работают все организаторы производства в стране. Ныне работают все по часам, а без часов, не помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие» [38, с. 165]. Приведем два характерных воспоминания самих «кулаков» об их жизни в ссылке. «Папа год сидел в одиночке. А нас (жена и семеро детей) сначала вывезли за сорок километров от Сталинграда, а в 31 году привезли в Оskarовку на 5-й поселок, где была ровная степь. Пятьдесят тысяч человек было в этом поселке. Кругом милиция на лошадях охраняла, чтобы не убежали. А куда побежишь? Речка там Ишим. Оттуда брали пить и там стирали. Бурьянчик собирали, варили и кушали. В степи мы вырыли яму, как погребок, кое-чем накрыли, и там мы жили. Так жили все в первый год. Один колодец был на весь 5-й поселок, глубиной метров двадцать пять – он до сего времени стоит. День – ночь стояли за водой. Мама пошлет с ведерочком, пойдешь, чтобы только детям больным принести воды. Туалетов не было, ров был такой метров на тридцать выкопанный, общий для всех. И вот люди стали умирать – повальная дизентерия. Каждый вечер ездил подвода, на нее покойников кидают, как чурбаки, и в ямы отвозят. Так было, что целыми семьями умирали... Ели сухой паек, готовить там негде было. Чечевицу привезут, и мы жевали ее. Самой трудной была эта зима». К концу зимы в живых остался только один ребенок – автор воспоминаний [18, с. 106-107]. Свидетельство другого ссыльного – священника о. Иоанна Тимакова – не менее трагично: «Нас привезли из Самарской губернии в степь, на место будущего поселка Новая Тихоновка в середине 1931 года. Я был молод, со мной была жена и маленький ребенок. Мы выкопали ямку в метр глубиной, попончиками крышу закрыли и мешок с багажом в головах. Наш младенец прожил в этой яме месяц и умер. А зимой, когда нас перевели в недостроенные бараки, у нас другой младенец родился. Первую зиму свирепствовал тиф. Было очень холодно, на пайке жить было очень трудно, народ ослаб. В 31-м, в 32-м году погибли все дети и старики, и к 33 году осталась одна молодежь, редко где старика увидишь. А потом и молодые стали умирать. В Тихоновке у нас по двести человек в день умирало. Три бригады копали могилы (два метра ширины, пять метров длины). Зашивали человека в попонку грязную и в яму бросали. Зимой могилы копать не успевали. Покойников складывали в кучи, величиной с дом, по пятьсот-семьсот человек в каждой куче лежало друг

на друге как дрова. Второй наш ребенок тоже умер. А мы с женой выжили благодаря тому, что продали ее пальто на лисьем меху, что ей еще от матери досталось, купили овса, толкли его, ели и чуть живенькие остались» [18, с. 114-115]. В каждом из сохранившихся воспоминаний (а их можно привести немало) звучит не просто нота осуждения «злодеяниям Сталина», но нечто большее, потому что совершенно очевидно, что сталинская – большевистская – машина попирала не просто «врагов социализма», а уничтожала народ, истребляла самым жестоким образом детей и стариков, глумилась над их беззащитностью, человеческим достоинством.

В 1932 г. южные регионы России охватил страшный голод, унесший несколько миллионов (до 2 млн.) жизней крестьян [2, с. 227]. Сталин назвал этот голод наказанием крестьянству за саботаж [43, Т. 1, с. 20]. Деревню продолжали держать в ежовых рукавицах при Сталине вплоть до войны. В 1937 г. вышел известный закон «Об антисоветских элементах» – закон о деревне. В законе говорилось, что враги, сосланные на поселение (сколько их выжило, до сих пор нет сведений!) продолжают воздействовать на советскую деревню. Они возвращаются после ссылки или убегают, селятся в деревнях и начинают вести подрывную и диверсионную деятельность. Для контроля над деревней по районам утверждались искомые «тройки», действующие без суда и следствия и, как правило, с расстрельными приговорами. Также утверждалась новая разрядка для репрессий: по 1-й категории (расстрел) – 72 950 чел. по второй (8 лет тюрьмы) – 186 500 чел. Задание партии было перевыполнено в несколько раз: в 3 раза по второй категории и в 5 раз по 1-й [43, Т. 1, с. 21]. Конечно, существуют цифры, указывающие на рост товарного хлеба в 1930-е годы, на то, что механизация решила многие проблемы советской власти, связанные с дефицитом денег, так как большая часть колхозного зерна уходила на продажу за границу [2, с. 227]. Но разве какими-либо деньгами или машинами можно измерить ту разруху, которую устроили Сталин и его помощники в деревне?! Удар советской власти по русской православной деревне, по крестьянству был настолько сокрушительным, что деревня просто перестала существовать в ее традиционном для России смысле. В качестве самых общих выводов (даже не отдельных мнений историков) звучат сегодня слова о том, что «коллективизация и раскулачивание подорвали производительные силы деревни» и привели к «раскрестьяниванию», «разрушению многовекового уклада деревенской жизни, традиций и опыта сельского мира» [2, с. 226, 230].

В 1930-е годы сталинская репрессивная машина также активно и беспощадно действовала и в отношении православного духовенства и Церкви. Большевики ставили перед собой задачу не только физического уничтожения непокорных им русских сил в стране, но и разрушения русского народа изнутри, через расщепление традиционного *этнорелигиозного* русского сознания, не мыслившего себя вне православия. Русская Православная Церковь и православное духовенство в сталинские «русофильские» 1930-е годы испытали на себе всю силу атеистической ненависти: веру преследовали, епископат и духовенство расстреливали и ссылали. Сталин, по сути, поставил перед русским народом дилемму: или ты с советской властью, или ты с Церковью. Наступили не менее страшные (а в чем-то и более страшные), чем при Ленине, годы репрессий, направленные на устрашение и жестокое наказание неподчинившихся, на уничтожение духовной памяти народа. В ленинский период среди рядовых большевиков, особенно на периферии, еще сильны были симпатии к Церкви и вере, и это одна из причин, на наш взгляд, временного приостановления красногвардейской атаки на Церковь. Зафиксировано немало случаев в первые послереволюционные годы доброжелательного отношения рабочих, среди которых было немало недавних крестьян, к Церкви и духовенству. Известен яркий факт, когда московские рабочие с завода «Богатырь» (после революции «Красный Богатырь») сумели в 1933 г. отстоять рядом стоящий храм Преображения Господня в Богородском от закрытия [50, с. 65]. Или другой факт, когда руководителя ЧК в 1918 г. в г. Борисоглебске Тамбовской губ. «тов. Толстокорова» (русского) публично отпели в Сретенском храме и похоронили не только по-светски (советски), но и церковно. Красноармейцы и горожане шли не только с транспарантами, но и с иконами и хоругвями [ГАТО. Ф.]. Немало в эти годы было случаев отказа простых русских солдат расстреливать священников, из-за чего большевикам приходилось посылать команды латышей или китайцев, идейных рабочих-интернационалистов [52, с. 59]. Большевики опасались, что жестокости, с которой чинились расправы над «контрреволюционерами», «революционный народ» может не выдержать. Об этом пишет Ленин в известной своей записке «по поводу событий в Шуе» 19 марта 1922 г.: «длительного применения жестокости народные массы не вынесут». И далее звучат хрестоматийные точеные большевистские фразы вождя революции: «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жес-

токостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий» [52, с. 75]. То есть, речь идет о красном терроре как революционном возмездии. «Сражение», – пишет Ленин, – пишет Ленин, хотя духовенство не брало в руки оружие и не собиралось сопротивляться.

Предреволюционное состояние Русской Православной Церкви выглядело следующим образом: в ней было 78 тыс. храмов и часовен, 120 тыс. священников, дьяконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1253 монастыря и скита, 95 тысяч монашествующих и послушников [55, с. 67]. В «ленинский период» началось массовое закрытие церквей и монастырей. К 1921 г. у Церкви отобрали 722 монастыря [55, с. 77], остальные были превращены до времени в хозяйственно-трудовые артели. К 1927 г. 117 епископов находилось в различных местах заключения [52, с. 157]. В то же время на начало 1930 г. паству опекало 163 архиерея [52, с. 193]. Чтобы сохранить епископат, проводились дополнительные хиротонии, в том числе тайные. На начало 1928 г. на территории РСФСР действовало 28 560 приходов, а, значит, около 50 тыс. церквей и часовен было закрыто за «ленинский период». Церковь была ограблена и подвергнута невероятному насилию и бесчестию во время компании по изъятию ценностей, святых мощей, сжиганию и поруганию икон. Динамика закрытия церквей в «сталинский период» то нарастала, то падала: за 1928 г. закрыли 354 церкви, а в 1929 – 1119 [52, с. 188]. Закрытия продолжались, и к 1933 г. сложилось положение, когда в регионах, прежде насыщенных церковной инфраструктурой, осталось по 1-2 храма (в Самаре, Тамбове). В Москве действовало 87 храмов [52, с. 197]. За первую половину 1930-х годов Церковь потеряла около 10 000 храмов [52, с. 210]. 1937 год показал, что церковнослужители в полной мере вошли в число так называемых «идеологических и политических врагов» советской власти. В 1937 г. закрыли 8 тыс. церквей, ликвидировали 70 епархий и викариатств, расстреляли около 60 архиереев и 80 тыс. священников [55, с. 93]. К 1939 г. ситуация для Церкви выглядела ужасающей: «как организационная структура она была практически разгромлена» [55, с. 98]. В 1939 г. на территории РСФСР действовало не более 100 храмов [52, с. 254], хотя формально незакрытыми считались 8302 церкви, епархий не было, на свободе осталось 4 епископа, в том числе патриарший местоблюститель – блаженнейший митрополит Сергей. Таким образом, за время «русофильского» сталинского десятилетия в 1930-е годы было закрыто все, что не успели ликвидировать в ленинское время, подвергнуты жесточайшим репрессиям и епископат и духовенство. До 1943 г. (!) Сталин выдерживал эту

линию, направленную на тотальное подавление русской церковности в стране, и только когда Великая Отечественная война уже достигла своего апогея, он предпринял несколько популистских шагов в угоду Церкви и православным. Но и после 1943 г. его церковная политика принципиально не изменилась, поскольку Церковь лишь в крохотном объеме, по сравнению с прежними – дореволюционными – возможностями, могла окормлять русский народ. Сотни тысяч священников продолжали пребывать в заключении, репрессии против них продолжались, не ушли в прошлое аресты и расстрелы [55, с. 204, 207-216; 34, с. 29].

Русофильство Сталина было не только дозированным, но и крайне прагматичным. Возьмем, к примеру, вопрос о возвращении к обязательности обучения в национальных школах русскому языку. С 1934 г. начинается возвращение русской графики в общесоветское пространство. Это возвращение проходило в чисто сталинской манере, и началось оно с возложения вины на неких чиновников-вредителей за допущенные прежде ошибки, вследствие проводимой с 1930 по 1934 год политики замены русской графики латинской. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 июля 1935 г. говорилось о «левацком загибе» т. Луначарского, который и инициировал процесс латинизации русской письменности. Тогда под эту программу была подведена и соответствующая идеологическая база. Русский алфавит был объявлен «идеологически чуждой для социалистического строительства формой графики», «пережитком классово-графической XVIII–XIX в. русских феодалов, помещиков и буржуазии, графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной русификации» [55, с. 192]. Эту ошибку использовали и подхватили в национальных республиках антисоветские буржуазные националисты и попытались использовать ее «в целях отрыва трудящихся этих республик и областей от общей семьи народов Союза ССР». Виной всему «грубые извращения национальной политики ВКП(б) и притупление политической бдительности со стороны руководящих работников ВЦКНА – тт. Торкмасова и Диманштейна».

Русский вместо латинского алфавита стал нужен Сталину, потому что ясно обозначилась угроза войны с фашистской Германией, а советская армия продолжала существовать в виде отдельных национальных разноязычных войсковых частей. Вслед за выступлением Сталина на пленуме ЦК ВКП (б) 12 октября 1937 г. [55, с. 298-299], где вождь связал воедино единую сильную армию и русский язык, в национальные школы быстро стал возвращаться

русский язык. Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» подвело черту в существовании национальной пестроты в вооруженных силах СССР. Также тайным приказом началась переброска национальных воинских частей в европейскую часть СССР, а вместо них, по инициативе Сталина, поставили русские части [55, с. 296]. Но как только началась Великая Отечественная война, лавирования большевиков в области национальной политики опять продолжились, национальные части опять появились в Красной Армии [55, с. 660-662].

В сводках о национальных вопросах конца 1930-х годов много любопытного. Здесь мы можем увидеть воочию, как далеко зашла в СССР дерусификация не только в отдельных республиках, но и даже в отдельных местах мало-мальски компактного проживания нерусского населения в РСФСР. Оказывается, многие национальные районы в стране были созданы искусственно, на волне антирусской политики в 1920-е годы. Не говоря уже о крупных объединениях – республиках и автономиях, – такая преступная несправедливость допускалась и в локальных национальных объединениях. Например, Полярный район Мурманской области в Ленинградской обл. официально считался «финским национальным районом», хотя из 7 290 чел., его населяющих, финнов было только 1528 чел., остальные – русские. Тем не менее, в школах района русский язык был изъят из преподавания, преподавался только финский [55, с. 313]. О нарушениях прав русского населения начинают говорить отовсюду, где были созданы национальные анклавов в ущерб живущему здесь русскому большинству [55, с. 371, 374]. От себя заметим, что все так бы и осталось, если бы к этому времени соседняя Финляндия или Эстония не стали бы профашистскими, и над СССР не нависла бы угроза войны. В свете новой политики национальные районы ликвидировали на Украине, Дальнем Востоке, Алтае, в Краснодарском крае, Казахстане, Крыму, Оренбуржье, Ленинградской и Архангельской областях [55, с. 314]. Так лишь исторические обстоятельства позволили русским приобрести в этих русских районах равный статус с национальными меньшинствами. По привычке из отдельных мест национальных республик продолжали идти в центр доклады о «русском шовинизме» [55, с. 231, 320], но их становилось все меньше, что, очевидно, объяснялось жесткими ответами на них. Появилось и нечто новое в письмах партийных функционеров из республик и национальных районов в центр. Бывший председатель ЦИК Карельской АССР оправдывается и пытается доказать, что он препятствовал в свое время «финизации карел»: «Я был

ярим сторонником русского языка. Мне указывали, что я русификатор и ничего не понимаю в национальном вопросе. В эти годы я видел, что национализм (антирусский национализм – *О.К.*) проявляется и культивируется не только по языку, но и в других отраслях. Местнические интересы выдвигались на первый план, противопоставлялись интересам общесоюзным, общегосударственным» [55, с. 279].

После постановления «о национальных школах» по всей стране были реорганизованы финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие, еврейские школы и превращены в типовые советские школы [55, с. 311]. В национальных республиках русский язык в школах был объявлен обязательным, как и национальный. На русском языке начинают выходить там партийные и молодежные периодические издания. Преобразования коснулись и среднеспециальных, и высших национальных учебных заведений [55, с. 395-396]. Таким образом, часть национальных меньшинств (особенно немцы, поляки, латыши, эстонцы, финны) незадолго до войны были заподозрены в тайном коллаборационизме, и в это же время русские в этих местах были формально уравнены в своих правах и стали «обычной советской нацией».

В войну Сталиным было много сказано громких слов о русском народе. Эти слова, конечно, вселяли в людей надежду, укрепляли дух, но война и показала, что народ воевал не за советскую власть, не за Сталина, а за свою историческую Россию. С этим вождю пришлось на время смириться. И это, может быть, была самая большая победа русского православного в своей массе народа не только над фашизмом, но и над большевизмом!

Как только закончилась война и исчезла потребность защищать русских, живущих в национальных регионах, из Центра, регионы стали возвращаться к ситуации первой половины 1920-х годов, когда русские были «должниками», а, по сути, людьми второго сорта в национальных автономиях. Уже в конце июня 1945 г. русский редактор газеты «Казахская правда» К. Нефедов, пишет секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову горькое письмо не только о продолжающейся дискриминации русских в республике, но о пренебрежении к русским героям войны. Одним было отношение к казахским ветеранам и другим – к русским. Москва, как и в 1920-е годы, продолжала поддерживать и коренизацию аппарата управления республик, и первенство национального над русским в республиках [55, с. 963].

Если кратко подытожить результаты сталинского этапа проведения национальной политики, то мы должны оценить результаты передачи

русскому народу полномочий ведущего в деле интернационализации. Масштабы революционных преобразований в 1930-е годы – проведение индустриализации, коллективизации, культурной революции, преобразование армии и системы военно-политического контроля внутри страны – требовали участия огромного числа людей. Это главная причина, на наш взгляд, заставившая Сталина сменить «ведущего» в деле интернационализации населения СССР. Русский народ, в той его части, которая стала сознательно строить социализм, стал этим ведущим в 1930 и 1940-е годы. При этом, как мы показали выше, сам русский народ в эти годы подвергся тяжелейшим испытаниям, когда партия доверила ему самому внутри себя избавиться от врагов социализма – кулаков, духовенства, церковномыслящих людей, всех недовольных советской властью. Репрессии, которые проводились в 1930-е годы, целиком на совести коммунистических вождей, и прежде всего Сталина, но иезуитская политика советской власти втянула в этот процесс самих же русских и во многом их силами и провела эти репрессии. При этом русский народ почти до начала 1940-х годов продолжал в реальности нести бремя послушания интересам малых народов в национальных автономиях. Когда же наступал момент, требующий коррекции поведения какого-то из малых народов, туда бросались русские силы на усмирение или проведение депортаций. Советская власть, с одной стороны, доверяла русским помогать малым народам в промышленности, образовании, науке и т.д., с другой стороны, постоянно подчеркивала, что они – сила, которая в любую минуту может обрушиться на непокорных. *Помогала* малым народам советская власть, а *наказывали* их за преступления представители русского народа. Такова была суть сталинской национальной политики.

2. Обожествление личности вождя

Вопрос о власти был, по сути, главным для Сталина (как и Ленина), поскольку ради власти совершалась революция, велась беспощадная межпартийная и межличностная борьба, создавалась мощная, сокрушающая умы государственная идеология. Власть православного монарха в России традиционно опиралась на Божественную силу: благословение Божие, дары Святого Духа, помощь Церкви и народа церковного. Монарха с народом связывали не только правовые узы (долг, присяга), но и религиозно-нравственные и даже религиозно-патерналистские отношения. Большевицкие вожди видели, что священные узы, связывающие народ и власть, являются самыми крепкими, отсюда их стремление к установлению *лич-*

ностной связи с массами, а не просто созданию системы политической власти, установлению режима. Находящийся в эмиграции прот. Василий Зеньковский оценивал появление вождизма как следствие отказа от «большой свободы», т.е. как проблему чисто церковную и даже аскетическую. Большой свободой прот. Василий называл внутреннюю, духовную свободу, за которую каждому православному христианину приходится лично серьезно бороться. Такая свобода связана с переживанием ответственности, и потому «ответственны мы лишь в том объеме, в каком мы свободны» [14, с. 23]. Вожди появляются тогда, когда люди в массе своей готовы отдать «невыносимое бремя» большой свободы тому, кто готов защитить их свободу. Но и вожди не были пассивной стороной: они предпринимали огромные усилия для создания иллюзии ненужности большой свободы. Революционеры, безусловно, воспользовались определенным духовным кризисом, который охватил русское общество в начале XX в., и им оставалось лишь создавать иллюзорную сферу «подлинной свободы», отличной от «большой».

Вера в Сталина как вождя революции создавалась рукотворно, характер ее образования был чисто информационный. Обожествленный в сталинский период образ Ленина во многом повлиял и на формирование в советском сознании «священного» образа Сталина. Миф о Ленине во многом помог и самому Сталину стать мифом при жизни. Последнему было выгодно делать из Ленина революционного «святого», потому что, действуя в этом направлении, Сталин мог сколь угодно долго и умело расставлять необходимые акценты, включать в эту деятельность весь наличный пропагандистский арсенал. Кроме того, Сталин мог формировать «под себя» полноценный концепт «народной власти», чего в свое время был лишен Ленин, и потому полнота его власти ограничивалась тогда лишь понятием «революционная власть». Ленин жил в «интернациональном пространстве» и имел «интернациональную» поддержку. Сталин же, выйдя на простор поддержки этничности (во всяком случае, декларируя свое намерение и получая определенные симпатии в армейской, молодежной, рабочей среде), мог рассчитывать на расположение этнического большинства в СССР. Но поскольку этнический электорат Сталина должен был быть очищен от религиозности, он (электорат) не мог уже сам в себе продуцировать «священное чувство» почитания главы государства, как это было, скажем, в период Российской империи. Любовь народа к царю тогда имела внутренний характер, она естественно исходила из сердца крестьянина.

Крестьянин видел в царе помазанника Божия, лицо, Богом поставленное для хранения Церкви, веры и управления страной и народом. Сталинская советская власть, отсекая от души русского крестьянина-колхозника веру в Бога, тем самым уничтожала естественный характер формирования «священного чувства», а значит, должна была чем-то его заменить. И такая работа со стороны государства и лично Сталина не просто проводилась, она была поставлена во главу угла всей идеологической пропагандистской работы.

Трудно сказать, насколько велик был монолит «народной веры» в личность Сталина – образцового правителя, – но совершенно очевидно, что он существовал лишь в некоторой части народа, как нам кажется, не очень значительной. Эта конструкция «веры» была очень хрупкой и зависимой от внешних политических успехов. Она могла складываться лишь на короткое время, не была единой на всем пространстве страны, по-разному проявлялась в городе и в деревне. Тон «благоговейного почитания», как нам кажется, задавал не народ, а образованная, чисто интеллигентская среда. При этом пропаганда активно внедряла эту идею в жизнь.

Все начиналось с веры в сам строй, в коммунизм и социализм. Историк В. А. Бердинских считает, что основой «советской пропагандистской машины» была «вера в социализм» [3, с. 284]. По мысли такого тонкого аналитика и вместе с тем свидетеля сталинской эпохи, каким был епископ Варнава (Беляев), живший в Киеве на покое, именно «социализм» характеризует советскость. В социализме большевики обозначают путь, противоположный Христову пути – путь сатанинский [11, с. 348]. Отсюда псевдорелигиозность коммунистов, проявлявшаяся в самых разных сферах. Владыка пишет о советском мировоззрении как прообразе мировоззрения людей, которые будут жить в преддверии Страшного Суда: *«Погружение в плотскую животную жизнь, сплошное довольство, веселье, удовлетворение всех телесных потребностей. Но полная нищета духа, отсутствие веры. Теперь (1953 г.) это также есть, но еще много верующих. Зверь, что сейчас замечается лишь в отдельных лицах, тогда будет массовым явлением. Человечество окончательно изживет себя при внешнем блеске и благополучии. И это зверство проявится и скажется в деяниях антихриста. Плохое это счастье. Незавидное для разумного человека и для христианина»* [11, с. 366]. В этом контексте Сталин для верующих в него людей выступал не просто правовым гарантом конституции, он был гарантом социализма. Он – живой непререкаемый авторитет и очевидное свидетель-

ство того, что социализм, как эпоха общего счастья, обязательно наступит. Эта «божественная прерогатива» вождя – быть гарантом некоего сверхважного будущего исторического события – позволяла ему самому быть источником «советской веры», главным генератором ее духовной энергии. Вождь дает духовный (энергетический) импульс народу, после чего в последнем появляется необыкновенное желание трудиться и совершать трудовые и военные подвиги. Крестьянин уже не мог, как при царе, *постоянно и свободно* иметь у себя на сердце образ правителя как гаранта Божественной справедливости на земле (не по отношению к конкретному человеку, а по отношению к народу, вере, Церкви), но он виделся идеологам своего рода пассивной машиной по приему импульсов, идущих сверху. Пока импульсы шли, он должен был, по замыслу, быть счастливым, если они прекращались, он должен был ощущать себя выпавшим из счастливой семьи советского народа.

Итак, вождь становился источником традиции, ее энергией и человеком особым, изливающим на подданных этот свет. За что он и пользовался у какой-то (думается, в целом незначительной) части граждан искренней любовью и почитанием. С его ведома создавались, укреплялись и защищались очаги советской традиции, становясь «достоянием народа», частью священного понятия «Родины». Вождь наделял строящий народ оптимизмом, зажигал искрой соревновательности, вселял уверенность, веселье и радость в сердца людей. Словом, он был настоящим «софийным существом», о котором мечтали Вл. Соловьев, А. Блок, С. Булгаков и погибший в ленинских лагерях о. Павел Флоренский. Здесь явно оживала неоплатоническая идея эманаций, и не случайно в эту традицию сегодня с таким восторгом влились современные космисты и евразийцы.

Опросы людей советского времени позволяют получить и конкретную информацию о том, что сами люди думали о вожде. Воспользуемся богатым полевым материалом, собранным В.А. Бердинских в советское время. *«Раньше Сталин для всего народа был просто Богом. Помню, пришли мы как-то с матерью в сельсовет. В красном углу висел портрет Сталина, мать перекрестилась и меня заставила поклониться. Все жили в страхе, все боялись, но и уважали Сталина. Мы не могли себе представить как жить без Сталина»* (А.И. Гребенева, 1917 г.р. [3, с. 387]). *«Сталин был для нас Бог и царь. Когда он умер, мы всей деревней ревели по нему. Мы даже думали, благодаря Сталину. А и сейчас у меня нет на него зла. Нас он не обидел».* (В.В. Рогожникова, 1920 г.р.) [3, с. 388]. *«Сталин для нас был вождь и учитель, всезнающий человек, в общем, был Богом. Так нас учили в школе,*

так писала пресса, так учила партия до самой его смерти, так думал народ. Считалось, что благодаря мудрости Сталина наш народ выиграл и такую войну. Как плакали люди, когда умер Сталин! Ну, думали, конец света. Прекратится советская власть, загубят нас другие! Разве кто знал все его творения? Что внушали народу, то он и думал, куда поворачивали, туда и шел». (Л.Г. Стремоусова, 1919 г.р.) [3, с. 388] «Относились к Сталину прекрасно: как в кино где покажут – так весь зал вставал и аплодировал. Верили ему очень и любили. Знали, что Сталин все правильно делает, и верили, что «враги народа» есть и их ненавидели» (В.В. Ерок, 1922 г.р.) [3, с. 388] «Сталин – самый дорогой человек. И сейчас так думаю. В 1930-е годы мы жили лучше, чем сейчас, свободные мы были, не боялись, хулиганов не было, это уж потом, после войны, хуже, да хуже... Счас сложнее жить». (1921 г.р.). Но среди опрошенных В.А. Бердинских сельчан такая же доля и тех, кто занимал по отношению к Сталину противоположную позицию. В целом же ни те, ни другие ответы сельчан не могут сегодня, на наш взгляд, объективно ответить на вопрос: «как народ относился к Сталину?», потому что невозможно собрать такое количество информации, которое было бы репрезентативным. Такая информация лишь позволяет говорить о том, что были люди, которые относились к Сталину «некритично», с восторгом и благоговением, но были и другие. Более объективными, на наш взгляд, могут считаться аналитические материалы, интерпретирующие факты об этой эпохе с точки зрения «абсолютной истины». Как отмечают исследователи, изучавшие письма крестьян власти в сталинский период, динамика настроений говорит о все возраставшем год от года недоверии к власти. «Районный и местный уровень власти выступал в крестьянском сознании в роли непосредственного угнетателя, деспотического правителя, которому «нельзя правды говорить в глаза», а то «замучают на самых худых работах и заморят с голоду» [9]. Неудивительно то, что кто-то верил и почитал Сталина, ведь на это работала мощнейшая идеологическая машина, труднее объяснить, почему оставались не верующие ему, свободные от пропаганды люди, знающие ему цену. И это были не диссиденты в городах, а обычный народ, который помнил «прежнюю деревню» и мог сравнивать прошлую и нынешнюю жизнь во всех ее аспектах.

3. Отношение к труду при Сталине

Идея обожествленного труда созидалась усилиями Сталина, хотя он и пользовался трудами Ленина, и в первую очередь его статьей «Как организовать соревнование» (газета «Правда, 1929 г.). Однако превратить соревнование в невиданный по силе механизм «советской конкуренции»

смог только он. *Восторженное воодушевление* двигало теми советскими людьми, которые поверили в Сталина и стали соревноваться друг с другом, в надежде выиграть первенство (личное, бригадное, групповое, колхозное), быть отмеченными «тов. Сталиным». Такой труд был похож на спорт, когда целью соревнующихся является слава победителя. За счет спортивности и достигалось *восторженное воодушевление*, то коллективное психологическое состояние, которое помогало двигать горы во времена индустриализации. Особое психическое состояние восторженного оптимизма помещалось в строгие рамки социалистической соревновательности (эквивалент буржуазной конкуренции), и механизм в производственной сфере стал работать как часы. Складывалась своего рода «мистика труда», когда передовик производства настолько сливался с инструментом и материалом, который необходимо было покорить (добыть, обработать и т.д.), что начинал предчувствовать поведение покоряемой материи [3, с. 388]. При том, что эта фантастическая работа проводилась при недостаточном уровне питания. С.Г. Кара-Мурза называет такой труд *подвижническим*, хотя здесь налицо очевидная форма духовной одержимости. Епископ Варнава (Беляев) в своем дневнике, характеризующем советскую повседневность 1950-1960-х годов, много говорит об этой характерной черте советского человека. Он комментирует стихи, помещенные в «Правде» в январе 1953 г.: (*«В три смены, от зари до зари трудись, наш год непочтый... и тебе дано быть сталинским солдатом»*) как «оптимизм каторжника» [11, с. 363]. Имел место и реально каторжный труд, поскольку лагеря с их даровой трудовой силой в виде миллионов заключенных являлись неременной частью советской сталинской системы. Советские люди были поставлены в каторжные условия труда и быта, близкие к тем, в которых в свое время находились протестанты Запада, для которых коммерческий успех в бизнесе являлся показателем их спасения в вечности. Епископ Варнава (Беляев) отмечает: советская власть придумала альтернативу буржуазной конкуренции: имя «этой безумной пружины» – соревнование [11, с. 164]. Люди соревнуются, мотивируя свою бешеную активность словами: «Чтоб меня уважали, чтобы сам Иосиф Виссарионович узнал о Нюше Власовой». Через фильмы, газеты, книги, агитацию тиражировалась эта мысль для каждого советского человека «об уважении» и о том, чтобы «сам Иосиф Виссарионович узнал». Владыка пишет, что к современной советской женщине-труженице уже не подходят горькие слова Н.А. Некрасова о тяжелой доле женщины на Руси, потому ее доля – хуже [11, с. 295]. В

публицистике, отмечает он, торжествует восторженность. «Это восторженность новообращенных (уже через 35 лет!). Сектанты, прозелиты». Восторженность создавали рукотворно. По мановению «палочки» культурного организатора «звонят песни, поют о Родине, о дружбе, о любви, о радости мирного созидательного труда» [11, с. 33]. Людям не дают ни минуты покоя, они должны быть все время заняты: трудиться или учиться, «чтоб воспитание шло в духе коммунизма». Газеты активно проповедают оптимизм, поскольку пессимизм – это буржуазное явление. Оптимизм тонко связывают с будущим, светлым и прекрасным. Нельзя сказать, что чувства, которые люди испытывали, были неискренними, и песни пелись неискренне, и радость от побед была неискренней. На это сегодня обращают внимание многие защитники Сталина. Но надо отдавать себе отчет в том, что та же самая звенящая музыка, из цехов, где свободно соревновались люди, перемещалась за колючую проволоку и там обрушивалась на заключенных, которые воспринимали ее уже по-другому. Хотя именно там, в лагерях, и выявлялось истинное предназначение «советской музыки» – учить человека быть оптимистом в самых трудных обстоятельствах.

Каторжный советский труд имел свою нравственную цену, даже при том, что многими он совершался осознанно и дружно, «по-советски». И хотя люди трудились не покладая рук, в этот золотой век советского государства, они так досыта и не наелись хлеба, не говоря о чем-либо другом. Об этом не стоит забывать, потому что с 1924 г. по 1953 г. прошло тридцать лет. Хлебные карточки появились с лета 1928 г., а с февраля 1929 г. стали всесоюзными. Карточная система существовала до 1936 г. [2, с. 207], но и потом положение с обеспечением не сильно изменилось. Голод, сразу после коллективизации унесший несколько миллионов душ [2, с. 227], не особенно беспокоил Сталина, судя по тому, как относилась советская власть к деревне. Приведем несколько воспоминаний колхозников о том времени. Т.С. Олейникова вспоминает послевоенное время в с. Пирогово Воронежской обл. *«Вообще-то все, от мала до велика, работали в колхозе. Все выращенное колхоз отправлял государству, увозя в районный центр как обязательную госпоставку, и колхозникам практически ничего не оставалось. От работы в колхозе никто не уклонялся – в противном случае угрожали судом. Налагались обязательные госпоставки и на каждую крестьянскую семью – яйцами, мясом, молоком, независимо от того, могла ли семья ее выполнить или нет. Кроме этого, был и обязательный денежный налог. Чтобы выполнить обязательную поставку яйцами, держали не-*

сколько кур (и их зимой нечем было кормить), собранные яйца сдавали бесплатно в сельпо для государства, сами эти яйца ели только на Пасху. Чтобы сдать госпоставку на мясо, держали несколько овец и затем, позже, с этой целью стали разводить кроликов. В зачет госпоставки молока можно было сдавать мясо. Поскольку денег ни у кого не было, то за обязательный денежный налог сдавали те же яйца и мясо – за это засчитывались копеечные суммы. За неуплату судили. Осенью, когда резали овец, были как бы праздники: себе оставались головы, ноги, кишки и желудок (их не принимали)». Из шкур шили верхнюю одежду, «одежду всем шили из домотканого полотна. Для этого на своих огородах выращивали лен и коноплю». Обувь шили сами. Больница на весь округ была одна, в ней находился только один фельдшер. Лекарств не было. Уехать из деревни в город было нельзя, паспорта не выдавались, единственная возможность была у тех, кто соглашался поехать на стройку, подписав договор. Но это был еще более каторжный труд. Далее автор пишет: «С топливом у нас всегда были проблемы. Лесов у нас практически не было (не считая двух совсем небольших лесов, но собирать там хворост, а тем более что-то рубить, не разрешалось). В колхозе делили убранное подсолнечное поле, и люди выламывали засохшие стволы подсолнухов и возили их домой. Но подсолнухов также было мало, да к тому же они быстро перегорали, почти не давая тепла. Солому из-под зерновых и ботву от кукурузы с убранных колхозных полей увозили на фермы – на корм и подстилку скоту». Еще людям отдавали коровий навоз, который они превращали в высушенные кирпичи («лепили гной»), которым и топили зимой печи. Несколько послевоенных лет были неурожайными, поэтому народ собирал траву, кору с деревьев, желуди. «Все были очень голодными, но суетности и торопливости за едой мне не запомнилось». Огород – единственный кормилец крестьянской семьи – состоял из 48 соток. После уборки с колхозного поля зерна, там оставались колоски. Колхозникам запрещалось собирать их для себя. На поле приходили школьники вместе с учительницей и собирали их для государства. Объездчики внимательно смотрели, чтобы никто не брал зерен себе в карман. Немало людей попадало под суд: «И сколько таких невинных людей пострадало в то время! И в результате те, кто растил хлеб и кормил страну, сами умирали от голода» [35. с. 5-25]. Автор сравнивает сталинские и ветхозаветные времена (книга «Руфь»), когда Руфь ходила по полю Вооза и собирала колоски, и подытоживает: «Только вот ветхозаветные Моисеевы законы были более гуманны, чем наши советские. Моисеев закон предписы-

вал не подбирать с убранного поля оставшиеся колоски, но оставлять их и часть несжатого поля в пользу бедняков. По нашим же советским законам, за это гоняли, били, калечили».

Картина страшная, и нельзя отмахнуться и сказать, что вождь мог и не знать о колосках, об обирании колхозников, от него могли скрывать. Но если апологеты вождя настаивают на его мудрости и зоркости, организационной гениальности и чрезвычайной информированности, то и эти масштабные (характерные для всего послевоенного крестьянства) вещи не могли пройти мимо него. Безусловно, обо всем этом он знал. Нередко перед самими современниками вставал вопрос: «Куда шли изъятые у крестьян мясо, молоко, яйца, зерно, фрукты и овощи?». Даже те, кто писал Сталину или его помощникам письма с мольбой о помощи, считали, что во всем виноваты «враги народа». Люди искренне думали, что их хлеб, масло, сахар помогают власти строить социализм, и лишь кто-то в корыстных целях пользуется этим народным добром. Например, в письме рабочих тульской артели «Наша техника», отправленном в ЦК ВКП(б), руководство области, которое «не печется о людях труда», названо «жирными свиньями», которых «нельзя даже сравнивать с руководителями николаевской России» [17, с. 484]. В подборке писем рабочих 1939–1940 годов, адресованных Сталину, Молотову, верховным органам власти, нередко звучит этот упрек: *«Как раньше ни угнетали рабочего и крестьянина, но хлеб он имел», «То, что раньше давали свиньям, дают нам», «царская Россия была не очень развитой, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали». «Где девался хлеб? Кажется, и собрали мы 6 млрд. пудов зерна. Посчитаешь, по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже два месяца как нет»* (Гомельская обл.). Рабочий обращается к Сталину: *«Рабочий с 14-летнего возраста, с производственным стажем 17 лет, с небольшой семьей в три человека, с зарплатой 500-600 руб. в месяц, не пьяница, не картежник – не может при свободной торговле в течение четырех лет купить хотя бы метр ситца или шерстяного материала?»* (г. Горький) Жительница Нижнего Тагила молит вождя: *«тяжело смотреть на голодного ребенка. Готовить не из чего. Все магазины пустые, за исключением в небольшом количестве селедка, изредка если появится колбаса, то в драку. Иосиф Виссарионович, от многих матерей приходится слышать, что ребят хотят губить. Я тоже уже думаю об этом. Затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут». «Вошь одолевает, запаршивели все. Друг у друга занимаем грязную мыльную пену. Сахара мы не видим с первого*

мая прошлого года, никакой крупы, ни муки ничего нет. Нет ничего страшнее голода для человека. Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка...» (Сталинград). О том же вопль к Молотову жителя Казани: «Сильное истощение детей дошкольников и школьников, которые не имеют ни сладкого, ни жиров. Какие же они «будущие строители коммунизма». Где забота об их здоровье?» [17, с. 474 – 487].

Тяжелейшие проблемы с продовольствием сопровождали практически всю сталинскую эпоху, но перебои с ним продолжали существовать и в 1939, и в 1940-х годах, потом начались военные лишения, следом за ними – тяжелые годы послевоенного восстановления, в общем, ситуация до смерти Сталина так и не изменилась. Епископ Варнава (Беляев), проживая в Киеве, с начала 1950-х вел дневник, фиксирующий советскую повседневность, в котором не раз отмечал это: «Пшеницы сейчас собирают около восьми миллиардов тонн в год. А мы хлеба досыта едим? В столице Украины на 35 году революции хлеб можно достать только по утрам в большой очереди, не больше двух кило в одни руки. Куда же он девается? Очевидно, за границу на поднятие социалистической всемирной революции под прикрытием лозунга «Мир во всем мире» [17, с. 261]. В другом месте: «Сейчас в Киеве пропало мясо во всех видах, всех сортов, в колбасных изделиях, в консервах. Нет нигде круп, ни грамма сливочного, топленого масла».

Нельзя не удивляться, что на дворе 1940 г., а люди не боятся писать Сталину и Молотову такие письма. Но писали как раз те, кто стал уже «советским человеком», беззаветно верившим вождю и партии, не сомневающимся в генеральной линии партии, бесхитростные и наивные в своей вере, идеологический оплот сталинского режима. Про них можно сказать, что жизнь их проходила на «советских рельсах». «Правильному пониманию мною жизни, на рельсы которой я еще только становлюсь», писал житель Гомельской обл. Б. И. Морозов. Власть вполне осознавала объективность существования этого советского патриотизма. Тот же Б.И. Морозов, как советский патриот, много и часто рассказывает неграмотным соседям «о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане и пр.» Учит даже свою маму, которая хорошо помнит прежнюю жизнь и часто ссылается на нее. Но с ней спорить трудно, потому что сын с верой говорит, что «мануфактуры» скоро появятся, хлеб будет в изобилии, рыба также, но никаких изменений не происходит: «началась уже третья пятилетка, а мои предсказания не оправдались» [17, с. 476-477]. Авторы писем, как «советские люди», пытаются сами, «по-идейному»,

объяснить причину развала в сфере обеспечения населения продовольствием. На первом месте среди препятствий нормальному ходу вещей в жизни «служащего человека», по их рассуждениям, стоят крестьяне-колхозники: «колхозники, которые часто складывают купленное в сундуки, как валюту», «допустимо ли, чтобы при социалистической системе государства на рынке орудовали частники?»; «почему молчат, что в колхозах не желают работать, бегут в город, посеы остались не убранными в 1939 г., не вся земля засеивается в 1940 г.?»; «Колхозное крестьянство наравне с рабочим классом и трудовой интеллигенцией пользуется покупкой всех товаров по государственной стоимости из кооперации, а хлеб на рынке продают по дорогой цене» [17, с. 476 – 484]. Но есть и социально неопределенный вид врага советской власти: «спекулянты», «торгующие элементы», «нечестные труженики», «враги народа», «нехорошие люди».

Приводя в своей книге эти документы, историк С.Г. Кара-Мурза, как апологет советскости, хотел показать то, как стойко держались советские люди, каких народных жертв стоило создание первоклассной промышленности и науки в предвоенные годы. Но стоило ли превращение труда, по сути, в цель жизни, как и страдания, которые испытывали люди на сталинских стройках; стоили ли загубленные души тех итогов, которые, в конце концов, не позволили стране избежать войны, не позволили в войну сохранить миллионы жизней? В результате приходилось людьми, а не машинами, закрывать эти бреши. Эксперимент, начатый в 1917 г. «буржуазной» и «пролетарской» революциями, продолженный Гражданской войной и репрессиями, не мог принести доброго плода. Прервав *органичное* развитие дореволюционного российского общества и государства, большевики ничего другого не умели, как только превращать на коммунистических стройках обычных людей в «стахановцев», которые скоро изнашивались и умирали. Большевицкий труд имел иную мотивацию, отличную от прежней, традиционной. Это была штурмовщина ради процветания советского государства, советской власти. За этим трудом не было ни христианского отношения к природе (в том числе к земле), ни свободного, христиански мотивированного отношения к собственности, богатству, достатку, возможности распоряжения плодами своего труда. За этим трудом вообще не было человека, потому он был абсолютно не свободен ни в чем. К тому же, это был труд на износ, труд, который не мог быть длительным.

Оправдано ли существование такого труда появлением космических ракет и совершенной военной техники, на что обращают внимание совре-

менные сталинисты? Оправдано, но лишь в рамках советской логики вещей. Строй защищал себя, но «по-советски», и это не значит, что имперская Россия Ломоносова, Менделеева и Лобачевского не сумела бы делать то же самое (побеждать), не доводя, однако, народ до степени крайнего истощения.

Появление религиозно (или ложнорелигиозно) мотивированного труда в протестантской Европе, а потом и США переместило проблему труда из привычной – хозяйственной – плоскости в политическую плоскость. Отсюда, на наш взгляд, и идут попытки оправдать труд наличием «ракет», и, разумеется, личным спасением. Запад активно подталкивал имперскую, православную Россию к смене мотивации по отношению к труду, но при монархической власти, при ее традиционном укладе, Россия никогда бы добровольно не перешла к западному варианту. Революция 1917 г. в России кардинально решила эту проблему: протестантски мотивированное отношение к труду было утверждено в советской России в его новой радикальной форме – не личностного, индивидуального, а коллективного труда.

Советский труд не мог стать перспективно долговременным. Как и западный, он был циклическим, от рывка к рывку, от отдыха (так называемого «кризиса») до следующего рывка. Соответственно, такой труд имел совершенно иную цель, нежели народное благо. К особенностям советского труда следует отнести, пожалуй, одну нехарактерную для западного общества вещь: при господстве навязанного прозападного, радикально-протестантского труда, в советской России сохранялись локусы традиционно православного отношения к труду. В значительной степени благодаря традиционному православному отношению к труду в годы Великой Отечественной войны промышленность и сельское хозяйство могли эффективно действовать. Во многом, на основе этой мотивации выростала космическая промышленность, оборонное производство, были сделаны все лучшие достижения науки, техники и культуры. Успехи советского времени – это в немалой степени успехи сохранившихся островков православия, веры, традиции, духа православной, а не советской русскости. Зачем было бы главному конструктору С.П. Королеву держать на своем столе «Добротолюбие» [48, с. 85], а первому космонавту Ю.А. Гагарину ездить на прием к старице Макарии в д. Темкино [10, с. 34-35], если оба они, с советской точки зрения, были людьми абсолютно состоявшимися, т.е. самодостаточными?! Все это говорит о том, что у того и у другого за советской атеистической видимостью находилась неразрушенная православная рус-

ская традиция. Следы этой великой духовной культуры постоянно видны там, где совершались самые громкие и фундаментальные советские победы. Эта «погрешность», допустимость православия в советской жизни, особенно в период войны, слишком велика, чтобы ее не замечать, и она возникла не по приказу Сталина, а жила вопреки его приказам.

3. Жизнь в страхе

Советский социум строился как замкнутый, сам себя контролирующий мир. Советскость и была тем необходимым инструментом, который отвечал за самоконтроль. «Советского человека» отличало постоянное желание учить (воспитывать) «неграмотных», контролировать отступников и людей подозрительных. «Самое худое наследство большевизма, – писал В.П. Астафьев, – это вот желание всех чему-то учить, указать правильный путь, совершенно при этом забывая, что указующий и воспитывающий невольно себя ставит выше всех, принимает позу пророка и вещуна» [1, с. 670]. Этим занимались не только люди, находящиеся на государственной службе, идеологи, но и самые простые, готовые «по велению совести» нести советскую истину в народ. Механизм созидания типового советского человека включал в себя все ступени идеологического воздействия: от государственной пропаганды до добровольной работы активистов из числа общественности. Но, поскольку модель при Сталине только выстраивалась, и в обществе существовали не только «советские люди» – верящие в Сталина, готовые проявлять бдительность, – власть создала разветвленный аппарат наблюдения и репрессий, чтобы извне иметь возможность контролировать все общество. Именно эти структуры создавали ту атмосферу страха, которая пронизывала общество. Здесь также можно говорить о редукции страха Божия, характерного для религиозной среды. Современники тех лет вспоминают так об этом: *«Раньше, конечно, Сталин для каждого человека – это как отец родной. С таким уважением, трепетом относились и некоторые вместо иконы вешали, боготворили. И боялись: за 5 минут судили, 30-е годы – это смутное время было. От родителей помню, боялись уже слово сказать, боялись где-то собираться, ничего лишнего не говорили. В 30-е годы перед самой войной хватали на ходу»* (З.И. Чарушина, 1928 г.р.) [3, с. 411]. *«А при советской власти все под страхом жили»*, – сообщал об этом времени крестьянин Кировской (Вятской) обл. В.И. Перминов (1908 г.р.) [3, с. 417]. *«А раньше и слово-то лишнее боялись болтнуть. Болтнешь не то, и уведут тебя Бог знает куда»* (А.С. Юферев, 1917 г.р.) [3, с. 416]. Комсомольский активист 1930-х годов вспоминает: *«А в страхе-то*

уж это, особенно с 1936 года, все время в страхе. У отца и то сухари насушены были. За все боялись, за все... при Сталине весело жилось. Слезами умывались. Миллионы ведь убивали. Из тюрьмы чуть живые ведь приезжали» (П.П. Малых, 1917 г.р.) [3, с. 407]. Бывшая школьницей в 1930-е годы Т.У. Касаткина (1923 г.р.) рассказала, какими изощренными были способы контроля над людьми, даже в школе: «1930-е годы в нашей стране были характерны всеобщей подозрительностью. Слова «Ленин» и «Сталин» нельзя было писать с переносом, вся переписка просматривалась» [3, с. 403].

Насколько был распространен страх во всем обществе, трудно говорить в точности, потому что воспоминания людей дают разную картину. Однозначно можно утверждать, что он существовал даже в целиком лояльной и как будто однородной советской среде, в которой люди страстно учились, воодушевленно трудились и как будто бы были «своими». Но это было не так. В воспоминаниях Марии Сергеевны Трофимовой (Подмосковье) о 1930-х годах, учившейся тогда в институте, на факультете птицеводства, на фоне оптимизма молодости, надежды на будущее звучат и сдержанные ноты, указывающие на этот страх: *«Питание было скудное. Те, кто не получали помощь от родных, жили голодно, но по молодости всё терпели, и было весело. Жили мы одной семьей. В комнатах, аудиториях было холодно: все мы мерзли, и одежда была неважная. У нас была огромная тяга к знаниям, было много энтузиазма, надежд на новую, счастливую жизнь. Конечно, эпоха накладывала свой отпечаток. Нередко любимые наши профессора исчезали, и тогда изымались из библиотеки написанные ими учебники и пособия, после чего мы шепотом сообщали друг другу, что они оказались «врагами народа»... Но все же студенческие годы мы вспоминаем как счастливое время, жили мы весело и дружно»* [31, с. 126-131]. В эту сплоченную советскую среду попадали разные люди, и если они до поры принимали условия существования ее, то не могли не чувствовать «оптимизма» и «воодушевления», не могли не проникаться дружбой и весельем, здесь существующим. Но если советская среда видела в ком-то хотя бы формальные признаки «классового врага», то такому человеку приходилось несладко. Особенно жестко идеологической нетерпимостью отличалась детская среда в силу наиболее активной работы с ней советских пропагандистов. В воспоминаниях прот. Михаила Труханова о начале 1930-х годов есть эпизод о его пребывании в пролетарской школе [49, с. 42-43]. Уже подростком он попадает в 8 класс советской школы и сразу, как сын священника, встречается с общей отчужденностью. При знакомстве маль-

чика с классом ни одно звено не захотело его брать к себе: «Нет, попа нам не надо», – отвечали все. Далее ему пришлось испытать и силу пролетарских кулаков и насмешек. «Стал я избегать школьников, досаждавших мне оскорблениями и побоями... Приучился приходиться в школу спозаранку – раньше всех, а по окончании занятий, чтобы избежать неприятностей, старался бегом преодолевать пространство школьного двора... Одиночки никогда на меня не набрасывались, а когда шалуны в кучке – почти всегда устраивалась на меня облава». Дружить удавалось лишь с верующими ребятами из старших классов. «Думается, что только по молитвам моих родителей вокруг меня стала создаваться атмосфера какой-то тишины». Со временем учителя и одноклассники стали отличать подростка за его умение глубоко и оригинально мыслить, за обширные знания.

4. Атеизация советской женщины

При Сталине дальнейшее развитие получила атеизация женщины, что означало освобождение ее от всех традиционных уз. В первые советские годы проводились труднообъяснимые сегодня революционные демонстрации под лозунгом «Долой стыд!», женщины резко укорачивают длину юбок, доводя ее до колен и чуть выше. Современник тех событий философ А.Ф. Лосев посчитал это эпохальным, революционным событием [37]. В недавно вышедшей монографии самарской исследовательницы Л.Б. Захаровой детально проанализирована вся динамика перемен в этой области в 1920-е годы. Автор считает, что можно говорить «о беспрецедентной деградации», о «нравственной разрухе» в стране на фоне «массштабного роста социально-негативных явлений – проституции, разводов, аборт, подкидывания младенцев и беспризорности» [13, с. 151]. Исследовательница показывает, что «нравственная разруха» не была лишь естественным следствием политической и общественной анархии послереволюционных лет и Гражданской войны, но была рукотворной, потому что большевики долгое время (до 1929 г.) на деле поощряли проституцию, сквозь пальцы смотрели на «свободную пролетарскую любовь», легализовали аборты, упразднили церковный брак и т.д. Автор считает, что «в 1920-е годы новой политической властью намеренно выхолащивались все прежние нравственные семейные и коллективные ценности, взамен же искусственно прививались нормы коммунистической, пролетарской морали, никак не вписывающиеся в систему общечеловеческих – вне политического и идеологического контекста – ценностей» [13, с. 154]. Исследователи этой эпохи обращают внимание на то, что «ленинские декреты по

разрушению православной семьи изданы даже раньше, чем декрет об отделении церкви от государства. И намного раньше, чем законодательные акты по национализации крупной и средней промышленности, по коллективизации и тому подобным социалистическим преобразованиям» [26, Л. 3]. Закон о признании государством только гражданской формы брака, сразу поставил под удар сам институт брака в стране. Вместо венчания и совершения таинства, в норму вошла «клятва супругов». При регистрации супруги клялись (и соответственно, если клятву не сдерживали, то попадали под проклятие) «следовать по пути коммунизма», «выступать против церкви и старых традиций», «учить детей бороться за мировую социалистическую революцию», и только после этого «во имя нашего руководителя, товарища Владимира Ильича Ленина» объявляли «красный брак заключенным» [26, Л. 3]. Вполне очевидна богоборческая направленность этой присяги на верность советскому строю. Клятва именем Ленина должна была подчеркнуть ее «священный» характер.

Советская эпоха вовлекла женщину в рутину тяжелейшего физического труда, заставила ее пойти на производство, чтобы наравне с мужчиной участвовать в «обожествленном» советском труде. Семейная женщина не щадила. При Ленине, с его одобрения, 18 ноября 1920 г. впервые в мире появился закон, легализующий аборт. Сталин только в 1936 г. его отменил, но уже в 1955 г., при Хрущеве, этот закон опять был принят и действует до сих пор. Ни один другой закон советской власти не выражал более ясно отношение советской власти к русской женщине. Оплата труда в 1930-е годы была таковой, что мужчина в одиночку уже не мог, как в старое время, прокормить свою семью, и женщина вынуждена была отдавать ребенка в ясли и детский сад через месяц после родов, когда заканчивался оплачиваемый отпуск по беременности и родам.

Женщины наводнили тюрьмы и лагеря в связи с широкомасштабными репрессиями. Жены отвечали за мужей, поэтому, если забирали мужа, то та же судьба ожидала и его жену. О жизни этих невинных женщин в тюрьмах и лагерях вместе с уголовниками, под рукой безжалостных надсмотрщиков сегодня много известно. У А.И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГе» посвящена этому большая глава, самая страшная из всей книги [45, Т. III–IV. Гл. 8.]. Сохранилось немало воспоминаний духовных лиц, монахинь о годах, проведенных в тюрьмах и лагерях [«Я испытал себя в горниле страдания». Схимонахиня Антония (Анастасия Яковлевна Кавешникова). Жизнеописание. Наставления. Письма. Воспоминания. М.: Бост-К,

2003; Сестры. Очерк жизни сестер-подвижниц Анисии, Матроны и Агафии, подвизавшихся и почивших в селе Ялтуново Шацкого района Рязанской епархии. М., 2001; С крестом и Евангелием. Книга об удивительном монастыре и его старцах. Задонский Рождества-Богородицкий мужской монастырь, 2011], и можно сказать, что советская власть, как никакая другая, щедро отблагодарила за всё, что отдала ей русская женщина. Невольно вспоминается отрывок из письма В.П. Астафьева одному из корреспондентов. Он пишет, что, живя на Урале, узнал подробности существования здесь нескольких укромных, тщательно спрятанных властью лагерей. *«Особенно страшны были женские штрафные участки, на одном из них (на одном ли?) вохровцы соревновались. Кто настоящей нагайкой – это к бичу кожаному привязана гайка – просечет женщину до костей сквозь бушлат или телогрейку; здесь же, предварительно привязав к дереву и распорками раздвинув ноги, садили женщин на муравейник, вставив им во влагалище берестяные трубочки; здесь же ставили под вышки часовых людей на съедение гнусу, чтобы они громче кричали, чтоб слышно было всем работающим в лесу...»* [1, с. 809].

Женщина обрела при советской власти свободу, но эта свобода была советской, атеистической и материалистической. Женщина, несомненно, использовалась властью как определенного рода сила.

Если мы обратимся к истории формирования образа «Родины» в советский период, то опять же столкнемся с женской темой. «Отечеством» в дореволюционной России обозначалась вся территория России, это было эквивалентом старинного обозначения общей территории русских – Русская земля, «место владения отцов». Родиной же обозначалась земля, где человек родился и вырос. Этническое чувство существовало в рамках этой протяженности от Родины (места рождения народа) до Отечества (места владения народа) [20, с. 7]. Этническое чувство православных русских сталинская власть жестко переориентировала на новый этнический стандарт, где на место мужского «Отечества» была поставлена женская «Родина» [20, с. 3-53]. Отсюда основной долг солдата – защита «советской Родины», матери, дочери, сестры. Защищалось место рождения народа, вне каких-либо исторических, культурных и духовных характеристик. «Отечеством» же являлся сам Сталин – «отец народов». В традиционной России солдат защищал Отечество – Русскую землю, как святыню, место владения, данное Богом, и свою малую родину. Разница, заметим, существенная.

5. Ложь как основа советской идеологии

Советскость насаждалась самыми разными средствами пропаганды, в основу которых была положена ложь. На лжи, которая должна была служить «благому делу», стояло, в первую очередь, здание официальной пропаганды. Епископ Варнава, свидетель тех лет, сталкивался с этим качеством советского строя постоянно. Он писал, что когда удавалось проверить газетные репортажи о достижениях, то выяснялось, что там одна ложь. Например, судя по газетам, Сталинград называли восстановленным уже в 1950 г., а в реальности в городе к этому времени восстановили только два дома. Когда туда поехала близкая знакомая келейницы владыки Варнавы, то увидела, что люди живут в землянках, продуктов мало и они страшно дорогие. Рассказчица этой истории говорит келейнице владыки, что и до войны кругом жизнь была не лучше: «У нас задолго до войны было какое-то поветрие, что люди ездили из одного угла в другой по СССР, ища лучшего места от тяжелой, невыносимой жизни» [20, с. 297]. Ложь позволяла жить в информационном вакууме, в то время как многие об этом и не подозревали, считая, что имеют всю необходимую для советского человека информацию. Ложь укрывала от свободных людей лагеря с заключенными, мир реальных трудностей и невзгод так, словно это были трудности данного места и данного времени. Не имея достоверной информации о положении в стране, но получая лишь победные репортажи, оптимистичные прогнозы, люди невольно заражались «общим оптимизмом». Газеты, песни, кино тиражировали «общее», «советское», «типичное», тем самым искусственно нивелируя картину сплошных трудностей, строек и неурядиц.

6. Жестокость и бездушие

Также советским явлением, зародившимся еще в ленинский период, была превосходящая все нравственные границы жестокость. Революционная, военная жестокость первых лет советской власти перешла потом и в мирную жизнь. Нередки были случаи зверств и садизма, и главная причина этого, на наш взгляд, в существовании двух неравноценных групп людей в советском обществе: «полноценных советских людей», отвечающих всем критериям советскости, и «неполноценных советских людей», нуждающихся в перевоспитании и во внимании. Обозначим это явление советскости как *комплекс классовой ненависти*. Санкционированный государством, отрыв детей от отцов («дети за отца не отвечают») приводил к абсолютной свободе от традиции (церковно-нравственной), от общественной нормы, что порождало небывалое в истории насилие над совестью (в це-

лом и в частности) у активных проводников идей коммунизма, и как ответ на это насилие – колоссальный внутренний бунт, который выливался в слепую «революционную» ярость, невиданные жестокость и садизм по отношению к революционным врагам [Дамаскин (Орловский), *изум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1–7. Тверь, 1992–2003; Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания в 2-х томах. М., 1993. Т. 2; Урусова В.Н., кн. Материнский плач Святой Руси. М., 2007]. Враг уничтожался с той силой, с какой терзала людей задавленная тотальным насилием совесть. Особенно изощренным убийствам и садистским издевательствам подвергались представители духовенства.

Бесправие и беззащитность в чем-то несоветских людей (а таких было абсолютное большинство) порождало чувство надменности у «истинно советских», вызывая цинизм и жестокость. Владыка Варнава (Беляев) внимательно изучил эту изнанку, а точнее обыденность советской действительности начала 1950-х годов. Для советских людей сталинского периода вообще был характерен поиск внутреннего врага, и нередко таким врагом становился самый крайний – крестьянин-колхозник.

Классовая ненависть наблюдалась не только в обществе, но проявлялась по-своему в семье и в школе: «Кругом родители жалуются, что их ребята не хотят учиться. Еле-еле с большим трудом дотягивают до седьмого класса». За детьми нет того строгого присмотра, который существовал в гимназиях в старое время. «Нынешние гимназисты» – это уличная банда, с которой сладу нет» [20, с. 287]. «Система виновата и портит все сверху донизу». В детдомах, где никто государству не мешает воспитывать «по-советски», дети «как звери», ругаются, дерутся, не слушаются [20, с. 163]. Автор приводит примеры жестоких семейных расправ, за которые государство наказывало весьма гуманно. За крайне жестокое убийство своей семьи (жены и двух детей) военный в чине полковника получил 7 лет тюрьмы. В то же время «за разговор» давали не меньше десяти. «Отняли религию, и люди обратились в зверей», – говорит владыка. Он отмечает, что садизм и нравственная распущенность особенно ярко проявлялись в среде фабричной молодежи. Молодые люди приходили в женские общежития и оставались на ночь, все в одной комнате, вступая в половые связи рядом друг с другом, не стесняясь. Утром женская фабричная молодежь, со следами ночных жестокостей на лицах, отправлялась на работу [11].

Безусловно, на ситуацию влияла и широкая распространенность лагерей, огромное число заключенных, в результате чего происходило тес-

ное соприкосновение людей из свободного мира и мира уголовного. Уголовный жаргон, мир уголовной «культуры», особая жестокость, присущая этой сфере, пришли в повседневную жизнь советского человека постепенно в послевоенное время. Предвоенная и военная армии еще не знали дедовщины, но когда фронтовое поколение в армии стало сменять поколение горожан невоевавших, в армии стал утверждаться новый стиль общения между солдатами, близкий к стилю уголовного сообщества.

Несомненно, необходимо сказать еще об одной причине распространения жестокости. Война прошла не бесследно, особенно для тех солдат, кто не имел веры, дававшей возможность человеку пройти путь «духовной реабилитации» через внутреннее покаяние и молитву к Богу. Груз нравственной ответственности за убийство, хотя бы и на войне, отстаивая правое дело, всё же оказывал давление на душу человека, ожесточал сердце. Не однажды в полевых опросах приходилось слышать от детей солдат, прошедших войну, о глубоких переменах, происшедших с их отцами за военные годы. Особенно на это обращали внимание сельские жители. «Отец вернулся с войны другим, стал грубым, нередко матерился, сильно выпивал, мама совсем измучилась с ним. Однажды она даже взмолилась Богу: «Господи, забери или его или меня, не могу больше с ним жить». И отец умер» [40]. В другом случае дочь рассказывает похожую историю о полной перемене человека, вернувшегося с войны, о его грубости, пьянстве. Матери много пришлось перенести в этот период их совместной жизни [33].

Масштабы жестокости, которые породила советская система, были, конечно, огромны, и самое страшное то, что жестокие люди не растворялись, не поглощались обществом, но социально группировались, оказывая негативное влияние на государство и общество. Особенно страдали от жестокости семья, школа и армия. Жестокость просто переродила армию, до такой степени, что люди в 1990-е годы стали бояться отдавать в армию своих детей. Беспредел дедовщины приобрел тогда чудовищный размах.

Обратной стороной жестокости было также весьма распространенное явление – *бездушие (равнодушие)*. На основе советского *сталинского бездушия* (а отсюда оно тиражировалось и дальше) были проведены и коллективизация, и индустриализация, велась Отечественная война, в которой советский (в массе своей русский) народ понес неисчислимые потери (несопоставимые с немецкими – 27 млн. и 10 млн.) [24 – по расчетам демографа В.И. Козлова в Великую Отечественную войну погибло около 40 млн. советских людей]. На этом стоит «народная правда» писателя-фронтовика

В.П. Астафьева, который свой последний роман «Прокляты и убиты» посвятил этой стороне попечения советской «народной власти» о солдате, который ее защищал. За эту позицию писатель был отлучен от лагеря русских патриотов, и переведен патриотическим общественным мнением в лагерь «переродившейся либеральной интеллигенции». Но художественное слово этого честного русского православного патриота и солдата было подтверждено всей его жизнью.

7. Секуляризованная этничность

Сталинский советский строй, несомненно, имел черты этнической специфики, которая образовывалась от того, что этничность в ее советской форме могла существовать здесь только вне религиозной традиции. Конечно, она продолжала существовать и в рамках религиозной традиции, но находясь при этом под жесткой опекой советской власти. Основная же масса советских людей рассматривалась как внерелигиозная народная сила. Такой подход к этничности объясняет причину революционности самих революционеров. Их радикальный бунт против государственной власти, против нравственных норм и религиозных установлений вырос из их воинствующей атеистичности, когда их личная этничность, не защищенная и не умягченная религиозностью и религиозной нравственностью, проявлялась грубо, революционно, болезненно не только для самого революционера, но и для общества. Сталин принадлежал к людям с *секуляризованной этничностью*. Она сыграла свою роковую роль в его судьбе революционера, и потом она же повлияла на многие крупные решения Сталина-руководителя страны. Этничность, лишенная духовных одежд, радикализировалась, те или иные положительные этнические нравственные особенности становились отрицательными. В результате кавказская горячность, категоричность, чувствительность к личной и родовой чести превратились в деспотичность, мнительность, мстительность. Сталин как этнический грузин нес в себе мир даже не грузинского, а регионального кавказского структурированного мира с его специфическими чертами жестко корпоративного общества, склонного к авторитарности и деспотии. И конечно, вождь воплощал, как мог, в жизнь свой этнический стереотип. Иные поступки властителя Сталина ничем другим нельзя объяснить, как только его этническим («горским») происхождением. В русской государственной традиции никогда до Сталина целые народы не подвергались столь радикальному репрессивному воздействию. Здесь, несомненно, сказалась присущая представителю небольшого народа привычка, выработанная века-

ми, видеть в соседнем народе «врага», который может тебя поглотить. Этот *неимперский взгляд* целиком присущ был И.В. Сталину. Да и в целом большевистская национальная политика, начиная с периода Ленина, на наш взгляд, *была не имперской*, несмотря на внешний размах государства СССР. В основе империи лежит религиозное начало, духовный фактор, объединяющий это специфическое территориальное объединение разных народов. Советскость же имела в себе лишь суррогат религиозности и только в этом смысле можно признать, что Советский Союз был суррогатом империи, псевдоимперией, и потому видеть сегодня в этом государственном объединении образец для подражания и воспроизведения не имеет смысла.

Выводы: Чем же, по сути, являлась модель ленинского и сталинского советского общества, что это за явление в философском смысле? На этот вопрос можно ответить, лишь поняв, кто и с какой целью разрушал изнутри Российскую империю, ставя «благую задачу» – создать более справедливое общество; кто организовал и возглавил революцию, кто сконструировал советское общество. Такой общей силой на всем протяжении XVIII–начала XX вв. была *атеистически и материалистически настроенная интеллигенция* [Нам привычно понимать под интеллигентом некий духовно-нравственный образец образованного и морально чуткого, почти совершенного человека («нецерковного святого»), но здесь речь идет о секулярной личности, для которой образованность становилась почвой для богоборчества и самостоятельного пути достижения совершенства]. Она была разной: разносословной, разноэтнической, неодинаковой по революционному характеру (от либеральной до радикальной). Чем принципиально отличается либеральный интеллигент В.И. Вернадский от В.И. Ленина, если и у того и у другого был одинаковый взгляд на религию, народность и отечество? Под словами Вернадского, написанными в 1888 г., подписался бы и Ленин: «Я не могу быть исключительно великорусским деятелем, как не могу быть исключительно малорусским – я считаю вредным для образованного интеллигента основывать свою деятельность **исключительно** (подчеркнуто автором. – О.К.) на почве одной народности, какая бы она не была; особенно скверна господствующая народность» [7, с. 161].

С *социальной точки зрения*, интеллигенция была тем сословием, которое в имперский период не захотело стать самостоятельным, отдельным сословием, со своим правовым статусом и т.д. [21, с. 3-28]. Чтобы не служить России, интеллигенция предпочитала оставаться внутри каждого ле-

гитимного сословия и оттуда действовать, в то же время осознавая себя как одно целое и действуя как одно целое. С точки зрения политической, это была сила, политически активная, стремящаяся к власти, потому что целью существования интеллигенции являлось создание *идеальных* условий для жизни народа, и цели этой можно было достичь лишь политическими средствами. Как бы интеллигенция далеко ни стояла в ранний свой период от возможности действовать политически, но, трудясь в художественной, научной, общественной сферах, она всё время двигалась к одной цели. Благие намерения ее сводились к народолюбию, революционность же разжигала атеизм и материализм как альтернативные официальным – церковным и государственным мировоззренческим – механизмы построения царства справедливости на земле.

Русская интеллигенция, трудившаяся, как она полагала, для блага русского народа, на каком-то этапе в 1880-е годы, вдруг обнаружила (после неудачного «хождения в народ»), что *русский народ* совсем не ждет от нее никаких жертв и с настороженностью, и даже неприязнью, относится к ее политической и прочей активности. С этого времени внутри русской интеллигенции начинается интеллектуальное брожение, ее охватывает своего рода безумие, она на короткое время просто теряет контроль над собой. Тогда и появляется терроризм, как форма выражения это безумия. Но уже скоро работа мысли заставила интеллигенцию разделиться, по меньшей мере, на три враждующие между собой части. Самая бунтующая, радикальная и численно большая часть – различная по социальному и пестрая по национальному составу – избирает путь инационального (нерусского) народолюбия, отдавая предпочтение идеального служения благу малых народов России. В этой среде и появляется известная концепция «Россия – тюрьма народов». Ядро этой группы составляли радикальные революционеры-террористы, люди, готовые на вооруженную борьбу и восстание. Особенность их была в том, что они отошли от пути *социального служения*, отдав предпочтения *национальному*.

Другая группа интеллигенции продолжила старый путь социального служения народу, и потому ее народолюбие по-прежнему существовало в рамках социального служения благу русского народа и России. Это была так называемая либерально-буржуазная интеллигенция, которая и пришла к власти в феврале 1917 г. Буржуазия, дворянство, высшее чиновничество и научная академическая среда – вот ее социальная база.

Но среди интеллигенции в эти годы совершенно неожиданно для всех появилась и третья сила, склонная к религиозной духовности, мистицизму, а в какой-то своей части и к православной церковности. Последние, по сути, переставали уже быть интеллигенцией, перестав быть секулярной группой, поэтому правильнее будет называть их образованными верующими представителями конкретного сословия (дворянства, купечества, мещанства, крестьянства). Внутри этой небольшой группы не было духовного единства, не было однородности и взаимопонимания. И надо сказать, что и по характеру служения религиозные интеллигенты были разными. Одни предпочитали держаться пути социального служения, другие были склонны к национальному служению. В какой-то степени для интеллигентов-материалистов и атеистов из первой, радикальной группы важно было поддерживать связь с религиозными интеллигентами, национально ориентированными, и использовать их потенциал для своих целей.

Для всего сообщества интеллигенции, независимо от его революционной активности, был характерен один пункт, объединяющий его в одно целое. Этот пункт можно обозначить как стремление к социальному или национальному идеалу без помощи Бога. У нас есть большое подозрение, что это вообще специфическое качество интеллигента как такового. Тип нравственного эгоиста, который оправдывает свой отход от Бога служением ближним, а точнее – народу, как совокупной личности. Избрание народа в качестве социального объекта внимания тоже соответствует идеальности служения. В интеллигенте просматривается альтернативный церковному путь служения ближнему и в целом альтернативный традиционному путь жизни. Интеллигент до поры не богоборчествует, пока у него есть иллюзия, что своими силами он может достичь и поддерживать в норме нравственный кодекс поведения.

Итак, и «февралисты», и «октябристы» в 1917 г. были интеллигентами, образование и культура которых были направлены на утверждение «подлинно демократических» начал с целью утверждения в стране социального или национального равенства. В октябре 1917 г. к власти пришла радикально революционная интеллигенция, стремящаяся реализовать социально-национальную программу. Причина того, что либеральная интеллигенция не удержала власть, заключается, на наш взгляд, в том, что ей противостояли консервативные силы. В течение нескольких месяцев продолжалось двоевластие, когда на разных чашах одних весов находились два проекта: социальный (для русского народа) и национальный (для национальных меньшинств). Один проект поддерживали либеральные, дру-

гой – консервативно-радикальные силы. Большевики сумели обманым путем создать иллюзию у русского народа, что их проект имеет социальную направленность. Далее, действуя обманом и подлогами, манипулируя насущными интересами русского народа, они развязали Гражданскую войну и уже тогда показали, что в своем стремлении к идеальному обществу, к благу для народа, они готовы физически «стесывать» все несоответствующее их представлению идеального. Втянув русский народ в Гражданскую войну, большевики, по сути, и выиграли Октябрьскую революцию и по-настоящему захватили власть, потому что только в условиях социального хаоса сразу смогла начаться реализация их социально-национального проекта. При этом, война была удобным поводом для того, чтобы начать обирать и использовать для своих целей русских крестьян и в то же время отложить на неопределенный срок реальный социальный проект.

На первом, ленинском, этапе существования советской власти до реализации реального социального проекта дело так и не дошло, но началось полномасштабное внедрение национального проекта. Нет смысла говорить о случайности того, что СССР стало национальным государством, скорее это был закономерный итог всех предыдущих десятилетий борьбы революционных сил. Реализуя национальный проект, большевики отказали русскому народу в праве участвовать в нем на равных с остальными народами, как бы давая понять, что у русских будет своя революционная награда – решение социального проекта. Интеллигентский характер власти большевиков предполагал, что к идеальному обществу они будут пробиваться материальными путями, не жалея ни средств, ни жизней, ни прошлой истории России. Отсюда – вся страшная логика обязательности репрессий для большевиков. Путь советского государства, альтернативный церковному и традиционно-государственному, не предполагал духовно-религиозного воспитания человека и патриотизма, вырастающего на христианской и социальной основе. Большевики во главу угла ставили радикальный выбор для человека: или ты с нами, или мы тебя уничтожаем. Если ты с нами, то твоя жизнь, здоровье, семья – все в наших руках. Патриотизм они строили на национально-интернациональной основе.

Когда власть перешла к Сталину, он постепенно в некоторой степени изменил ленинскую модель советского общества. Во-первых, он сузил «революцию для мира» до «революции для России, для СССР», что сразу же ограничило национальную базу «угнетенных народов». Далее, со второй половины 1920-х годов в число «угнетенных» народов он стал вводить и русский народ, тем самым решая сразу две проблемы. Русские получали

равный национальный статус со всеми остальными народами СССР, и вместе с тем снималась с повестки дня задача реализации социального проекта. Точнее, эта задача реализовывалась теперь в рамках национального проекта, как дело братской помощи малым народам и укрепление национальной безопасности всей страны. Социальная задача была подчинена национальной.

Перемалывая русский народ в этнически безрелигиозный советский тип, Сталин не смог добиться своей революционной цели. Этничность большого числа русских продолжала сопрягаться с верой, с православием, с церковностью, о чем свидетельствовали масштабы репрессий и цена, заплаченная русским народом за победу в Великой Отечественной войне. Но русскому народу в этот период был нанесен самый страшный урон за всю его историю.

Если оценивать в целом, то сталинский тип модернизации общества ни в коем случае нельзя считать продолжением имперского проекта XVIII – начала XX вв., поскольку он был прямо противоположен ему. Несмотря на большевистские заверения в его народности, несмотря на технические и военные достижения, он являлся антинародным, антироссийским, анти-традиционным, и потому не может считаться успешным и образцовым для нас. Сталинизм и ленинизм неотделимы от эгоизма, безбожия, насилия над человеком, верой, народом. Их почвенность – служение этничности – также, при ближайшем рассмотрении, оказывается мнимой, потому что там, где господствует эгоизм и безбожие, там постоянно попираются основы и этнического бытия любого народа, на что указывают многочисленные примеры, в том числе приводимые выше. Да и сами большевики – и Ленин, и Сталин – полагали, что со временем этничность (национальность) уйдет и будет заменена однородной советскостью.

Советское общество, созданное революционными интеллигентами Лениным и Сталиным, было обществом, созданным ради интеллигенции, и само являлось интеллигентским обществом. Независимо от того, сколько классов закончил человек в школе и какое он получил образование, если этот человек получал при этом атеистическую и материалистическую прививку, и если она усваивалась, а не отторгалась, то вместе с этим усваивалось то великое богоборческое высокомерие, которое отличало любого интеллигента от образованного, но верующего человека. Интеллигент в своей самоубийственной простоте считал, что если этот мир Бог не смог сделать идеальным и справедливым, то он – интеллигент – сможет, и пусть ему придется заплатить какую угодно цену, он своего добьется. Более образованный интеллигент становился поводырем для менее образованных интеллигентов. Но для тех и других была характерна все та же фа-

натичная вера в торжество материализма и бравада своим безбожием. Жизнь превращалась для интеллигента одновременно в лукуллов пир и пир во время чумы, он превозносил гедонизм во всех его проявлениях как единственную истинную философию-мировоззрение и кичился своим бесстрашием умереть в любую минуту без всяких реверансов в сторону Церкви или веры. В этой дуполюсности заключался «символ веры» любого интеллигента, образованного и необразованного.

Именно интеллигента (интеллигента-чиновника, интеллигента-ученого, интеллигента-колхозника, интеллигента-рабочего, интеллигента-служащего и т.д.) как особую, очищенную от всех «примесей» религиозной и этнической традиции личность, и можно было использовать при создании гражданской нации, называемой «советский народ». Советское нациестроительство работало на создание такого человека, лишённого почвы и корней, хотя и обладающего большими или меньшими познаниями в естественной или гуманитарной областях. К счастью, оно не сумело решить тогда поставленной задачи.

Литература

1. Астафьев В.П. «Нет мне ответа...» эпистолярный дневник. – М.: ЭКСМО, 2012
2. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009: учебное пособие. – М., 2010
3. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. – М.: Аграф, 2001
4. Вдовин А.И. «Русский вопрос» в истории XX века и на современном этапе // Трибуна русской мысли. – 2007. Осень.
5. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. – 2-е изд. – Кунгур, 2007.
6. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991.
7. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. – М.: Наука, 1988.
8. Глезерман Г.Е. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР // О советском социалистическом обществе. Сб. ст. под ред. Ф. Константинова, М. Каммара, Г. Глезермана. – М.: Политическая литература, 1949.
9. Димони Т.М. Письма в органы власти как источник для изучения социально-политических воззрений северного крестьянства в период конца 1930-х – 1950-х годов (по материалам Вологодской области).
10. Дурасов Г.П. Богом данная. Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. – 3-е изд. – М., 1997.
11. «Дядя Коля против...» Записные книжки епископа Варнавы (Беляева) 1950–1960. – Н.-Новгород, 2010.

12. Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания в 2-х томах. – М., 1993. Т. 2; Урусова В.Н., кн. Материнский плач Святой Руси. – М., 2007.
13. Захарова Л.Б. Формирование новой морально-этической парадигмы в российском обществе 1920-х годов. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2013.
14. Зеньковский Василий, прот. Наша эпоха // Русское Возрождение. – 1990. – № 52.
15. Ивницкий Н.А. Материалы секретного Кремлевского архива Политбюро ЦК КПСС по истории коллективизации // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. – Вологда, 1995.
16. История России в XX столетии / Под. ред. А.С. Зубова. В 2-х томах. – М., 2011.
17. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – М.: Эксмо, 2011.
18. Карагандинский старец преподобный Севастиан / Сост. В. Королева. – М.: Паломникъ, 1998.
19. Кириченко О.В. Российское цивилизационное пограничье // Традиции и современность. Научный православный журнал. – № 10. – 2010.
20. Кириченко О.В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских // Традиции и современность. Научный православный журнал. – 2012. – № 12.
21. Кириченко О.В. Русское дворянство и интеллигенция: противостояние двух социальных сил в XVIII–начале XIX вв // Традиции и современность. Научный православный журнал. – 2002. – № 2.
22. Кириченко О.В. Традиция с позиции православного мировоззрения // Традиции и современность. Научный православный журнал. – 2007. – № 7.
23. Кожин В.В. Россия. Век XX. – М.: Эксмо, 2011
24. Козлов В.И. История трагедии русского народа. – 3-е изд. – М., 2012.
25. Комсомольская правда. 10.06. 2013
26. Лавров В. Ленинская политика по уничтожению православной русской семьи. Доклад в Государственной Думе на круглом столе «Роль большевиков и их лидеров в разрушении семьи и брака» // Радонеж.– 2013. – № 5.
27. Ленин В.И. Речи на XI съезд РКП(б) // Ленин В.И. Полн. соб. соч. – Т. 45.
28. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 24. – С. 117–150.
29. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45.
30. Ленин В.И. Речи на XI съезд РКП(б) // Ленин В.И. Полн. Соб. соч. – Т. 45.
31. Любовь воплощенная. Портрет русской женщины. Мария Сергеевна Трофимова. Жизнь. Время. Судьба. – М.: Димитриос, 2007.
32. Мазур Л.Н. Социальный облик крестьян-лишенцев: анализ источников // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. – Вологда, 1995.
33. Монахиня Сергия (Чернышева). Г. Борисоглебск Воронежская обл. Экспедиция ИЭА РАН 2000. Архив автора.

34. «О, Премилосердный... буди с нами неотступно...». Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х – начало 1970-х годов / Сост. И.И. Осипова. – М.: Братонеж, 2008.
35. Олейникова Т.С. Путь православной женщины. От первых пятилеток до наших дней. – М.: Благо, 2004.
36. Платонов О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. – В 2-х томах. – М., 1997.
37. «Последняя глава»: Письма А. Ф. Лосева к М. В. Юдиной. Публ. А.А. Тахо-Годи // Москва. – № 8. – 1993.
38. Пришвин М.М. Дневники. – М.: Правда, 1990.
39. Русь соборная. Очерки христианской государственности. – СПб.: Царское дело, 1995.
40. С. Большие Ясырки. Воронежская обл. Экспедиция ИЭА РАН 1997 г. Архив автора.
41. Семенова С.Г. Николай Федоров. Творчество жизни. – М.: Советский писатель, 1990.
42. Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX в. // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М.: СКИМЕНЪ, 2003.
43. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – В 4-х томах. – Т. 3. – М., 1998–2004.
44. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2002.
45. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. – Т. III–IV. Гл. 8. – М., 2007.
46. Сталин И.В. Политика советской власти по национальному вопросу в России (10 окт. 1920 г.) // Сталин И.В. О национальном вопросе. Сборник статей. – М.: Центполиграф, 2012
47. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 12.
48. Три встречи / Сост. А. Трофимов. – М.: Православный Паломник, 1997.
49. Труханов Михаил, прот. Воспоминания: первые сорок лет моей жизни. – Минск.: Лучи Софии, 2008.
50. Храм Преображения Господня в Богородском. История и современность. – М., 2007.
51. ЦК РКП(б) –ВКП(б) и национальный вопрос. Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – Кн. 1. 1918–1933. – М.: РОССПЭН, 2005.
52. Цыпин, Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917–1997. – М.: изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
53. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924. – М., 2003.
54. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938. – МГУ: МДН, 2008.
55. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 2000.

МУСУЛЬМАНЕ ГЕРМАНИИ. МЕСТО В ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается положение мусульман в немецком обществе, какие течения ислама в нем представлены и в каком количестве. Освещается и анализируется степень интеграции мусульман в секулярную культурную среду.

Ключевые слова: мусульмане в Германии, миграция, исламские течения, идентичность, интеграция, параллельные общества, законы шариата, исламофобия.

Благодаря растущей иммиграции из мусульманских стран, ислам во всей западной Европе, и в Германии в частности, становится всё более важной религией. Растущее присутствие последователей ислама и мусульманской религиозной культуры ведёт к новым проблемам и конфликтам. В свое время для мигрантов, появившихся вследствие договоров о рабочей силе между государствами, были сформулированы, главным образом, социальные и политические права. Но поскольку в дальнейшем мусульмане не собирались уезжать на Родину, они также требовали религиозных и культурных прав.

Западные общества, таким образом, всё чаще задаются вопросом, как иметь дело с религиозными правами и обычаями, которые иногда вступают в конфликт с нормами светских либеральных государств. Требования на строительство мечетей, исламского религиозного образования и особых уроков для мусульман в школах, но также и требования мусульманами обязательного соблюдения своих культурных элементов, вроде принудительных браков или женского обрезания, ведут к несогласию между мусульманами и современным обществом Запада. Кроме того, начиная с террористических атак 11 сентября 2001 года, дебаты по мусульманской интеграции были всё более связаны с вопросами общественной безопасности.

Миграция, демография и исламские течения. В Германии наибольший приток иностранцев последовал вследствие политики 1950-1960-х гг., направленной на погашение острой трудовой нехватки в течение периода быстрого экономического развития. Рабочим из развивающихся стран предлагали временное проживание. По трудовым соглашениям

ям с иностранными правительствами (Турцией, Марокко, Тунисом), эти рабочие, как ожидалось, покинут страну по окончании работы. Многие из первоначальных переселенцев (итальянцы, греки, и другие южные европейцы) действительно возвращались на родину. Однако последующие группы, главным образом мусульмане Югославии, Турции, и Северной Африки, остались, и в конечном счете, перевезли свои семейства. Они и их дети оставались в значительной степени отделёнными от немецкого общества, проживали в собственных общинах и иногда контактировали с немцами [15, с. 33].

Однако в условиях кризиса 1973–1974 гг. положение стало меняться, и миграция впервые была осознана как серьёзная проблема, требующая специального регулирования. Были введены определенные ограничения и запреты для иммигрантов: ужесточен режим пребывания уже осевших иммигрантов, введены лимиты на въезд новых и запрет на выдачу обратной визы тем, кто выезжал на родину повидаться с близкими. В ответ на это мигранты, боясь потерять работу, стали стремиться закрепиться на новой родине и перевезти туда семьи. Так политика ограничения миграции превратилась в итоге в важнейший фактор укоренения мусульман в Европе. К тому времени более чем 900 000 турок [16] жили в Германии.

Следующий период начался в конце 80-х г. В Европу хлынул новый поток, что было обусловлено рядом причин. Последние в совокупности своей подействовали качественно новым образом, превратив миграцию в центральную социальную проблему нашего времени. Это и демографический фактор – падение рождаемости в Европе; и экономический – новая стратегия ТНК, связанная с переходом к неолиберальной политике монетаризма; и геополитический – распад социалистического блока и СССР с соответствующими политическими и экономическими последствиями [7, с. 176].

Правительство надеялось остановить не только приток неевропейских рабочих, но также и рост уже возникшего сообщества. Однако эта попытка не была успешной по двум причинам: была изменена первоначальная миграционная политика, вследствие чего рабочим дозволялось недолговременное пребывание в Германии, а затем возвращение домой и замена на новых рабочих. Но в промышленности это оказалось невыгодно, так как новых рабочих приходилось обучать заново. Что ещё более важно, рабочие обнаружили, что за короткий период в Германии не заработать нужных денег для установления экономической независимости в их родных странах. Поэтому они потребовали права, которые им предоставили

согласно множеству международных соглашений, по которым рабочие могли перевезти их семейства. Таким образом, между 1973 и 1980 гг. происходил постоянный приток членов семейств рабочих, увеличивающий мусульманское иностранное население. В 1980 г. число вновь прибывших было 212 000. В 1983 и 1984 гг. прибыло приблизительно 42 000 [16].

С конца 70-х гг. среди иммигрантов-мусульман начинают преобладать беженцы и лица, преследуемые по политическим мотивам. В 1992 г. 440 000 человек было предоставлено убежище. В 1993 Федеральное правительство отвечало на повышающуюся социальную напряженность в отношениях, ужесточая критерии по получению убежища. В 1996 г. мусульманское население Германии приближается к 2,2 миллионам. В дополнение к туркам, это выходцы, прежде всего, из Магриба и Югославии. Также в стране находится малая группа тех, кто официально прибыл для обучения.

Среди этнических немцев на 1987 год 48 000 приняли ислам [11], в 1996 г., их было уже от 100 000 до 200 000 человек. Многие из них делают этот выбор в связи с заключением брака с мусульманами. Но есть также маленький, но постоянный поток людей, которые принимают учение ислама из личных убеждений [16].

Изменилась и ситуация с получением гражданства. Ранее немецкое гражданство базировалась исключительно на «праве крови», а не на «праве почвы»: иностранцы, живущие в Германии, даже вторые и третьи поколения, рождённые в Германии, имели ничтожные шансы получить немецкое гражданство. Теперь согласно новому закону, принятому в 1999 и действующему с 2000 года, любой рождённый в Германии автоматически получает местное гражданство при условии, что один из его родителей проживал легально в стране не менее 8 лет. Однако даже после того, как закон вступил в силу, старые понятия о том, кто действительно немец, сохранились среди этнических немцев [15].

Количество мусульман составляет сейчас пока, по разным оценкам, от 4,6 до 5,2 процента от общего населения Германии. Приблизительно 45 процентов мусульман, живущих в Германии имеют немецкое гражданство. Большинство мусульман с немецким гражданством происходит из Турции. В целом, эта группа составляет между 1,0 и 1,1 миллионом человек. Между 191 000 и 249 000 человек происходят из стран Ближнего Востока. Мусульмане из Юго-восточной Европы представляют третью по величине группу. В основном это связано с немалым числом беженцев войн 1990-х из прежней Югославии.

На рубеже XX и XXI веков очень малое число мусульман среди приезжих из Болгарии, Казахстана и России, в то время как 90 процентов – граждане Турции, Пакистана, Йемена, Иордании, Ливана и Марокко [21, с. 50]. В целом мусульман в Германии насчитывается более 4 млн.

Мусульманское сообщество в Германии представляет разнообразные культуры, лингвистические и религиозные группы. По конфессиональному составу картина следующая. Сунниты составляют 74 процента мусульман, в основном ханафитского масхаба, так как большинство мусульман Германии турки. Как известно, в Турции доминирует ханафитская правовая школа. Также сунниты доминируют среди групп, представляющих различные страны. Единственное исключение обеспечено иранцами, относящимися прежде всего к шиитам. 13 процентов мусульман, живущих в Германии, алавиты (между 480 100 и 551 500 человек). Они составляют 17 процентов группы турецкого происхождения. Членов иных течений, таких как ахмадиты, суфийские тарикаты и ибадиты – меньшинство, вместе они составляют меньше чем 3 процента общего количества мусульман. Ахмадиты составляют поразительные 28 процентов мусульман из Южной и Юго-восточной Азии. 4 процента мусульман относятся к другим исламским течениям, точная идентичность которых не была определена [19, с. 92].

В половом соотношении среди мусульман Германии 53 процента мужчин и 47 процентов женщин. Преобладание мужчин особенно ярко выражено у иммигрантов из Африки. Есть также превосходство по количеству мужчин среди мусульман из стран Ближнего Востока. Средняя Азия – единственный регион происхождения, из которого прибывает больше мусульманских женщин, чем мужчин [19, с. 94].

Средний возраст мусульман из различных областей происхождения колеблется между 27,2 лет среди иммигрантов из Юго-восточной Европы, и 34,1 лет среди выходцев из Ирана или Средней Азии. [19, с. 110] Доля мусульман среди всех новорожденных Германии показана в пресс-релизе, выпущенном Федеральным Бюро Статистики 12 августа 2005. Там было заявлено, что в 2004 году число детей мусульманских родителей – 9,1 процентов всех новорожденных (64 000 из 706 000 младенцев). [11] Число тех, кто моложе 25 лет, заметно выше среди мигрантов, чем среди немцев. Доля тех, кому 64 года и выше, с другой стороны, значительно ниже. [19, с. 112] Эти различия ещё раз подтверждают тот факт, что мусульманское население в целом моложе коренного. Этот факт негативно скажется в будущем на культуре немецкой Германии.

Самая большая концентрация мусульман внутри Германии наблюдается в земле Северный Рейн – Вестфалия, которая является домом каждому третьему мусульманину Германии. Далее идут земли Баден – Вюртемберг, Бавария и Гессен, здесь мусульман больше чем 10 процентов. Важным является тот факт, что более чем 70 процентов мусульман были рождены за границей, и таким образом принадлежат к первому поколению иммигрантов с их собственным опытом переезда. [19, с. 233] А значит, 70 процентов мусульман воспитывались и выросли в абсолютно иной культурной среде и имеют мало шансов для ассимиляции.

С появлением мусульман в Германии начали образовываться и исламские организации. Говоря о статусе религиозных исламских организаций Германии, необходимо сначала кратко упомянуть положение религии в государственной системе ФРГ. В Германии церковь отделена от государства согласно конституции, но Римско-католическая церковь, протестантские и еврейская община имеют официальный статус как государственные корпорации. Они имеют право на сбор налогов и государственную поддержку. Исламские организации не получили пока такой статус. Правительство не финансирует строительство мечетей и прочие религиозные нужды, этим занимаются сами организации.

Формальные отношения между мусульманскими и другими религиозными организациями вообще, если можно так сказать, развиваются. Были инициативы налаживания диалога между христианскими и исламскими организациями, хотя им препятствовали отсутствие единства и конкуренция среди мусульманских групп [15, с. 33]. Членство и активное участие в религиозных организациях является важной формой самоорганизации среди мигрантов, составляющих большинство уммы Германии. Мигранты-мусульмане 60-х годов редко организовывались, так как вначале они не планировали оставаться в стране в течение долгого времени. Только с 70-х годов происходит появление различных зарегистрированных исламских организаций, представляющих мусульман определенного течения и страны происхождения. Главным образом эти организации создаются и курируются религиозными центрами страны происхождения.

В настоящее время в Германии есть множество исламских организаций, которые отличаются в религиозном, политическом, этническом, лингвистическом плане и конкурируют друг с другом за членов и влияние. Среди самых крупных и влиятельных необходимо назвать следующие: «Турецко-исламский союз по вопросам религии», (*DITIB*); «Милли Гёрюс» (*IGMG*);

«Объединение исламских культурных центров» (VIKZ) и др. (Подробнее см. [26]) Число местных исламских общин в Германии, по оценкам экспертов, составляет приблизительно 2600 в настоящее время со средним членством 50-200 человек. Только приблизительно 150 из этих общин имеют мечети в традиционном понимании (здание с куполом и минаретом), тогда как у большинства есть только простые комнаты для молитвы, так называемые мечети «заднего двора». Степень организации мусульман в Германии, таким образом, по мнению экспертов, относительно низка [12].

Многочисленные исламские объединения пытаются завоевать влияние среди мусульман Германии. Для этой цели некоторые из них вселяют в мусульман страх перед немецким обществом. Они убеждают мигрантов, что христианство, немецкая культура и неисламские партии несут для них угрозу. Поэтому, с точки зрения этих объединений, мусульманам следует отвергнуть немецкую культуру и либеральное правовое государство. В такой ситуации, мусульманам, якобы, могут помочь только учреждения, которые противостоят этому обществу, и предлагают исламскую альтернативу, ориентированную на Коран [1, с. 328].

Те, кто финансирует исламские организации, естественно выражает желание непосредственно участвовать в управлении и задавать вектор их развития. Большая часть организаций управляется Турцией. Учитывая умеренно исламистские взгляды премьер-министра Реджепа Тайип Эрдогана на ассимиляцию как на преступление, не удивляет факт связи организаций с исламистами. Это серьезная проблема как для Германии, так и для мусульман. Возможно, именно поэтому так мало количество членов организаций среди мусульманского населения Германии. Даже появление «Координационного совета мусульман в Германии» не сможет в ближайшее десятилетие объединить всех представителей такого разного ислама. А в случае получения им такого же статуса, как и у христианских церквей, значение и влияние ислама усилятся. Вопрос в том, какого ислама. К сожалению для немецкого общества, исламские организации создаются не только для помощи мусульманам в процессе интеграции, но и для укрепления форпостов ислама на чужой территории.

При исследовании мусульман Германии и их влияния на немецкое общество важно знать, как высоки их религиозные чувства и качество отправления религиозного культа. Изучение Центра турецких исследований в 2005 году показало, что среди мусульман турецкого происхождения в возрастной группе от 18 до 30 лет число людей, характеризующих себя как набожных, повысилось с 63 процентов в 2000 году до 80 процентов в 2005.

Возрастающее значение религии также отражается на вопросах в отношении разделения церкви и государства и на спорных религиозных темах. 30 процентов согласились с утверждением, что мальчики и девочки не должны ходить на занятия по физкультуре вместе. Почти 60 процентов указали, что они будут иметь сложные отношения с их сыном или дочерью, если те свяжут себя узами брака с неверными [12]. 59 процентов согласились с утверждением, что мусульманские женщины должны носить хиджаб на публике. На деле 28 процентов мусульманок носят хиджаб. Пропорция тех, кто носит хиджаб, медленно повышается к возрасту половой зрелости. В возрастной группе 11-15 лет 7 процентов мусульманских девочек носят хиджаб. Среди молодых женщин в возрасте от 16 до 25 его носит каждая пятая. Среди 26-65 летних женщин доля повышается почти до 40 процентов. 97 процентов женщин носят хиджаб именно по религиозным соображениям.

Также опрос показал, что на степень религиозности влияют образовательный уровень и социально-экономическая ситуация. Те, кто более образован, в основном, относятся к религии более либерально, чем малообразованные. Социальное положение тоже влияет на религиозность. Безработные иммигранты консервативны до крайней степени, как например, домохозяйки. Беловоротничковые рабочие значительно более либеральны. Одна четверть турецких мусульман между 18 и 30 годами охарактеризовали проживание в христианской стране как очень трудное. Правда, 70 процентов хотели бы остаться в Германии, а 30 процентов намеревались вернуться в Турцию. В целом, турецкая молодежь значительно более религиозна, чем немецкая [12]. Интересно, что мигранты из Ирана в 55 процентах заявляют, что они слабо религиозны или не религиозны вообще [19, с. 128]. Это связано с тем, что мигранты из Ирана бежали от исламской революции 1979 года. Как ни странно, но эта группа действительно перебралась в Германию для жизни в свободном обществе, убегая от исламской теократии.

Среди исламских течений на 2007 год 42 процента суннитов и 43 процента ахмадитов и ибадитов описывают себя как чрезвычайно набожных, таких меньше среди шиитов и алавитов [19, с. 129]. В отношении шиитов, это, скорее всего, связано с конкретными представителями миграции из Ирана, бежавшими именно от исламизации общества, а не непосредственно с шиизмом вообще. Более низкий уровень религиозности среди алавитов по сравнению с суннитами и другими мусульманскими течениями может быть объяснен тем, что они, как полагают исследователи, больше секуляризуются.

Субъективная степень религиозности не всегда соответствует реальной религиозной практике. Одна пятая опрошенных Исламской Конференцией Германии в 2009 году говорит, что они очень редко или никогда не бывают в мечети. Все поколения считают очень важным религиозное образование детей. В этом отношении семья представляет собой первое и самое важное учреждение [12].

Второе поколение настоятельно обращается к турецкой исламской религиозной культуре, но имеет тенденцию отворачиваться от национального ислама, переходя к познанию индивидуальных аспектов понимания ислама. Универсальное понимание «истинного ислама» для них более важно, чем религиозные традиции, которые характеризуются культурой. Люди второго поколения для получения информации об исламе чаще используют СМИ и интернет, чем советы родителей. Таким образом, ислам используется представителями современного общества как способ найти смысл жизни и самоидентификацию.

В данном вопросе нужно обратить внимание на рост числа мечетей. В 1970-м году в Германии было всего три мечети, в 1997 было 26 мечетей, в 2000 уже 66 [18], в 2001 году, по данным исламского архива, имелось 2204 мечети; часто это арендуемые и выкупленные здания, перестроенные в мечети. Среди них было 70 так называемых классических мечетей, еще 32 находились на стадии подготовки. К 2005 году были открыты 3000 мечетей, как минимум 100 из которых стояли на учете спецслужб в связи с пропагандой исламизма [1, с. 309].

Молодые люди, которые выросли в Германии, признают преимущества многообразного общества. Они называют себя «культурными мусульманами» [21, с. 77] и соблюдают религиозность в максимально возможной степени. Но модернизация ислама не означает полного принятия демократических ценностей. В целом мусульмане Германии являются религиозными, исполняющими предписания и нормы их веры в большей мере, нежели представители других религий.

Параллельные общества. Долгое время на мусульман в Германии общество и власти не обращали особого внимания. Начиная с 1990-х, по мере роста числа мусульман-мигрантов и проблем, с ними связанных, усилились общественные дебаты в Германии относительно ислама и интеграции мусульман в общество.

Общественные проблемы относительно отношений немцев с мусульманами и исламом усилили интерес к информации об исламе. Герма-

ния имеет длинную традицию изучения ислама и его различных культур. Видные мусульманские лидеры посещали Германию или учились в ней. В настоящее время 24 немецких университета предлагают исламские курсы занятий, привлекающие приблизительно 3000 студентов. Научно-исследовательские институты типа Центра современных восточных исследований в Берлине участвуют в академических исследованиях истории и текущего развития различных мусульманских обществ [20, с. 194].

Большинство мусульман всё еще не приобрело немецкое гражданство. Социологические обзоры показывают, что мусульмане с немецким гражданством явно социально лучше адаптированы, чем те, кто не имеет его. К тому же неясно, является ли гражданство причиной или скорее последствием успешной интеграции.

Поразительно, но приблизительно 90-95 % мусульман в Германии все еще транспортируют умерших родственников назад на Родину. Причина тому правила погребения, закреплённые юридически, такие как обязательное погребение в гробу и установленное время до погребения, которые противоречат исламской традиции. Но постепенно появляются отдельные мусульманские кладбища. Другой проблемой является вопрос ритуального убийства животных. В 2002 году высший суд Германии постановил, что на запрос мусульман нужно предоставить специальное разрешение на ритуальное убийство животных [12].

Следуя интеграционной политике немецкого государства, иммигранты должны принять демократическую конституционную структуру государства и ценности демократических обществ. Иммигранты должны изучить немецкий язык. Однако в течение долгого времени государство не финансировало курсы языка для первых мигрантов, которые, как ожидалось, возвратятся домой. Хотя государственная политика устанавливает основную структуру для интеграции, подразумевается, что мусульмане тоже будут выполнять социальные задачи. На первой немецкой исламской Конференции в сентябре 2006, государство ясно дало понять, что современные ценности демократии обязательны и для мусульман. Согласно немецкой исламской Конференции, современные ценности демократических государств включают: равные права для мужчин и женщин; участие в политической жизни; плюрализм; отделение церкви от государства и совместное обучение (в том числе – спортивное и сексуальное образование) [21, с. 14].

Новый немецкий закон об иммиграции, который вступил в силу в январе 2005, сильно повлиял на дальнейшую иммиграцию мусульман в

Германию. Для образованных мигрантов, для учёных и для высококвалифицированных рабочих появилась возможность легче получить вид на жительство. Новый закон также облегчит получение убежища для беженцев. Для менее квалифицированных и необразованных закон делает иммиграцию фактически невозможной. Закон также содержит условия для программ, помогающих ассимилировать новых иммигрантов, включая принудительные курсы немецкого языка, истории, и культуры [15, с. 33].

Несмотря на прогресс в некоторых областях, мусульманская интеграция в немецкое общество была минимальна. Немцы и мусульмане часто обвиняют друг друга в этом. Многие немцы винят мусульманское сообщество в отказе принять немецкие нормы и ценности. Как характерный яркий пример подтверждения этого, интересен результат немецкого исследования, сделанного в Рурском районе Германии и показывающего, что примерно с 1980-х годов мусульмане не уступают дорогу на тротуаре встречным пешеходам [4].

Для большей информированности об исламских странах и мусульманах, в Германии в 2003 году создаётся отдельный офис для диалога с исламским миром. Офис также управляет Специальным Фондом по Европейско-исламскому Диалогу (*EIID*), на который было выделено приблизительно по 5 миллионов евро на 2002 и на 2003 годы. Деньги переводились через проекты немецких академических организаций типа Института Гете, Службы Академических Обменов (*DAAD*) и немецкого иностранного журнала «Немецкая волна» (*Deutsche Welle*). Диапазон действий, финансируемых *EIID*, широк. Среди уже осуществленных проектов – симпозиум по реконструкции судебной системы Афганистана в сотрудничестве с университетом Кабула с участием юристов из Германии и исламских стран; создание интернет-портала *Qantara* на немецком, английском и арабском языках как объединённый проект *Deutsche Welle*, Института Гете и Федерального Центра Политического Образования, и сайт www.gantara.org, разработанный, чтобы облегчить связь между гражданами мусульманских стран и немцами. С помощью сайта возможно обучение мусульманских женщин преподавателями из Германии, обучение дипломатов из исламского мира в Германии и курсы немецкого языка и прикладной географии для турецких имамов перед их назначением в Германию, организуемые в сотрудничестве с турецким Офисом Религиозных Дел. В связи с серьёзными бюджетными ограничениями в Германии, отдельные фонды с 2004 года больше не доступны. Теперь акцент сместился на обеспечение непрерывности диалога.

Проблема образования является одной из самых острых. Официально дети мусульман могли получать исламское образование в государственных школах, но отсутствие целенаправленной и квалифицированной программы обучения заставило родителей самих заняться воспитанием детей с помощью радиопередач турецких организаций, таких как «Сулейманли». Это движение с центром в Кельне в начале 1980-х годов насчитывало в ФРГ около 200 ответвлений [1, с. 290].

Трудность внедрения исламского обучения в государственные школы обусловлена, главным образом, тремя обстоятельствами. В первую очередь, отсутствием какой-либо организационной формы, в рамках которой признавали бы друг друга различные течения мусульман и наличие которой позволило бы разработать обязательную программу преподаваемых предметов. Кроме того, это связано с тем, что в университетах не было необходимых преподавателей, а также отсутствовали чёткие критерии распределения и отбора студентов, имеющих право слушать лекции по мусульманской религии [1, с. 309].

Дети мусульман четыре раза в неделю ходят в «школы Корана». Это и беспокоит правительство, уследить за тем, что происходит за закрытыми дверями «школ», и какие ценности вкладывают в юные головы, совершенно невозможно. Все чаще разгораются скандалы, подобные произошедшему вокруг боннской «Академии имени короля Фахда». В начале 2000-х годов более 500 учащихся этой школы воспитывались в духе непримиримого исламизма, а преподаватели были замечены в связях с «Аль-Каидой». Из 50-ти известных спецслужб боннских исламистов 17 посылали своих детей учиться в эти школы. Но закрыть академию не удалось, потому что правительство Саудовской Аравии, формальный патрон школы, пригрозило закрытием немецких учебных заведений у себя в стране [1, с. 311].

В земле Северный Рейн – Вестфалия впервые начали преподавание ислама в общественных школах начиная с 1999 года. Этот эксперимент проходил в пределах 200 школ. Первоначально предмет назывался *Islamkunde*, что можно грубо перевести как «Знание ислама». Мюнстерский университет в Северном Рейне – Вестфалии утвердил, с одобрением местных исламских организаций, в 2004 году профессора Свена Махаммада Калиша, для обучения будущих преподавателей исламу. С июля 2010 года назначен профессор Моуханад Хорчайд. Университет Оснабрюк начал в 2008 году программу для предполагаемых преподавателей исламского религиозного образования с профессорами Бюлентом Юкари и Рауфом Кайланом.

Они намереваются обучить также имамов для немецких мечетей. Полностью ввести «Исламское религиозное образование» в школы планируется в 2015 [13].

Несмотря на все попытки правительства Германии взять под контроль мусульманскую умму, встает все та же проблема разобщённости и различности исламских групп. Такая ситуация на руку радикальным движениям, активно работающим с представителями ислама и заполняющим сферу религиозного образования. В этой связи правительство ФРГ усложняет правила въезда иммигрантов из исламских стран и не только. Коренное население Германии всё неохотнее принимает гостей, ассоциируя их с исламистами, и терпит только как рабочих низкого профиля, ежедневно видя их подметающими улицы и продающими свои национальные блюда, кстати, полюбившиеся немцами.

На рубеже веков встал вопрос о возможности вращивания исламской культуры в западную картину мира. В Германии для решения этой проблемы Центральный совет мусульман выступил с так называемой «Исламской хартией», написанной в Берлине в 2002 году, содержащей обязательства и предложения, которые (с учётом трагедии 11 сентября) формулировали отношение «немецких» мусульман к Основному Закону ФРГ. В 13 пункте «хартии» записано следующее: «Между исламской доктриной и западными основными правами человека нет противоречий. Между божественными правами лица, закреплёнными в Коране и основным правом, воплощённым в Западных декларациях о правах человека, нет противоречий. Мы также поддерживаем намеренную защиту лиц против злоупотребления государственной властью. Исламский закон требует равное обращение с идентичным и разрешает неравное обращение с неидентичным. Завет исламского закона соблюдать местный правовой порядок включает принятие немецких статутов, регулирующих брак и наследие, гражданские, а также уголовные процессы». В 20 пункте идет перечисление необходимых мер правительства для обеспечения достойной жизни мусульман Германии. В завершении говорится о политическом нейтралитете (п. 21). Таким образом, основной посыл этого документа можно свести к следующему: ислам ни в коей мере не противоречит западной цивилизации, и все конфликты происходят лишь от незнания европейцами истиной сути учения, заблуждений. Суть можно увидеть в одном лишь 20-м пункте [6].

Важной проблемой интеграции остаются так называемые «параллельные общества». В немецком языке неологизм *Parallelgesellschaften* (па-

раллельные общества) был введен как социологический термин в 1996 году, чтобы обозначить выделенные самоизолирующиеся иммигрантские общины, главным образом из исламских стран. Местные органы власти в 1960-х, 1970-е, и 1980-е прилагали усилия, чтобы избежать создания городских гетто: выделялись субсидии, вводились квоты на расселение иностранцев вместе с немцами, муниципалитеты нанимали профессиональных посредников, чтобы решить культурные споры в плотно населённых областях города [22, с. 53].

Усугубляет ситуацию наличие исламских средств массовой информации. К примеру, в Германии можно подключить популярные турецкие развлекательные каналы вроде *Kanal D*. Но действительную проблему для интеграции вызывают каналы религиозного содержания, подобные саудовскому *Iqra*, и некоторые программы, транслируемые *Al-Manar*, телевизионной станцией, используемой *Hezbollah* в Ливане. Также массу вопросов по содержанию трансляций вызывает *TV5*, канал, сотрудничающий с Милли Гёрюс. Посредством спутникового телевидения проповедники вроде 81-летнего египетского клерикала Юзуфа Аль-Карадави находят себе слушателей, особенно среди молодых мусульман. *Al-Jazeera*, телевизионная сеть основанная в Катаре, передает его программу «Шариат и жизнь», касающуюся юридических вопросов и исламской этики и резко конфликтующую по трактовкам с германскими нормами гражданского права, вещание проходит в прайм-тайм каждое воскресенье [14]. Издательство *E. Xani Presse und Verlags-GmbH* печатает газету *Oezguer Politika* («Свободная политика») на турецком языке, которая выходит тиражом примерно в 10 тысяч экземпляров. МВД Германии уже доказало её связи с одной из экстремистских организаций. В качестве рупора этой организации газета распространяет пропагандистские материалы и вербует сторонников [2]. И это лишь самые крупные и получившие массовую огласку примеры.

Некоторые аспекты культуры мусульман никоим образом не вписываются в немецкое общество, и выглядят шокирующими. В немецком языке появился новый термин – *Ehrenmord*, или «убийство чести». Так теперь обозначается убийство женщины, совершенное её родственниками-мужчинами для «спасения чести семьи». Жертвами «убийств чести» обычно становятся турчанки, решившиеся на развод (даже в том случае, когда брак был заключен насильно), однако иногда для убийства хватает куда более скромного повода, вплоть до простого отказа девушки носить платок. По данным исследования независимого центра поддержки турецких

женщин *Rapatya*, выходцами из мусульманских стран с 1996 по 2005 годы на территории Германии было совершено как минимум 50 таких убийств, причем на долю турок пришлось 77 процентов преступлений, что более чем в 3 раза превышает долю турок в среде иммигрантов, следом за турками идут ливанцы с 10 процентами от числа подобных преступлений и выходцы из стран бывшей Югославии – 7 процентов. Важно, что «убийства чести» совершаются, в основном, очень молодыми турками, часто родившимися в Германии и прожившими здесь всю свою жизнь – парадоксальным образом именно эти молодые люди, активно воспроизводят самые варварские и архаичные модели социальных взаимоотношений [5].

Большой проблемой интеграции мусульман в Германии является так называемый патриархальный «брак по принуждению», заключаемый по решению не невесты, а решивших за неё старших мужчин рода. Часто невеста, всю жизнь прожившая в Турции и отправленная в Германию почти как товар, вообще не знает, за кого её выдают замуж. Серьёзную озабоченность у немецкого населения также вызывает тот факт, что подобные преступления все чаще выходят за рамки турецкой общины и начинают затрагивать и собственно немцев. В декабре 2005 г. в Мюнхене турецкий подросток избил беременную от него одноклассницу немецкого происхождения – по собственному признанию, чтобы вызвать выкидыш. В январе точно такая же история повторилась во Франкфурте, причем 17-летний турок признался, что главной причиной его нападения на девушку стало то, что его отец заявил, что «не потерпит ребенка от христианки». В обоих случаях пострадавшие девушки, подавшие заявления в полицию, подвергались угрозам со стороны своих бывших бойфрендов, а также их друзей – те требовали немедленно отозвать заявление [5]. Таким образом, брачное поведение можно рассматривать критерием готовности или неготовности к интеграции. К тому же оно управляет темпом растворения параллельных обществ либо препятствует тому, чтобы они возникали в большом объёме. Здесь дело обстоит плохо, ибо лишь 3 процента молодых мужчин и 8 процентов молодых женщин с турецкой миграционной историей вступают в брак с немецкими партнёрами, для сравнения у российских немцев, напротив, таких 67 процентов [2, с. 270].

К сожалению, насилие в мусульманской семье имеет место быть. Научно-исследовательский институт Нижней Саксонии в 2003 году выполнил анализ ежедневной религиозной жизни во взаимосвязи с насилием. Был оценен набор данных, основанных на представительских опросах

учеников в возрасте 14 – 17 лет. Этот обзор был выполнен в Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене и одном сельском административном районе, изучение показало, что мусульманская молодежь испытывает самые серьезные социальные неудобства и наименее интегрирована лингвистически. Их намного чаще затрагивает насилие внутри общины, чем молодежь в других религиозных группах. Они усваивают традиционные родовые роли доминирования мужчины над женщиной. Насилие является привычным составляющим фактором воспитания детей. [11]

По мнению мусульманского ученого Бассама Тиби, попытка интеграции мусульман в Германии уже не удалась. В школах Корана детей сознательно обучают идеям, противоположным ценностям немецкой демократии и системообразующим для германской культуры христианским представлениям. Молодежь обучают не книги, а исламские экстремисты. Нельзя заблуждаться по поводу прослойки добропорядочных мусульман во втором поколении, которые без особых проблем смогут интегрироваться в общество. «Тот, кто знаком с исламской диаспорой в Европе, знают, что не только исламисты мечтают об исламской Европе, находящейся под властью шариата. Ортодоксальные мусульмане также стремятся к этому. По причине демографической исламизации, которая осуществляется благодаря миграции, они считают Европу Дар-аль-ислам – Домом ислама», считает Бассам Тиби [1, с. 312].

Преступность в районах расселения мусульман-мигрантов также характеризует их с негативной стороны. По сообщениям немецких властей, в пределах городов существуют места, где полиция боится появляться. В этих районах происходит торговля наркотиками, воровство, перестрелки и нападения на полицейских. В Германии эти районы населяют главным образом турецкие и арабские иммигранты, также немалая часть выходцев из Ливана. Здесь немецкие законы и ценности не действуют. Полиция жалуется, что когда они проводят обычные патрульные выезды, их встречают недружелюбные толпы. При досмотре документов появляются 20 – 30 мужчин, готовых напасть. К примеру, когда берлинская полиция арестовала в районе Кройцберг трех арабов, причастных к наркобизнесу, они немедленно были окружены двумя дюжинами мужчин, которые силой пробовали освободить подозреваемых преступников. Только быстрое прибытие подкрепления спасло ситуацию. Также в Кройцберге произошли первые автомобильные поджоги, которые потом прокатились по всей Германии [9].

В течение прошлых десяти лет именно Берлин был немецким городом, где впервые наблюдались случаи сопротивления полиции. Полицейский со-

юз Германии сообщил, что среднее число таких инцидентов – 26 000 в год, с 1980-х годов произошло увеличение на 60 процентов. В Берлине происходит приблизительно 3 000 из общего количества. Представители профсоюзов говорят о сигнале «красного уровня» относительно насилия против полиции. Но что более тревожно, это увеличение тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами. Обзор школ в западных городах Германии показал, что 10 процентов турецких студентов совершили больше чем пять серьезных нарушений. Среди этнических немцев всего 2,9 процентов таких преступников. Конфликты часто происходят и между различными этническими группами. К примеру, ситуация между турками и арабами в одной средней школе Берлина накалилась настолько, что руководство школы попросило власти города закрыть её. [9]

Цель антиполицейских акций состоит в том, чтобы превратить эти иммигрантские окрестности в незаконные «мини-государства», где их религиозные и племенные обычаи и правила преобладали бы над законами и традициями Германии. Полиция говорит о том, что эти районы уже принадлежат тем религиозно-этническим группам, которые там живут.

Такая ситуация способствует тому, что всё больше немцев приравнивают ислам к фундаментализму. Согласно изучению *Allensbach*, 98 процентов немцев связывают ислам с насилием и терроризмом, в то время как только шесть процентов выражают симпатию к исламу. 61 процент полагает, что ислам не может мирно сосуществовать с христианством, в то время как 83 процента считают, что мусульмане – религиозные фанатики [14].

Мусульмане живут в состоянии фрустрации. К школьной фрустрации добавляется также сексуальная, и обе вносят свой вклад в накопление агрессии у молодых людей, которые живут в вольном обществе, повсеместно напичканном сексом и порнографией. Однако мусульманские девушки по религиозным соображениям до брака сексуально недоступны, и даже невинные досексуальные сближения чаще всего невозможны. А «лучшие», умные и активные немецкие девушки не падки на тех, кого они часто воспринимают в системе образования (из-за плохого знания языка и разницы культурных стереотипов) как «тиранов» и «лузеров». Ложные ролевые образцы, недостаточный успех в образовании и сексуальная фрустрация могут привести к повышенной готовности к насилию, которая проявляется во всей полноте главным образом в бандах юнцов – настоящей родине многих молодых мусульманских мигрантов. Там они находят признание, которого ищут, пусть и за ложные заслуги, а именно за нарушение закона, грабежи и драки [3, с. 270].

В такой ситуации мигранты переживают раздвоение личности в культурном понимании. И дезориентация не только культурная. Голландский исследователь Йен Бурума огласил данные психиатра, специализирующегося на умственных проблемах иммигрантов. По его словам, женщины и первое поколение мужчин иммигрантов имеют тенденцию страдать от депрессии. Мужчины второго поколения – уже от шизофрении. Согласно его исследованию, для второго поколения мужчин-мигрантов вероятность развития шизофрении в десять раз выше, чем для голландцев той же социальной группы [24, с. 15].

Шариат как альтернативная судебная система ФРГ. Мусульмане, иммигрирующие из Турции и Арабских стран, импортировали шариат в Германию. Он базируется на тысячелетней истории юридических традиций ислама, выросших из обычаев и Корана. Мусульманские теневые судьи главным образом защищают патриархальные структуры культуры, сторонники которой интересуются отнюдь не интегрированием мусульман в Германии. Большинство арбитров допускает ограничения основных прав женщин, и они убеждают женщин принимать эти ограничения.

По словам Сабины Шольц, представительницы семейного законодательства в северном городе Фленсбург, «есть две юридических системы, немецкая и исламская, которая притесняет права женщин» [8]. Для некоторых мусульманских иммигрантов исламский закон более важен, чем немецкий. Часто мусульмане выполняли процессы бракосочетания и развода исключительно в соответствии с традиционными исламскими нормами. Эксперт в области исламского права Матиас Рое говорит о том, что некоторые мусульмане пытаются установить параллельную религиозную правовую структуру, потому что они не хотят подчиниться учреждениям светского, неисламского государства.

В результате имамы и религиозные судьи при обращении к ним мусульман в Берлине, в Северном Рейне-Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейне применяют законы шариата в ежедневных ситуациях, даже если это несовместимо с немецкой конституцией и немецким законом. В частности, мусульманкам не разрешают жениться на немусульманах; в суде глава семейства имеет приоритет над женщиной, и в том числе в делах, касающихся имущества, а также и насилия в семье; при разводе преимущественно мужчина получает право на воспитание детей; полигамия и браки с несовершеннолетними позволяются, также разрешаются принудительные браки по воле отца и старших рода невесты против её воли [8]. По сообще-

нию Министерства внутренних дел Германии в 2009 году, многие исламские группы в Германии хотят жить только согласно законам шариата.

Некоторые немецкие политики высказывают мнение о том, что для мусульман можно ввести двойной правопорядок, прикрываясь лозунгом терпимости. Некоторые требуют учитывать во время судебных процессов религиозные убеждения и культурную принадлежность людей. Так, Ютта Лимбах, президент федеративного конституционного суда, уже утверждает: «Религиозная свобода должна подразумевать также терпимость к другим нормам. Без всякого сомнения, свобода религии может войти в конфликт с другими гарантированными конституцией основными правами человека, такими как равноправие мужчин и женщин» [1, с. 319]. Поддержание такой позиции способствует частичному принятию шариата в Германии.

Эта «параллельная система правосудия» подрывает законодательство Германии. Мусульманские арбитры, включая имамов и кадиев, улаживают не только гражданские, но и чисто уголовные дела до того, как они дойдут до немецкого суда, причем не по немецким, а по шариатским законам. Вследствие этого преступники способны избежать тюремных заключений, в то время как жертвы получают большие денежные компенсации или им отменяются их долги, в соответствии с законом шариата [23]. Мусульманские арбитры заинтересованы в достижении любовного соглашения. Почти в 90 процентах всех дел, где мусульманские арбитры были уполномочены, преступники были оправданы немецкими судами или дела приостанавливались из-за отсутствия свидетелей. Это тревожная закономерность показывает неэффективность немецких судов, потакающих решениям, принятым по шариату.

Например, Федеральный Социальный Суд в Касселе поддержал требование второй жены на долю пенсионных выплат её мертвого мужа, которые его первая жена хотела полностью оставить себе. Судья постановил, что они должны разделить пенсию. Судья в Кельне постановил, что гражданин Ирана должен возместить приданое его жены после их развода по шариату. Суд в Дюссельдорфе вынес подобный приговор, вынуждая турецкого гражданина возместить приданое в размере 30 000 € его прежней жене.

В марте 2007 года судья во Франкфурте при рассмотрении дела о насилии в семье процитировала Коран. 26-летняя гражданка Германии марокканского происхождения заявила, что её избивает муж и угрожает убить ее. Судья отказалась предоставлять развод, утверждая, что женщина, которая выходит замуж за мусульманина, должна знать то, что её ожи-

дает. В постановлении судья указала Суру 4, стих 34 из Корана. Она написала, что Коран содержит и право мужа использовать телесное наказание против непослушной жены и учреждение превосходства мужа над женой. [23] Между тем уголовный кодекс ФРГ квалифицирует телесные повреждения и угрозу физической расправы как преступления. То есть судья – этническая немка и не мусульманка – приняла в суде решение по шариату, вступив прямое в противоречие с уголовным кодексом ФРГ! В феврале 2011 г. Федеральный Трудовой Суд Германии постановил, что мусульманин, работник универсама в городе Киль, может отказаться обращаться с алкоголем на религиозных основаниях.

Да и принудительные браки являются сейчас крупной проблемой для Германии. Согласно изучению Федерального Министерства по семейным делам, принудительных браков в Германии 53 процента из всех тех, которые были заключены имамами, причем с невестами моложе 18 лет [17]. Такие женщины не считаются немецким законом состоящими в браке. Однако по шариату имам даже не необходим, чтобы заключить такие браки. Любой уважаемый мусульманин может женить пару, прочитав свадебные молитвы. Офисы брака, в которых самозванные имамы взыскивают плату за свои услуги – быстро развивающийся бизнес в Берлине. Богослов Хеидер оценивает, что «до 20 процентов всех мусульманских браков выполнены этими сомнительными людьми». Официально плата часто определяется как пожертвование.

Берлинский консультант по семейным делам Чаабан оценивает, что приблизительно 30 процентов всех мусульман, проживающих в Берлине в настоящий момент, имеют двух жён, с которыми заключили брак по шариату [17]. Правда, мужчины редко живут с одновременно несколькими женами под одной крышей. Благодаря «социальному государству всеобщего благоденствия» и свободе нравов Германии, мужчины часто не имеют никаких обязательств перед второй женой, не фиксированной светским законодательством Германии. Согласно немецкому закону, эти женщины рассматриваются как матери-одиночки, и если они неспособны поддержать себя, они получают социальную помощь *Hartz IV*. Так, мусульманская женщина из Фленсбурга не сообщала в течение многих лет, что она была второй женой. Её муж имел другую жену, с которой у него было четверо детей. С её восьмью детьми вторая жена получила огромную поддержку государства на жилье, детей и субсидии на образование, так что ей не нужна была *Hartz IV*. В 2009 году была внесена поправка к закону о се-

мейном положении: любому протестанту, католику или мусульманину для бракосочетания необходима, кроме религиозной, и обязательная гражданская церемония.

Председатель Центрального Совета Мусульман в Германии Эйман Мазиек говорит, что внесудебное решение конфликта должно приветствоваться, потому что это уменьшает бремя судов и часто способствует большему удовлетворению сторон, вовлеченных в спор, чем официальный суд. Консультант по семейным делам из Нойкельна Чаабан говорит, что его посредничество успешно в 80 процентах случаев. Имам из Эссена оценивает, что его норма успеха около 70 процентов.

«Все больше девочек не посещают уроки плавания и не принимают участия в поездках со своим школьным классом», – утверждает Криста Штолле из организации *Terredes Femmes*, защищающей права женщин – «Или их тотчас же забирают из школы». Гораздо больше девушек-мусульманок стали носить головные платки. Вопрос о ношении хиджаба преподавателями и студентами в государственных учреждениях долго не решался. В июне 2004 года федеральный конституционный суд Баден – Вюртемберга, первым, запретил хиджаб. В октябре 2008 года восемь из шестнадцати земель, особенно в западной части страны, запретили хиджабы для преподавателей. Студентам, напротив, всюду разрешают носить их. Однако в 2003 году федеральный конституционный суд решил, что нет никаких юридических оснований для запрета ношения хиджаба [10]. Но снова нет единодушия в законодательстве. Берлинское городское правительство предложило закон, касающийся всех религиозных символов, включая христианские, что, в свою очередь, вызвало сильные протесты со стороны христианских церквей [20, с. 196].

В 1993 года судьи постановили, что 13-летняя турчанка может быть освобождена от занятий по физкультуре и плаванию, если они проводятся без разделения по половому признаку. Примерно треть старшеклассников по религиозным причинам не участвует в поездках с одноклассниками [20, с. 197].

Мусульмане, попадающие в германское светское общество, кардинально отличное от того в котором они воспитывались, находятся в состоянии фрустрации. Проблема параллельных обществ достаточно серьезна, учитывая наличие в них собственной системы судопроизводства и управления. Ситуацию усугубляет неспособность властей изменить что-либо. Можно говорить о факте наличия на территории Германии локальных мини-государств, живущих не по немецким законам, а по законам шариата. А многие инциден-

ты непонимания культур, все же попадающие в поле зрения государственных органов юстиций, не способствуют интеграции. Так происходит потому, что итогом судебных процессов часто становится либо разрешение религиозных и культурных практик мусульман, что уравнивает их с традиционной христианской, пока ещё доминирующей культурой, либо запрещение таких практик, влекущее ограничения заодно и для традиционных в Германии практик христиан. Во втором случае это ведет и к ограничению самореализации христиан, и к недовольству мусульман. Судебная система Германии пока не в силах ассимилировать мусульман, заставить их отказаться от религиозной и национальной самобытности. Этому мешает и толкование многими Конституции ФРГ, так как по статье 4 Конституции ФРГ «неприкосновенность свободы вероисповедания, свободы совести и свободы религиозных и мировоззренческих убеждений» гарантируется.

Ввиду секулярности и разнообразия немецкого общества можно говорить о том, что мусульманам с более сильными традиционными культурными связями просто не во что интегрироваться. Повстречавшись с Западом, иммигранты видят главным образом свободы и отсутствие запретов на то, что в исламе может порицаться и считаться преступным или развратным. Видят и максимальную свободу религиозного вероисповедания. В результате интеграция с точки зрения верующих мусульман начинает отождествляться с грехопадением, отказом от соблюдения морали вообще и рассматривается не как благо, а как грех. И греха стараются избежать. Поскольку ислам очень тесно связан с институтами управления и судопроизводства, то в параллельных обществах создается и функционирует система шариата. Самоуправление районами и отпор государственной власти еще не предел. Нормы жизни и поведение определяются не конституцией ФРГ и ее традицией, а шариатом. Большинство нарушений порядка и преступлений не доходят до немецкой системы судопроизводства. Все решается старейшинами и имамами общины, естественно с иным исходом и наказаниями, которые последовали бы, дойди эти дела до суда ФРГ. Дошло до того, что некоторые немецкие политики предлагают для мусульман двойную судебную систему.

Исламофобия. В связи с увеличением количества мусульман растут и антиисламские настроения. Результаты Мирового Обзора Ценностей (WVS) показывают, что начиная с 1990-х отрицательное отношение к мусульманам усилилось, тогда как негодование против иностранцев вообще скорее уменьшилось. В Германии это соответственно 24,1 и 13,2 процента [10].

Как отмечает германский корреспондент ресурса *Islam Online* Халед Шмитт, исследование декабря 2003 года показало, что 65 процентов граждан страны убеждены в том, что исламская культура не может соответствовать западной. Большинство опрошенных выступили против любой новой волны иммиграции мусульман в страну и заявили, что чувствовали бы себя некомфортно, проживая в одном квартале с мусульманами. По сведениям ресурса *Turks Us*, данная социальная напряженность между немцами и мусульманами – обоюдная, поскольку число турок в Германии, которые считают, что они подвергаются дискриминации, неуклонно растет.

Известны случаи нападения на кафе быстрого питания, принадлежащие мусульманам. 30 марта 2005 года курдское кафе быстрого питания в Бранденбурге было полностью разрушено и сожжено. Между ноябрем и декабрем 2004 произошли нападения на мечети *Sinsheim* (подожжена), *Usingen* (подожжена), и *Schwebisch* (обстреляли из ружья), также в Берлине свастикой была окрашена мечеть *Sehitlik* [25, с. 69].

И хотя политический радикальный исламизм имеет мало общего с исламом, негативное отношение к мусульманам все нарастает. Учащаются случаи исламофобских выступлений и нападений на мусульман, что в свою очередь способствует еще большему непониманию и негативному настрою представителей мусульманской культуры. Об ассимиляции говорить пока не приходится.

Ислам в настоящее время представляется самой пассионарной религией мира. При этом на примере ситуации в Германии видно, что соборность мусульман не меньше, чем у представителей христианских конфессий. Уровень рождаемости у мусульман в три раза выше, чем у немцев, в первую очередь это связано с тем что, мусульмане-мигранты представляют в основном страны третьего мира, где рождаемость, как правило, выше чем на Западе. Но характерно и то, что принимающих ислам среди коренных немцев все больше, а католиков и протестантов все меньше. При сохранении в дальнейшем этой тенденции и поддержке её элитами по тем или иным причинам, Германия может окончательно разорвать связь с христианской традицией, являющейся для нее исторической культурообразующей.

Европейский проект просвещения, начавшийся многие века назад, достиг критической точки, когда все его ценности: либерализм, свобода вероисповедания, толерантность к инакомыслящим, правовое государство и др. – начали действовать против него.

Образуя этническую и религиозную антисистему, ислам в Германии либо трансформируется в нечто схожее с идеологией, потеряв обрядность

и религиозную сущность, либо же возродит духовность западного постсекулярного общества, став тем самым новым вектором развития западной Европы в целом. В первом случае это произойдет не без помощи транснациональных сил, стремящихся ликвидировать остатки христианской свободы и этики. Навязать такую мировоззренческую модель под знаменем реформированного ислама, способную реформироваться беспредельно и содержащую отказ от основных прав и свобод, религиозно обоснованный, – очень удобно как для политики глобализма, так и для решения противоречий с мигрантами внутри Европы. Во втором случае это произойдет при продолжении нынешнего вектора политики европейских государств, который похож на сознательное отвержение собственной цивилизационной и культурной идентификации во благо гуманизма. В отличие от европейцев, мигранты исламского мира четко представляют, кто они есть и кем они никогда не будут.

Литература

1. Архимандрит Августин (Никитин) Ислам в Европе. – СПб.: цсо, 2009. – 656 с.
2. В Германии запрещены две исламские организации // РИА Новости. 5 сентября. 2005.
3. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. – М.: Рид Групп, 2012. – 400 с.
4. Сумленный С., Кокшаров А. Теперь здесь ислам http://expert.ru/expert/2008/38/teper_zdes_islam/ (07.08.2011).
5. Сумленный С. Турецкое население Германии. Этническая бомба замедленного действия // 21-й ВЕК, 2006. № 1 (3).
6. Фундаментальная декларация Центрального Совета Мусульман в Германии об отношениях между мусульманами, их государством и их обществом (исламская хартия) <http://constitutions.ru/archives/6770> (29.04.2012).
7. Четверикова О. Религия и политика в современной Европе. – М.: Московские учебники и картография, 2005. – 176 с.
8. Asma Marwan. Sharia Law in Germany <http://bulletinoftheoppressionofwomen.com/sharia-law-in-germany/> (21.06.2012).
9. Brown Stephen. Germany's Intifada <http://europenews.dk/en/node/1276> (01.08.2012).
10. Conflicts over Islam in Austria, Germany, and Switzerland: Between ethnic citizenship, state-church relations and right-wing populism // Universitat Osna-bruck. 2008. – 36 p.

11. Dr. Frank Gesemann. The Integration of Young Muslims in Germany – Education and training as key areas for social integration // Weimar, 14 March. 2003.
12. Dr. Renz Andreas Islam and christian-muslim dialogue in Germany // Problems, Progress, Prospects. – Munich, 2007.
13. Fuess Albrecht. Introducing Islamic Theology at German Universities, Aims and Procedures // Copenhagen University Islam Lecture Series. 13 th April. 2011.
14. F. Pötzl Norbert. Germany: Life in a Parallel Society
<http://www.spiegel.de/international/europe/muslims-in-germany-life-in-a-parallel-society-a-547717.html> (25.07.2012).
15. Gallis Paul. Muslims in Europe: Integration Policies in Selected Countries // the library of Congress, 2005. P.33
16. Hoffmann Abdul Hadi. Muslim in Germany: The Struggle for Integration // Islam and the Questions of Minorities, edited by Tamara Sonn, Scholars Press, Atlanta, Georgia. 1996.
17. In the Name of Allah: Islamic Mediators and Germany's "Two Legal Systems"
<http://www.spiegel.de/international/germany/islamic-mediators-facilitate-two-legal-systems-in-germany-a-839580-2.html> (23.02.2013).
18. Islam in Germany on the rise <http://archive.wfn.org/2000/04/msg00053.html> (15.12.2012).
19. Muslim Life in Germany. Deutsche Islam Konferenz. – Nurnberg, Germany, 2009. – 436 p.
20. Muslim Ummah in the Modern World. Challenges and Opportunities. Hamdard Foundation. – Pakistan, Nazimabad, Karachi, 2006. – 316 p.
21. Reuven Amitai. Islam in Europe Case Studies // Comparisons & Overviews. Jerusalem, 2007. – 162 p.
22. Steffan Angenendt. Muslim integration : Challenging conventional wisdom in Europe and the USA // by the Center for Strategic and International Studies. September, 2007. – 84 p.
23. Soeren Kern. Islamic Sharia Law Proliferates in Germany
<http://www.gatestoneinstitute.org/2397/islamic-sharia-law-germany> (23.02.2013).
24. Timothy Garton. Ash Islam in Europe // The New York Review of Books, 2006. – Vol. 54. – P. 15.
25. Muslims in the European Union. Discrimination and Islamophobia. – EUMC, 2006. – 115 p.
26. Смильский А.В. Эволюция исламских организаций на территории ФРГ // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Вопросы образования и науки в XXI веке», 29 апреля 2013. – Ч. 10. – Тамбов: ТРОО «Бизнес – наука – общество». – С. 109 – 112. http://www.ucom.ru/doc/conf/2013_04_29_10.pdf

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ: ГЕНЕЗИС ИДЕИ СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Статья по истории социальной философии. В ней актуализирована проблема развития, совершенствования, возвышения и гармонизации общественных отношений. Объект изучения – историческая проблема социальной философии – эстетическое содержание социально-политических отношений до- и пореформенной России XIX в., отражённых в творческом наследии русских революционных демократов и народников. Социально-политические отношения исследуются с помощью эстетических категорий. Предмет исследования – социально-экономические и политико-правовые воззрения крестьянских демократов.

Ключевые слова: совершенствование, гармонизация и эстетизация социальных отношений.

Данная статья преследует две актуальные цели. Первая – методологическая: применение эстетического категориального инструментария для исследования реалий общественного бытия до- и пореформенной России XIX века. Вторая – эвристическая, логически вытекающая из первой: на основе эстетического изучения института социально-политических отношений обозначенного исторического периода времени, отражённого в творческом наследии крестьянских демократов, выявить эстетическое содержание и суть общественного и государственного бытия. Следуя традициям современной отечественной философии и разделяя точку зрения нашего известного современного мыслителя Б.Н. Бессонова, отметим, что феномен эстетического в социальных отношениях является наиактуальнейшим: от него зависит антропологическое качество бытия социума и государства и исторические перспективы российского общества. «Сегодня на новом витке истории, когда человечество встало перед дилеммой: быть или не быть человеческой цивилизации, самой жизни на Земле, необходимо решительно расчищать путь для смелых фундаментальных прорывов в науке об обществе, разрабатывать глубокие, перспективные философские идеи и концепции, обеспечивающие устойчивый социальный динамизм, всестороннее физическое и духовное совершенствование человека» [1, с. 18].

Известный русский мыслитель XIX века, представитель революционной демократии Александр Иванович Герцен (1812-1870) в альманахе

«Полярная звезда» и в первой русской революционной газете «Колокол» с позиций актуальных социальных целей и задач анализировал политико-правовые, социально-экономические отношения в России середины XIX века. Он искал новые пути и способы общественного развития, которые способствовали бы становлению России в один ряд с технологически и экономически высокоразвитыми странами Европы с совершенными гражданскими институтами. Оценивая его теоретические искания с аксиологических позиций можно уверенно утверждать, что его философские поиски носили социально-эстетический характер.

В своих исканиях он приходит к твёрдому убеждению, что в недалёкой перспективе России во всех сферах общественной жизни будут формироваться просвещённые, гуманные, справедливые эстетически более развитые, совершенные и гармоничные социальные отношения. Это хорошо просматривается в трудах Герцена «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» и др. В них аргументированно подчёркивается тесная связь исторических реалий общественного бытия с историческим генезисом социально-философских воззрений, сформировавшихся в соответствии с эстетическими идеями Ренессанса, Просвещения и Нового времени. В работе «С того берега» и в письмах «К старому товарищу» присутствует идея об историко-эстетической целесообразности общественных и государственных отношений в реалиях социальной жизни, проявляющейся как процесс перманентного совершенствования условий и уровня жизни всего народа. Общественная и государственная жизнь будет наполняться гуманно-нравственным содержанием, духовность, мораль, взаимопомощь и добрососедство станут естественной нормой жизни общества и государства. «Государство <...> постоянно изменяется с обстоятельствами и прилаживается к потребностям. Государство <...> начинается с полного порабощения лица – и везде стремится, перейдя известное развитие, к полному освобождению его» [2, с. 590].

Другой видный представитель русской поэтической и материалистической эстетической философии и русского революционного демократизма Николай Платонович Огарёв (1813-1877) в 20 годы XIX века, с началом русского декабристского движения и распространением передовых социально-экономических, политико-правовых учений духовно обогащался и формировался как убеждённый борец за социальную справедливость, правовое равенство, гуманность и гармонию социальной жизни. Он пришёл к глубокому убеждению, что в России крепостное угнетение и нещадная эксплуатация, политическая реакция, беззаконие и произвол в отно-

шении крестьянства и городской бедноты по своему содержанию тождественны драматизму и трагизму для всей системы общественного бытия.

Анализируя с эстетических позиций ход социально-исторического развития, отметим, что Огарёв пришёл к твёрдому убеждению о неизбежной ликвидации крепостничества в России, недаром ещё задолго до официальной отмены крепостного права (весной 1839 и осенью 1846 гг.) он отпустил своих крепостных крестьян на волю, твёрдо считая, что буржуазно-демократический строй является, по сравнению с феодальным, не только более прогрессивным, но и более экономически развитым и более справедливым, то есть более нравственным. В статье-воззвании «Всему народу русскому, крестьянскому» Огарёв предлагает и исторически обосновывает программные пути эстетизации отношений социальных институтов России: «1) Отдача крестьянам земли без выкупа. 2) Отрешение чиновников и замена их людьми, народом выбранными. 3) Совершенное уничтожение розог и всякого сечения. 4) Уничтожение рекрутчины и устройство народного ополчения. 5) Запрет – чтобы без согласия народного Земского собора нельзя <...> налагать ни податей, ни пошлин, и чтобы без его ведома никуда правительство денег не тратило. 6) Свобода веры. 7) Уничтожение всякой сословной розни, чтоб не было ни дворян, ни крестьян, ни мещан, а был бы только <...> народ русский» [10; с. 98-99].

Третий яркий представитель русской демократической философской мысли, литературный критик и публицист Николай Александрович Добролюбов (1836-1861) также стремился познать сложнейшую социальную проблему – нравственно-эстетические основы бытия человека и общества и социальных отношений. В статье «Сочинение графа Соллогуба» Добролюбов, говоря об общественном значении личности в созидательном деле эстетизации общественных отношений и государственной системы, отмечает: «Счастливы те государства, где <...> благодаря мудрой заботливости просвещённых путеводителей всё будет <...> стремиться вперёд, всё будет ещё более развиваться, прославляя дела человека» [3, с. 178].

Ещё один виднейший представитель русской социально-эстетической мысли второй половины XIX в., философ-материалист и идеолог русской крестьянской общины Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889) сформировался как революционно-демократический мыслитель. Его общественные идеи касались вопросов улучшения и совершенствования социальных, политических, правовых и экономических отношений в России. Он понимал, что в сословном (классовом) обществе производственно-трудовые и произ-

водственно-правовые, распределительные и надстроечные отношения базируются на частнособственнических интересах – источниках социальных конкурентных противоречий. Жёсткая конкуренция сдерживает процесс научно-технического развития, процесс совершенствования производственных, потребительских отношений, процесс повышения уровня материального благосостояния населения и процесс эстетического совершенствования правовых институтов. Иначе говоря, «Все знают <...> отчего нация становится богата <...>, отчего она становится свободна или нравственно хороша <...>. Вера и законы <...> имеют могущественное влияние на <...> экономическое состояние» [14, с. 11-13].

Таким образом, надо сказать, что социально-эстетические воззрения Чернышевского имеют огромное общественно-историческое значение в перманентном деле исторического развития и совершенствования содержания духовных, культурных, производственно-трудовых, финансово-коммерческих и потребительских отношений: в них содержатся духовные, социально-экономические, политико-правовые и технико-технологические идеи по развитию, совершенствованию и повышению уровня промышленного и сельскохозяйственного дохода населения. В них есть эстетические по сути идеи социально-справедливого распределения произведённых материальных благ и, соответственно, роста уровня общественного благосостояния и потребления на человека. Эстетический анализ реалий общественного бытия и социальных отношений позволяет выйти на важнейший вопрос общественной жизни – проблему отсутствия гармонии в отношениях между господствующими и подневольными слоями населения. Раскрывается основной характер социальной и правовой дискриминации и антагонистического противоборства классов – экономическое, политическое и правовое неравенство как главная причина социальной несправедливости. Отмечается, что для защиты своих прав, улучшения уровня жизни населения, преодоления дисгармоничных условий социальной несправедливости необходимо объединяться в профессиональные, экономические и классовые союзы. «Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся, располагая силами только своей семьи, должен вступать в товарищество с другими трудящимися» [15, с. 52-54].

С позиций эстетических отношений к общественной действительности надо сказать, что общество солидарных трудящихся является источником устойчивой правовой, экономической, социальной, культурной и могущественной государственной системы России, стоящей на страже ин-

тересов всего народа, законности и порядка, мирного и трудового благополучия, нравственной и гармоничной жизни. Мировоззренческой, идеологической и эстетической сутью бытийного содержания такого общества является интеллектуальный и созидательно-практический трудовой успех каждого рабочего человека, возвышающий государственное могущество России. Таким образом, единственным социально-историческим уникально-творческим субъектом развития, совершенствования и возвышения общества и государства является каждый свободный, ответственный, просвещённый, образованный, трудолюбивый и культурный трудящийся. Такова историческая перспектива эстетического образа Российского государства и общества.

Следующий философ, представитель плеяды известных отечественных мыслителей пореформенного революционного движения в России XIX века, идеолог русского народнического движения Пётр Лаврович Лавров (1823-1900) под влиянием отечественной революционно-демократической мысли 20-50-х гг. и социальных идей немецкой классической философии посвятил немало интеллектуальных трудов поиску теоретических путей преобразования условий общественного бытия в России и улучшения жизни народа. Многие его работы по проблемам социальной философии наполнены поиском путей, средств и способов достижения эстетически развитого, совершенного, гармоничного и прекрасного общественного бытия в России.

Философские воззрения Лаврова наполнены ярко выраженным стремлением к исторической правде, социальной справедливости, возвышенной гуманности, общественной гармонии и народному благоденствию. Важнейшим источником формирования эстетического содержания жизни человека и общества является выработка честного социального мировоззрения, способствующего формированию высокой нравственности и демократических юридических основ, гарантирующих каждому человеку право выразить свою нравственную, общественную и государственную позицию. Наиболее актуальными направлениями проблемы эстетизации общественного бытия являются базисные отношения – производственные, социально-распределительные и потребительские. Способы научного просвещения, нравственного возвышения, правового совершенствования, социальной гармонизации и цивилизованного окультуривания отношений людей, представляет собой методологическую квинтэссенцию эстетизации общественной жизни. Следовательно, можно сказать так: каков уровень культуры взаимоотношений между людьми, таков и уровень жизни

человека и общества. Таким образом, эстетическое содержание общественной жизни зависит преимущественно от совокупной нравственной и творческо-созидательной социальной силы людей, которая одновременно является мерой развития эстетического в обществе и духовным источником радостных ощущений, способствующих формированию жизненной «справедливости из естественного стремления к наслаждению» [6, с. 460].

Следовательно, процесс формирования эстетических сторон общественной жизни зависит от уровня культурного (духовно-материального) развития конкретной социальной и государственной системы. Процесс прогрессивного преобразования института социальных отношений и государственной системы власти возможен при эстетизации разных сторон жизнедеятельности каждого человека. Эстетизация «может быть совершена лишь самим рабочим народом <...>, перестройка русского общества должна быть совершена <...> с целью народного блага, <...> для народа, <...> и посредством народа» [7, с. 483].

Продолжателем идей русского народничества является другой народник – Николай Константинович Михайловский (1842-1904) – талантливый литературный критик, философ и общественный деятель. Многие его философские и социально-эстетические идеи актуальны до сих пор. Так эстетическое содержание социальной жизни, по Михайловскому, зависит, прежде всего, от обуревающих чувств, увлекательных идей, идеологических воззрений, материальных интересов людей, гуманности мировоззрения каждого и от господствующих государственных условий. Социально-политические условия, в которых человек находится на грани выживания, Михайловский расценивал как причину культурной деградации, приводящей к историческому социальному драматизму и трагизму человека, общества и цивилизации.

Причины и истоки многих социально-исторических несчастий и трагизма, прежде всего, надо искать в официальной ортодоксальной, клерикальной и идеалистической идеологии, в социально-политических идеях, проповедующих и навязывающих в общественном сознании, выдаваемые за правдивые аксиомы фактические догматы о законном божественном устройстве общества на основе социально-правового неравенства людей и божественном господстве одних над другими. Так, вольно или невольно, признаётся нищезанятая идея о ненужности каллогативной эстетической ценности – морали, нравственности, гуманности как последнего социально-правового прибежища, оплота и спасения «слабых» от натиска, экс-

плуатации, угнетения и геноцида «сильных». То есть, тем самым признаётся примат индивидуально-биологического над социально-солидарным, примат насилия над справедливостью, примат *homo* над *sapience*. В практике классового общественного бытия подобная идеология предстаёт как традиционный феномен сословной (классовой), экономической и правовой дифференциации, иллюстрирующей собой дисгармонию общественных, межличностных отношений. По этому поводу в работе «Что такое счастье?» Михайловский отмечает: «Богатство одних <...> может измеряться нищетою других, ибо богатство тем больше, чем больше количество людей находится <...> в услужении» [8, с. 250, 205].

Подобные философские воззрения характерны для другого видного представителя русского народничества, философа, литератора и поэта Петра Никитича Ткачёва (1844-1885). Его теория о социальных отношениях предстаёт в русле социально-эстетической системы воззрений русской крестьянской демократии. Он справедливо утверждал, что главной целью историко-эстетического развития как возвышенной ступени социального развития является общественный прогресс. Прогрессивное социальное развитие есть исторический процесс преобразования русской крестьянской общины в общину-коммуны с хозяйственно-экономическим изобилием и высоким уровнем жизни простого народа и повышением образовательно-культурного уровня развития человека и общества. Таков теоретический феномен содержания прекрасных общественных отношений. В солидаризированном общественном сознании производственно-трудовая материальная полезность чаще всего расценивается как прекрасное и полезное явление духовно-нравственного порядка. А персональное понимание эстетического содержания красоты, совершенства и гармонии общественного бытия всегда детерминировано уровнем духовно-интеллектуального развития, морально-нравственными устоями, сословно-классовой принадлежностью и социальным статусом человека: «то, что один <...> класс народа признает за воплощение красоты, для другого народа или другого сословия того же народа может совсем не иметь такого значения» [11, с. 346].

Социально-исторические устои существовавшей крестьянской общины рассматривались в качестве готовых основ для организационного преобразования и совершенствования общественных, экономических, правовых и политических отношений общества, являющихся обновлёнными источниками формирования солидарных и гармоничных внутриоб-

ственных отношений. Коллективистская, солидарная, гармонизирующая тенденция в социально-экономических и нравственно-правовых отношениях является прогрессивным источником исторического развития русской крестьянской общины. В силу этого она расценивалась как зародыш более совершенного и гуманного (по сравнению с капитализмом) социалистического строя, в котором созданы условия для более состоятельной и прекрасной жизни человека, нации и общества: «все утилитаристы – и старые, и новые, и новейшие – всегда подразумевали факт существования гармонии, этой солидарности индивидуального, национального и общечеловеческого» [12, с. 380]. Прекрасно общество без абсолютизма и деспотизма, произвола и насилия, бесправия и угнетения, эксплуатации и унижения, если общественная жизнь строится в соответствии с волеизъявлением большинства народа и экономически наиболее полезным образом для всех, или большинства. Прекрасно общество, сочетающее в себе солидарную гармонию индивидуального, национального и общечеловеческого.

Схожие социально-эстетические представления можно обнаружить у другого представителя русского «народнического хождения» – Веры Ивановны Засулич (1849-1919) – литератора, теоретика и публициста. В её трудах отразилась общественная жизнь, классовые противоречия и социально-эстетические представления. Были подняты актуальные исторические вопросы развития, совершенствования и демократизации социальных, политических и правовых отношений пореформенной России. В них отражаются историко-прогрессивные стороны общественного развития, видны эстетические элементы формирования новых производственно-трудовых, государственных и правовых отношений.

Самодержавный произвол неограниченной диктатуры в России расценивался как антипрогрессивный и антиэстетичный социально-политический феномен. Экономическое и социальное, политическое и правовое господство дворян-помещиков, промышленников, фабрикантов, заводчиков, финансистов, купечества и правительственных чиновников обеспечивало им доступ ко всем общественным богатствам, в отличие от крестьян и городской бедноты. Поэтому актуальной общественной задачей являлся, по сути, социально-эстетический вопрос о демократизации системы властных структур самим народом. Упразднение монополии самодержавной власти является актуальной задачей дня. «Пока государственная власть будет находиться в руках имущих классов, они будут пользоваться ею лишь для увековечения своей монополии» и своих богатств [4,

с. 54].

Другой концептуальной идеей социально-эстетического характера у Засулич была мысль о формировании в России народных общественных организаций, социальная деятельность которых была бы направлена на освобождение от произвола, угнетения и эксплуатации всего многомиллионного российского народа. Социально-демократическое содержание этой идеи представляет собой социально-эстетический элемент, находящийся в основании заложенного фундамента социалистического строя, ведущего к просвещённости, цивилизованности, равноправию, справедливости, экономическому могуществу, материальному благосостоянию и гармонии жизни человека, общества и государства.

В социальном отношении российский социал-демократический капитализм логически представлялся переходным от феодализма к социализму историческим звеном, в котором развитие, совершенствование и гармонизация социального бытия достигается индустриализацией хозяйственно-экономической жизни общества, где идёт рост уровня материального благосостояния каждого трудящегося, и формируются условия для просвещённой и культурной жизни простого народа. Такому равноправному, справедливому, эстетическому идеалу общественной жизни отдаётся приоритетное предпочтение: «новое общество капиталистов и пролетариев явилось <...> необходимым промежуточным звеном между старым царством мелкой частной собственности и уничтожением всякой частной собственности <...>, изгнание бессознательности <...> из экономических отношений сделает <...> людей господами своей истории, создаст и свободу, и равенство» [5, с. 113].

В этой идее явно просматривается социально-эстетическая суть нового общественного строя. Привлекательность солидарно-общественного уклада жизни видна в гармоничной тенденции, которая остановит и ликвидирует процесс социально-экономической и правовой дифференциации населения, что будет способствовать законному «переходу земли во владение всего общества», а сам новый уклад жизни станет хозяйственно-трудовой и социально-правовой основой эстетичной жизни.

В народнической среде 70-х начала 80-х гг. XIX века в России ярко сияет имя ещё одной известной представительницы прекрасного пола – русской революционерки-народницы, идеолога, теоретика и практика народнического движения, поэтессы и публициста Веры Николаевны Фигнер (1852–1942). В её творческом наследии «Запечатленный труд», «Воспоми-

нания», «Шлиссельбургские узники», «Л.А. Волкенштейн», «Г.П. Исаев», «П.Л. Антонов», «Из политической жизни 80-х годов», «Без приюта», «Жены декабристов», «Памяти борцов за свободу» и др. подняты важнейшие социальные вопросы, обозначены пути и формы разрешения экономических, социальных, политических, правовых и идеологических проблем. Её общественно-политические идеи определённо носят прогрессивный, правовой и эстетический характер: предложено упразднить все промежуточные и параллельные структуры власти, ввести в России демократическую, правовую структуру организации трёхуровневой государственной власти – общегосударственная Союзная власть, власть Областного Управления и власть Местного самоуправления. Вышеназванные социально-политические прогрессивные преобразования должны гармонично сочетаться с проведением правовых, поземельных, производственно-трудовых и распределительных преобразований в обществе.

Прогрессивный процесс преобразования и совершенствования общественных институтов способствует повышению уровня жизни народа, гармонизации социальных отношений, повышению значимости морально-нравственных, идеологических и новых политических устоев. В логическом контексте идеи трёхуровневой власти предлагается следующее: «1) Царская власть в России заменяется народоправлением, т.е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет: выбирая, подробно указывают, чего они должны добиваться, требуют отчёта в их деятельности. 2) Русское государство <...> делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один общерусский союз. Внутренние дела области ведаются Областным Управлением; дела же общегосударственные – Союзным Правительством. 3) Народы, насильственно присоединённые к русскому царству, вольны отделиться или остаться в общерусском союзе. 4) Общины (сёла, деревни, пригороды, заводские артели и пр.) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение через своих выборных должностных лиц – старост, сотских, писарей, управляющих мастеров, конторщиков и пр.» [13, с. 230].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что в ходе данного эстетического исследования социальных, политических, экономических, правовых отношений России представляется возможным сделать следующие выводы. Крестьянские демократы пришли к пониманию значимости аксиологических ценностей, морально-нравственных и эстетических императивов в революционном общественном созидании. Предлагалось лик-

видировать феодальный деспотизм как основной источник социальных несчастий и трагического положения народа. В качестве следующей перманентной социально-эстетической составляющей общественной жизни предложена процедура демократической депутатской выборности республиканского Союзного правительства с установлением правового равенства граждан, с формированием центральных и местных органов власти на основе принципов коллегиальности управления и контроля и принципа пропорционального соответствия трудового распределения и потребления произведённых материальных благ. Эти программные предложения являются квинтэссенцией социально-эстетических общественных преобразований. Философское осмысление эстетического содержания социальных отношений должно гармонизировать с определённой конкретно проделанной значимой работой, имеющей личностное и общественное значение. «Субъективные и объективные задачи и средства конкретной социальной работы должны быть подчинены удовлетворению социальных потребностей, среди которых основной является потребность в свободе и равенстве с другими членами общества». [9, с. 67].

Процесс формирования эстетических основ общественных отношений возможен: он представляет собой качественное совершенство и более высокий уровень материальной жизни народа, гармоничный с духовно-нравственным и культурным потенциалом общества. Перспективным направлением дальнейшего теоретического исследования является проблема перманентного эстетического анализа фундаментально-базисных отношений (эстетической сути техники, технологии, производства, воспроизводства и др.) с целью определения эстетического колорита культуры общественного бытия как универсальной синергетической системы с её главными историческими индикаторами – социальной справедливостью и государственной безопасностью.

Литература

1. Бессонов Б.Н. Философия возвышенный и героический гуманизм / Б.Н. Бессонов. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки» № 1 (3). – М.: 2011. – 18 с.
2. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 тт. / А.И. Герцен. – Т. 20. Кн. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954-1965. – 590 с.
3. Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч.: в 6 тт. / Н.А. Добролюбов. – Т.1. – М.: ГИХЛ, 1934-1941. – 178 с.

4. Засулич В.И. Избранные произведения / В.И. Засулич. – М.: «Мысль», 1983. – 54 с.
5. Засулич В.И. Указ. произв. – 113 с.
6. Лавров П.Л. Философия и социология: в 2 тт. / П.Л. Лавров. – Т. 1. – М.: Академия наук, 1965. – 460 с.
7. Лавров П.Л. Указ. произв. – Т. 2. – 483 с.
8. Михайловский Н.К. Полн. собр. соч.: в 10 тт. / Н.К. Михайловский. – Т. 3. – СПб.: Издание Н.Н. Михайловский, 1909.– С. 250, 205.
9. Никитин В.А. Теоретические основы социальной работы / В.А. Никитин. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки» № 1 (3). – М.: 2011.– 67 с.
10. Огарёв Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения в 2 тт. / Н.П. Огарёв. – Т.2. – М.: ГИПЛ, 1952-1956. – С.98-99.
11. Ткачев П.Н. Избран. соч.: в 6 т. / Ткачёв П.Н. – Т. 6. – М.: Всесоюзное общество каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932-1937. – 346 с.
12. Ткачев П.Н. Кладези мудрости российских философов / П.Н. Ткачёв – М.: «Правда», 1990. – 380 с.
13. Фигнер В.Н. Полн. собр. соч.: в 7 тт. / В.Н. Фигнер. – Т. 2. – М.: Издательство «Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-переселенцев», 1932.– 230 с.
14. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 тт. / Н.Г. Чернышевский. – Т. 9. – М., ГИХЛ, 1939-1951. – С. 11-13
15. Чернышевский Н.Г. Указ. произв. – Т. 7. – С. 52-54.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ СУНЬ-ЦЗЫ

В статье анализируются причины колоссальной популярности среди военных теоретиков XX – XXI веков трактата «Искусство войны» Сунь-цзы. Согласно выводу автора, в основании данной популярности лежит метод работы великого китайского мыслителя с текстом, характерный для предфилософской традиции.

Ключевые слова: война, земля, местность смерти.

На сегодня практически не осталось любителей военной истории и теории, которые бы не слышали о трактате «Искусство войны», написанном приблизительно в 510 году до н.э. великим китайским мыслителем и полководцем Сунь-цзы (прибл. 544 – 496 годы до н.э.). Более того, в XX веке вошло в моду сравнение и даже противопоставление учений Сунь-цзы и Карла фон Клаузевица, причем в этом противостоянии пальма первенства все чаще доставалась, и продолжает доставаться, китайцу. В представленной статье мне бы хотелось выделить основные элементы военной теории Сунь-цзы, принесшие ему славу «величайшего философа войны всех времен и народов». Разумеется, что выявление этих элементов подчинено решению иной проблемы, а именно проблеме поиска оснований философско-мировоззренческой позиции, носители которой апеллируют к текстам, подобным трактату Сунь-цзы, как к наиболее авторитетному источнику в какой-либо области (в данном случае такой областью является война). Сразу оговорюсь, что при работе с «Искусством войны» я пользовался переводом всемирно известного советского востоковеда Николая Иосифовича Конрада (1891 – 1970).

Первое, на что сразу обращаешь внимание при чтении трактата, это художественный стиль, который, вместе с тем, служит основой философской и военно-теоретической методологии. Для Сунь-цзы не существует особой разницы между философским концептом, мифологическим образом и военно-теоретическим термином. Он использует слова сразу в нескольких значениях, часто обрамляя их художественными метафорами, что, в конечном счете, придает каждой категории предельно абстрактный и в то же время очень яркий характер. Например, рассуждая в первой главе о предварительных расчетах на войне, Сунь-цзы использует термин «Земля» одновременно в значении географического (даже геополитического)

пространства, и в значении природной стихии, порождающей жизнь и смерть. Или же, в одиннадцатой главе, «Девять местностей», он выделяет «местность смерти» в особую географическую категорию, но часто применяет данный термин к ситуации сражения. Подобное перемещение из одного поля значений в другое осуществляется без всяких оговорок, поскольку для Сунь-цзы «смысл» не сводится к «значению», но по умолчанию превалирует над ним. Легко понять, почему работа с «Искусством войны» составляет огромную проблему для переводчиков и комментаторов, которые часто не могут отделить текстовых дефектов от сознательной языковой игры автора.

Второй важный признак трактата, отмеченный в том числе и Конрадом, состоит в диалектическом элементе военной теории Сунь-цзы. Например, в главе «Мощь», китайский мыслитель пишет о соотношении боя и маневра следующее: «Действий в сражении всего только два – правильный бой и маневр, но изменений в правильном бое и маневре исчислить невозможно. Правильный бой и маневр взаимно порождают друг друга, и это подобно круговращению, у которого нет конца. Кто может их исчерпать?» [1, с. 90].

Такой же диалектический прием Сунь-цзы использует, говоря об обороне и нападении: «Непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике. Поэтому тот, кто хорошо сражается, может сделать себя непобедимым, но не может заставить противника обязательно дать себя победить. Поэтому и сказано: «Победу знать можно, сделать же ее нельзя». Непобедимость есть оборона; возможность победить есть наступление. Когда обороняются, значит есть в чем-то недостаток; когда нападают, значит есть все в избытке. Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубины преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес. Поэтому умеют себя сохранить и в то же время одерживают полную победу» [1, с. 87]. Данный отрывок можно трактовать в нескольких значениях, например в значении превосходства практики военного дела над теорией. Но, возможно, Сунь-цзы пытается показать, что армия не есть механизм, который позволяет по усмотрению полководца проигрывать и выигрывать сражения. Полководец сам является заложником силы инерции военной системы, по крайней мере в ситуации сражения. Ясно одно: диалектика Сунь-цзы, вероятно, восходящая к «Книге перемен» («И-цзинь»), отражает отношение китайского мыслителя к противопоставляемым друг другу явлениям не с позиций неперемемного движе-

ния от абстрактного к конкретному, а с позиций «обустройства» в абстрактном смысловом поле борьбы противоположностей.

Третий признак напрямую вытекает из двух предыдущих: Сунь-цзы практически не прибегает к конкретным историческим примерам и техническим подробностям, что только добавляет универсалистский элемент его системе, который перед лицом метафизического мировоззрения сакрализуется.

В статье «Критика метафизического подхода к рассмотрению проблем «войны» и «мира» я, разбирая проблему представления категорий «война» и «мир» в метафизических формах историософского дискурса, пришел к выводу, что для подобных образований важнейшим приемом всегда оставалась апелляция к временным пластам, предшествовавшим какой-либо «большой ошибке» понимания задач онтологии. Этот прием был важнейшим элементом «философских революций» Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера с их «возвращением» к Гераклиту. Военные теоретики XX столетия вместо Греции совершили «паломничество в страну востока», выбрав на роль жертвенной коровы главного «философа войны» века предыдущего, Карла фон Клаузевица, а на роль «идола» соответственно Сунь-цзы.

Одним из главных ниспровергателей Клаузевица стал Бэзил Лиддел Гарт, предваривший свою «Стратегию непрямых действий» многочисленными цитатами из трактата «Искусство войны». Конечно, при большом желании, можно представить китайского мыслителя предшественником доктрины «непрямых действий». В вопросах соотношения политики и военных действий Сунь-цзы, так же как и Лиддел Гарт, выявляет приоритет дипломатических средств над чисто военными, равно как и в соотношении стратегии и тактики приоритет отдается стратегии: «Сунь-цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить бригаду противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить батальон противника в целости, на втором месте – разбить его. Наилучшее – сохранить роту противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить взвод противника в целости, на втором месте – разбить его. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию не сражаясь» [1, с. 82]. Но если война началась, тогда правитель не должен вмешиваться в ход ее ведения, хотя некоторые толкователи «Искусства войны» допускают интерпретацию, согласно которой правителю следует принимать участие в чисто штабной работе по планированию военных действий.

Более того, трактат «Искусство войны» создавался одновременно с распространением даосизма в Китае. Проводя дальнейшие параллели, легко усмотреть сходство некоторых положений, высказываемых Сунь-цзы и Лидделом Гарттом с отдельными частями знаменитого трактата «Дао Дэ Цзин»:

В былые времена, в поход рать отправляя,
Достойные цари так наставляли:
«Я не посмею дать сражение вперед,
Но буду следовать всем действиям врага;
Я не осмелюсь первым наступать,
Но буду готов всем войском отступить назад...»
Все это словно боевой поход –
Но без попыток завязать сражение;
Или рука, та, что сжимается в кулак,
Без намерения начать поспешно драку;
Или оружие, что не пускают в ход...
Лишь следуя таким путем –
не встретишься с врагами.
Страшнее нет беды,
чем недооценивать противника, врага.
Кто поступает так, тот забывает
главный принцип моего учения
О том, что «мягкое и слабое
да побеждает твердое и сильное» [2, с. 64].

Похожий, но более широкий смысл несет следующий стих:

«Доблестный рыцарь не бряцает оружием;
Хороший тактик не впадает в гнев.
Истинный победитель не стремится к победе
над всеми врагами.
Подлинный владелец всегда остается в тени».
Все это можно иначе назвать:
«Достижением без борьбы и усилий»,
«Умением править страной и народом»,
«Сопоставлением собственного курса
С картой неба»...

С древних времен все это –
Высший критерий жизни человека» [2, с. 142].

К «Дао Дэ Цзин» и «Искусству войны», в «споре с Клаузевицем», апеллирует и другой классик военно-теоретического знания XX века, Мартин ван Кревельд. Вновь, вооружившись желанием и терпением, можно попытаться связать концепцию Кревельда, видящего основную экзистенциальную сущность войны в сражении, с рассуждениями китайского мыслителя. Например, в главе «Девять местностей» Сунь-цзы рекомендует искусственно создавать видимость «местности смерти», даже если и не планирует вступать в сражение, поскольку иллюзия близости смерти закаляет солдат.

Подобные виды работ метафизическое мировоззрение, сакрализируя предфилософскую традицию, проводит постоянно. Я отнюдь не оспариваю того, что Сунь-цзы блистательно продемонстрировал возможности этой традиции применительно к теории военного искусства. Речь идет скорее об отношении к самому подходу метафизического поиска XX века, ориентированному на нахождение предельно абстрактного, и вместе с тем исторически локализованного смыслового начала «во времена оных» при уничтожении конструкций Нового Времени. Для меня очевидно, что как бы ни превозносили «Искусство войны», работа Сунь-цзы остается фундаментом, на котором нет здания, а есть только намеки на будущие постройки. Эти постройки возводят комментаторы, исходя из совершенно различных, порой прямо противоположных концепций перевода и понимания природы военного искусства. Клаузевиц же начал строить именно здание, которое, хотя и осталось незаконченным, отличается гораздо большей определенностью терминологии и наличием конкретных примеров. Именно поэтому сравнение творчества Сунь-цзы и Клаузевица является морально нечистоплотным и в значительной степени бессмысленным делом.

Литература

1. Кревельд М. ван. Трансформация войны. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
2. Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин. Два вектора на графике первоединства. – Орл.: ИНБИ, 2003. – 192 с.
3. Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 464 с.
4. Степанов И.В. Критика метафизического подхода к рассмотрению проблем «войны» и «мира» // Творчество. Культура. Наука. Выпуск IV: Материалы Всероссийской научной конференции «Философские проблемы общества, науки и техники», г. Самара, 8-9 июня 2012 / Отв. ред. О.В. Герасимов. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2012. – С. 73 – 77.
5. Сунь-цзы. Искусство стратегии. – М.: Эксмо; Мидгард, 2008. – 528 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИМУЛИРУЮЩИХ РЕПЛИК ДИАЛОГА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)

В статье анализируются стимулирующие вопросительные реплики диалога с точки зрения их семантики и структуры на материале современной английской разговорной речи. Использование стимулирующих реплик задает тему диалога и провоцирует его дальнейшее развитие. Семантический анализ выявил различные типы стимулирующих реплик в составе диалогического единства.

Ключевые слова: диалог, сокращенные формы общения, вопросительные высказывания

Совершенно особое место среди видов и форм общения занимает диалогическое общение, единицей которого является высказывание. Границы любого высказывания определяются сменой речевых субъектов, т.е. партнеров диалога. При этом между высказываниями существуют специфические отношения вопроса-ответа, утверждения-возражения, приказа-исполнения и т.д. Высказывание всегда ориентировано на ответ другого, на активное ответное понимание.

Речевое общение, сопровождающее совместную деятельность людей и помогающее её осуществлению, выражается не только в сообщении говорящих известных им сведений другим людям, но и в получении от них новой, недостающей информации. Этой цели служат вопросительные высказывания.

Коммуникативный характер вопросительного предложения состоит в том, чтобы выяснить неизвестное, побудить собеседника к ответу. Как пишет М.Я. Блох, «принципиальное своеобразие актуального членения вопросительного предложения обусловлено тем, что это предложение вместо непосредственной передачи некоторого относительного самодовлеющего содержания (сообщение о ситуации или событии; волеизъявление, побуждающее к действию), выражает запрос об определенной информации, то есть содержит обращение за получением сведений, которыми говорящий, по типичным условиям вопросно-ответной ситуации не располагает» [1, с. 19]. Таким образом, вопрос задает тему диалога. Специфика актуального членения вопросительного высказывания состоит в том, что рема вопросительного предложения является центром запроса информа-

ции. Л.М. Михайлов считает, что стимулирующий компонент диалогического единства содержит лишь тематические элементы и намеченную рему, а вербализация ремы происходит лишь в реагирующем компоненте. Эта схема распределения компонентов актуального членения и создает коммуникативную целостность диалогического единства [2, с. 80].

Л.П. Чахоян различает верификативные и информационно-поисковые вопросительные предложения. В верификативных вопросах выражается запрос по поводу истинности или ложности факта, возможности или невозможности осуществления действия [3, с. 79]. Так называемый специальный вопрос, т.е. вопрос, начинающийся с вопросительного слова, с функционально-семантической точки зрения является идентифицирующим вопросом.

Анализ исследуемого материала показывает, что идентифицирующий вопрос может быть ориентирован в условиях разговорной речи на выявление информации о самых разных семантических аргументах высказываний – в нашем материале зафиксировано всего 8 разновидностей, которые представляют собой различные параметры ситуации: временные, причинные, локативные и другие её характеристики. Классификация семантических аргументов, или, по терминологии Л.П. Чахоян, семантико-синтаксических элементов (ССЭ) высказывания, производилась на основе работы В.В. Богданова «Семантико-синтаксическая организация предложения» [4] и Л.П. Чахоян «Синтаксис диалогической речи современного английского языка» [3]. Как показывает фактический материал, информативная значимость разных семантических аргументов в акте коммуникации различна, о чем можно судить по их количественному содержанию, по частотности их появления, поэтому описание материала мы начнем с самых частотных аргументов и далее будем переходить к менее частотным.

Дескриптив представляет собой семантический аргумент, который выступает как носитель свойства, качества, признака, выраженного предикатом [4, с. 55]. При этом мы разделяем 2 разновидности дескриптива: квалификатор и квантификатор. Первый из них дает качественную оценку предмета или лица, второй характеризует его количественные параметры. Вопрос-квалификатор создается с помощью следующих средств: местоименные вопросительные слова *what, which, whose + N*, при этом самым частотным из них является вопрос, начинающийся с *what + N* и *which + N*:

Robert: What school did you go to?

Wyatt: Marlborough. [8, с. 414]

Как уже отмечалось раньше, вторую группу дескриптивов составляют вопросы-квантификаторы. Самым частотным средством запроса в этом случае являются вопросительные высказывания, начинающиеся с *how*, за которым следует прилагательное, т.е. возникает вопросительное сочетание *how + Adj*. При этом подобные высказывания имеют количественное значение и могут быть направлены на выяснение различной информации, например, возраст, рост, вес, цена и т.д.:

Dr. Gibbs: How old is he, Howie?

Howie Newsome: Going on seventeen. [15, с. 294]

Это же значение может быть передано в конструкции *what is + N*, где *N* – существительное количественной семантики, однако подобные случаи немногочисленны, Например: What is your income? В современной разговорной речи появились способы оформления запроса, создаваемые за счет дополнительного значения классификации, которая выражается предикатными словами *sort, kind*, а также их сочетанием с вопросительным словом *what*:

Louise: Yes, but what sort of bloke?

Matthew: Quite old. About twenty. [7, с. 12]

Место действия – один из важнейших параметров ситуации, которому собеседники уделяют довольно много внимания. Семантический аргумент, который характеризует место протекания действия, можно определить как **локатив**. Средства запроса о локативе различны, но ведущим является вопросительное слово *where*:

Kiro: Where have you been?

Basho: The Deep North. [8, с. 280]

Зарегистрированы также следующие средства запроса о локативе: *into what place, in what locality* (звучащее официально), *how near*. В вопросительном комплексе уточнителями локативных отношений выступают существительное *place* и предлог *into*, а местоимение *what* выступает маркером собственно вопроса:

Lady Bracknell: In what locality did this Mr. James, or Thomas, Cardew come across this ordinary hand-bag?

Jack: In the cloak-room at Victiria Station. [14, с. 298]

Характерным для современного английского языка способом оформления запроса о локативе является вопросительная конструкция с дистанцированным предлогом *what... in*, которое указывает на локализацию объекта внутри какого-то ограниченного пространства:

Andrew: What do we put it in?

Dickey: Buckets. [11, с. 156]

Запрос может быть ориентирован на поиск информации об **объективе**, то есть лице или предмете, на которое направлено действие. У объектива нет своих специализированных средств выражения в системе вопросительных слов, но, как видно из фактического материала, средством запроса об объективе является, как правило, местоименное вопросительное слово *what*, одиночное или в сочетании с предлогами. Например:

Mother: What are you waiting for?

Fred: The keys. [10, с. 49]

Если же речь идет об одушевленном объекте, то запрос о нем осуществляется с помощью предложного сочетания *who* или его объектно-падежной формы *whom*: Who's it for?

Каузатив представляет собой ССЭ, который характеризует причину совершения действия или причину состояния или отношения; он занимает важное место в акте коммуникации. Причинно-следственные связи по сути своей являются наиболее значимыми как в природе, обществе, отношениях между людьми, так и в отражении этих реальных отношений и связей с помощью языка. Запрос о каузативе может осуществляться несколькими способами, ведущими среди них являются местоименные вопросительные слова *why*, *to what purpose*.

Annie: Why doesn't she go home to grandma and grandpa then?

Vicki: Because they're too old. [7, с. 20]

Типичным средством запроса о каузативе в современной разговорной речи выступают вопросы, начинающиеся с вопросительного сочетания *what for*, при этом для разговорной речи типично дистанцирование предлога от местоимения *what*. В усеченных вопросах предлог стоит не перед местоимением, как должно быть по правилам грамматики, а после него: What did you come here for?

Запрос о каузативе может совершаться и с помощью идентифицирующего вопроса, содержащего каузативный глагол *to make*:

Mary: What makes you think I'm upset?

Tyrone: Why, nothing, except you've seemed a bit high-strung the past few days. [13, с. 17]

С помощью идентифицирующего вопроса может осуществляться поиск параметра ситуации, представляющий собой её временные характеристики. В семантической структуре предложения его можно определить как **темпоратив**. Основными средствами запроса о темпоративе являются следующие вопросительные слова и выражения: *when*, *how long*, *what hour*.

Самым типичным из них являются вопросы, которые начинаются с вопросительного наречия when: When did you buy it?, How long you staying this time?, What time's she supposed to be coming?

Темпоратив, наряду с локативом, является одним из основных параметров ситуации; однако роль запросов об этом семантическом аргументе гораздо меньше, чем запросов о локативе, что может быть объяснено тем, что в структуре высказывания темпоральные характеристики, помимо лексических средств, всегда выражаются временной формой сказуемого.

Идентифицирующий вопрос может быть ориентирован на поиск **агентивного** элемента семантической структуры высказывания, то есть носителя, производителя того или иного действия, выраженного предикатом. Самым распространенным и, в сущности, единственным средством запроса об агентиве является вопросительное местоимение who, за которым следует глагол, номинирующий определенное физическое действие:

Tyrone: Who wrote it ?

Edmund: Baudelaire. [13, с. 95]

Следует отметить, что роль запросов об агентиве невелика, так как если разговор ведется о действиях, совершенных собеседниками, то нет необходимости в информации о производителе действия, если речь идет о каком-либо другом человеке, то говорящие знают, чаще всего, о ком они говорят. Появление запросов об агентиве обуславливается, как правило, появлением нового участника разговора; степенью внимательности собеседников, их физическим и психическим состоянием.

Ономасиатив представляет собой вид идентифицирующего вопроса, который направлен на выяснение имени, прозвища, названия географического объекта и т.д. Средствами запроса об ономасиативе служат вопросительные местоименные слова what и who, причем в разных грамматических конструкциях. При этом самым универсальным средством запроса об этом семантическом аргументе является идентифицирующий вопрос What is... name?

Pilot Officer: What's your name ?

Andrew: Andrew McClore, sir. [11, с. 141]

Вопросительное местоимение who также может использоваться как средство запроса, в этом случае оно чаще всего встречается в конструкции Who is it?

Количественный состав запросов об ономасиативе невелик: вопрос об имени собеседника является недостаточно корректным, а иногда и

лишним, поскольку имя узнается косвенным путем: через визитные карточки, таблички на дверях кабинетов и домов и т. д. Если же имя собеседника неизвестно, то в этом случае общение протекает с помощью слов, заменяющих обращение по имени, а в некоторых случаях обращение опускается совсем.

Идентифицирующий вопрос может быть ориентирован на выявление такого параметра ситуации, как способ совершения действия. Этому элементу семантической структуры высказывания соответствует такой аргумент, как **модификатор**. Универсальным средством запроса о модификаторе является вопросительное наречие *how*. В разговорной речи это наречие выступает в вопросе, начинающемся с *How do/does/is...*:

Jabe: How is he doing?

Lady: Fine, fine. [13, с. 285]

Вторую многочисленную группу высказываний составляют **верификативные** вопросы. В отличие от идентифицирующего вопроса, имеющего целью восполнение недостающей информации, верификативный вопрос уже содержит определенную информацию, истинность которой проверяется задающим вопрос лицом. Вопрос *Did you arrive in the morning?* ориентирован на уточнение времени действия и может быть интерпретирован как *Am I right supposing that you arrived in the morning?* Таким образом, «верификативное вопросительное высказывание выражает запрос с целью установления истинности или ложности его содержания» [3, с. 80]. Он представлен несколькими разновидностями.

Общeverификативный вопрос может задаваться с целью конкретизации ситуации. Эту разновидность мы определим как ситуативно-уточняющий вопрос. Как уже отмечалось, верификативное вопросительное высказывание имеет своей целью установление истинности или ложности того факта, который эксплицитно выражен в предыдущем высказывании, и обычно требует ответа *yes/no* [5, с. 303].

Tim: Did you get homesick when you were overseas, Vicki ?

Vicki: Sometimes. [7, с. 64]

Этот запрос может осуществляться монорематической структурой, представленной лишь одним модальным словом *honestly, really, surely, indeed* и др. При этом в структуру высказывания не включаются компоненты предыдущей реплики, о достоверности которых идет речь:

Billy: I've been offered a job down here.

Liz: Honestly?

Billy: Honestly. A sort of job. [9, с. 319]

Еще одной разновидностью верификативного вопроса является **антиципирующий** вопрос, когда адресат прерывает адресанта вопросом, предвосхищающим последующую часть его высказывания. Функционирование такой модели вопроса обусловлено одновременным воздействием разнородных экстралингвистических факторов (с одной стороны – факторы психологического характера – эмоциональность говорящего, фамильярность, с другой стороны – ситуативно-контекстуальные условия) [6, с. 33]. Целевая установка подхватов может меняться в зависимости от её мотивов, т.е. первая реплика не закончена самим собеседником, или же она намеренно прервана говорящим. В первом случае говорящий обычно приходит на помощь собеседнику, затрудняющемуся закончить реплику. Во втором – говорящий перебивает собеседника из-за нетерпения, стремления по-своему окончить реплику. Такие вопросы, с одной стороны, свидетельствуют о живейшем интересе адресата к сообщению собеседника, с другой – дают возможность проиллюстрировать свою догадливость.

Evangie: I've seen it happen too often –

Mary: To others?

Evangie: Most of us. [8, с. 415]

Антиципирующий вопрос может быть связан с уточнением какого-либо факта, т.е. он может задаваться с целью получения добавочной информации:

But you can't.

I can't what?

Language like that. [12, с. 53]

По определению Л.П. Чахоян, «если в вопросе выражается запрос по поводу отношения собеседника к факту уже известному, то такой вопрос представляет собой коммуникативную форму апелляции, и соответственно вопрос называется **апеллятивным**. Семантическая структура таких вопросов включает запрос по поводу отношения собеседника к факту и номинацию самого факта в форме придаточного предложения» [3, с. 82]. По своим формальным характеристикам они также составляют разновидность верификативного вопроса, но их отличительной особенностью является наличие таких глаголов умственной деятельности, как *to know, to think, to suppose, to believe* и др., с помощью которых запрашивается мнение собеседника:

Rose: Know what she told me last winter when I met her at the Club?

Crossman: Ben's mother?

Rose: No. Your sister, of course. [13, с. 135]

В ходе анализа фактического материала была выделена группа запросов, которые мы определили как **общепредикатные**. Особенность этого способа поиска информации состоит в том, что запрос ведется здесь не с целью выявления какого-либо параметра ситуации, но для того, чтобы получить обобщающую картину ситуации, в которой происходит действие, выяснить её характеристики и признаки. Такой вопрос формально совпадает с идентифицирующим вопросом – по наличию вопросительного слова *what* или *how*, но в содержательном плане они отличаются, так как вопросительные средства относятся к предикатному знаку и ориентированы на конкретизацию характера предиката.

В объеме исследуемого материала зарегистрированы следующие средства выражения общепредикатного вопроса: *What's the matter?*, *What do you mean?*, *How's that?*, *What's happened?*, *What do you do?*, *What's that?*, *What about it?*, *What's up?*:

Arthur: *What's up?*

Billy: *She's supposed to be coming round this morning.* [7, с. 36]

Итак, эмпирический анализ стимулирующих реплик в составе ДЕ позволил выяснить, что они могут быть ориентированы на поиск различных параметров ситуации. Прежде всего, необходимо отметить, что самым популярным средством запроса оказываются разновидности идентифицирующего вопроса, хотя их количественное соотношение неодинаково. Среди семантико-синтаксических элементов, определяющих характер запроса в идентифицирующем вопросе, к числу лидирующих относятся дескриптив, локатив, объектив и каузатив. В отличие от идентифицирующего вопроса, имеющего целью восполнение недостающей информации, верификативный вопрос уже содержит определенную информацию и задается с целью установления истинности или ложности его содержания. Нами были выявлены три группы верификативных вопросов: ситуативно-уточняющий вопрос, антиципирующий вопрос и апеллятив. В ходе анализа фактического материала нами была выделена группа общепредикатных вопросов, целью которых является получение информации о ситуации в целом.

Литература

1. Блох М.Я. Коммуникативные типы предложения в аспекте актуального членения // ИЯШ. – 1976. – № 5. – С. 19-20.

2. Михайлов М.Л. Диалогическое единство как коммуникативная единица языка // Коммуникативные единицы языка. – М., МГПИИЯ им. М. Горького, 1982.
3. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1979.
4. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: ЛГУ, 1977.
5. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. – Oxford: Clarendon Press, 1969.
6. Гуляев Ю.Л. О влиянии лингвистических и экстралингвистических факторов на построение предложений в современной английской разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький: Горьковский Государственный Университет, 1981.
7. Garner H. The Last Days. – New- York, 1992.
8. Modern English Drama. – М.: Raduga, 1984.
9. Modern English Plays. – М.: Progress Publishers, 1966.
10. Plays for Reading. – Washington D.C.: United States Information Agency, 1994.
11. Plays of the Modern Theatre. – Л.: Prosveshenie, 1970.
12. Fowles J. Mantissa. – Great Britain: Picador, 1993.
13. Three American Plays. – М.: Progress Publishers Moscow, 1972.
14. Wilde O. Plays. – М.: Raduga, 1961.
15. Wilder Th. Избранное. – М.: Raduga, 1988.

АНГЛИЙСКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ *JOY, EXULTATION*

В статье анализируются концепты положительных эмоций (joy, exultation) с точки зрения лингвокогнитивистики. Исследуются особенности типовых ситуаций, в которых возникает та или иная эмоция, и на этой основе создается сценарий определенного эмоционального состояния. Далее методом компонентного анализа, а также методом анализа словарных дефиниций изучается семантика имен, десигнирующих лингвокультурные концепты этой группы.

Ключевые слова: сценарий, семантический метаязык, типовая ситуация, лингвокультурный концепт.

Лингвокогнитивный подход к эмотивным концептам предполагает описание когнитивного содержания эмоций, то есть знания о структуре ситуаций, в которых возникает та или иная эмоция. Многие лингвокогнитивные исследования связаны с определением того, как в семантике языковых знаков отражается когнитивное содержание эмоций [1, с. 31], [2, с. 79].

Задачей данной статьи является анализ общего логического механизма возникновения положительных эмоций с точки зрения когнитивной лингвистики. Данный механизм описан нами формализованным методом с использованием специально разработанного искусственного семантического метаязыка, получившего название AFFECT [3, с. 60]. На этом языке в дальнейшем строились «тексты» – сценарии, отражающие когнитивное строение эмотивных концептов *joy, exultation*. Нами рассматриваются не эмоции как таковые, а их английские этнолингвокультурные концепты, а также значения десигнирующих их английских слов и фразеологизмов.

Рассматриваемые эмоции объединяет то, что они являются *стеническими* и *эпигностическими*, различаясь, прежде всего, по степени интенсивности. Стенические эмоции обуславливают подъем жизненных сил и мобилизуют субъекта к действию (от греч. *sthenos* – «сила»). Эпигностическими данные эмоции называются потому, что они возникают в ответ на уже состоявшееся событие (от греч. *epi* – «после», *gnosis* – «знание»).

Общая формула положительных эмоций рассматриваемой группы, по нашим представлениям, может быть представлена средствами метаязыка AFFECT в следующем виде:

ПЕРЕЖИВАЕТ + x (ХОЧЕТ x, А И ПРОГНОЗИРУЕТ x, НЕ А И ВОСПРИНИМАЕТ x, А),

где x – субъект, А – желаемое положение дел.

Приведем сценарий, в котором эта формула разворачивается:

СЦЕНАРИЙ «РАДОСТЬ / ЛИКОВАНИЕ»

1) ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ: СУЩЕСТВУЕТ x. СУЩЕСТВУЕТ z.

2) КОГНИТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ x: НЕ ПРОГНОЗИРУЕТ x (ДОСТАВЛЯЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ z, x); вариант: ПОЛАГАЕТ x (МАЛОВЕРОЯТНО (ДОСТАВЛЯЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ z, x)).

3) ДЕЙСТВИЕ z: ДОСТАВЛЯЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ z, x.

4) ПЕРЦЕПТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ x: ВОСПРИНИМАЕТ x (ДЕЙСТВИЕ z).

5) СЛЕДСТВИЕ: (ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ x): РАДУЕТСЯ / ЛИКУЕТ x (ПОЛУЧАЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ x).

Актант z (тот, который доставляет удовольствие) – это не обязательно субъект; это может быть стихия, стечение обстоятельств, случай, судьба и т.д.

Особенность этой группы эмоций состоит в том, что, в отличие от удовольствия, удовлетворения и т. п., они являются реакцией на *неожиданное* приятное событие или, по крайней мере, такое, которое субъект считал маловероятным. Отсюда острота и «взрывной» характер этих эмоций. Данное обстоятельство отражено в сценарии (в узле 2).

Причина радости/ликования – удача (англ. *good luck*) [4, с. 922]. Выражение *good luck* определяется следующим образом: «*chance as bestower of good fortune, fortuitous event bringing success*» [5, с. 813]. Несмотря на то, что в этом определении дважды фигурирует сема [случайность] (в значениях слов *chance* и *fortuitous*), следует также помнить народную мудрость: *God helps those who help themselves*. Удача и радость чаще сопутствуют тем, кто их упорно добивается.

Так, например, герои Марка Твена Том и Бекки, заблудившись в катакомбах, не мечтали выбраться оттуда живыми, потому что вероятность обнаружения выхода была весьма мала. Когда же они все-таки нашли выход, их радости не было предела. Аналогичным образом, сказочной Золушке не приходило в голову, что когда-нибудь она станет королевой бала, и когда это все-таки случилось, она была несказанно рада.

Подобного рода примеры подтверждают приведенное выше описание механизма возникновения радости. Как отмечалось, главное в этом механизме – *неожиданность* приятного события. Если же такое событие ожидалось с высокой вероятностью, то субъект в конечном счете испытывает не радость, а удовлетворение – эмоцию не «взрывную» и не столь острую, как радость, так как часть эмоциональной энергии израсходована заранее на предвкушение.

Интенсивность радости определяется величиной удачи, которая выражается английскими оборотами *great / little luck* (ср. рус. <Кому-л.> *крупно/малость повезло*). Величина удачи, в свою очередь, прямо пропорциональна размеру обретаемой ценности и обратно пропорциональна степени вероятности ее обретения. Поэтому мы можем вывести коэффициент удачи, определяющий интенсивность радости:

$$G = kF = \frac{V}{P},$$

где G – интенсивность радости (лат. *gaudere* – «радоваться»)

kF – коэффициент удачи (лат. *fortuna* – «удача»)

V – размер ценности (лат. *valere* – «быть ценным»)

P – вероятность обретения ценности (лат. *probabilitas* – «вероятность»).

Человек, которому повезло, радуется тем больше, чем больше размер обретенной ценности и чем ниже была вероятность ее обретения. Например, человек, выигравший крупную сумму в лотерею, очень радуется, потому что, во-первых, сумма крупная, а во-вторых, вероятность ее обретения была ничтожной. Если сумма мелкая, радость резко снижается, и если вероятность успеха была высокой, то результирующая радость тоже невелика (ее место, как уже упоминалось, занимает удовлетворение). Упомянутые закономерности отражены в данной формуле.

Обратимся к рассмотрению значений лексических и фразеологических единиц, являющихся десигнаторами вышеперечисленных эмотивных концептов.

Joy. Это доминанта синонимического ряда, наименее специфичная семантически. Слово *joy* определяется как «*vivid positive emotion aroused by pleasant surprise*» [5, с. 832]. В данной дефиниции слова *joy* представлены категориальные признаки соответствующего концепта: эмоция (*emotion*), положительная (*positive*), имеющая причину (*aroused by*), которая заклю-

чается в приятном удивлении (*pleasant surprise*). В свою очередь, слово *surprise* определяется как «*emotion excited by the unexpected*». Это, на наш взгляд, есть исчерпывающе точная характеристика радости.

Rejoicing определяется как «*feeling great joy*» [5, с. 1300], что позволяет выявить сему высокой интенсивности признака.

Exultation определяется как «*rejoicing exceedingly*» [5, с. 547], то есть степень интенсивности еще выше, чем в предыдущем случае.

Triumph в одном из значений предстает как «*feeling of being victorious or successful*» [5, с. 1435], что придает данному слову смысловой оттенок [превосходство]. Превосходство служит источником радости.

Exhilaration – «*state of being enlivened or cheerful; animation; gladness*» [5, с. 540]. Это общее приподнятое настроение, вызванное не столько конкретной причиной, сколько молодостью, здоровьем, общим благополучием и в целом – соответствием интенциала личности и действительности. Активный (стенический) характер этой эмоции подчеркивается словами *enlivened, cheerful, animation*.

Итак, нами проанализированы концепты положительных эмоций *joy, exultation* с точки зрения лингвокогнитивистики, а также рассмотрены особенности лексико-семантического поля, десигнирующего соответствующую концептосферу английской лингвокультуры.

Литература

1. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.: изд-во МГУ, 1982. – 336 с.
2. Ишмуратов А.Т. Логический анализ практических рассуждений. – Киев: Наукова думка, 1987. – 140 с.
3. Подлесова О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах (на материале английского языка): дисс. ...канд. филол. наук. – Самара, 2009. – 180 с.
4. Collins English Dictionary. 4th ed. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2000. – 1785 p.
5. Concise Oxford Dictionary of Current English. 9th ed. – Oxford: Univ. Press, 1995. – 1696 p.

ЭКОМОРФНЫЙ АНАЛИЗ В ФИТОИНДИКАЦИИ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ ТЯЖЕЛЫМИ МЕТАЛЛАМИ

В статье обсуждаются возможности использования биогеохимических аспектов экоморфного анализа растительности для целей фитоиндикации загрязнения природных ландшафтов тяжелыми металлами.

Ключевые слова: экоморфы, тяжелые металлы, ландшафты

Известно, что каждый вид растений характеризуется своим количественно определенным химическим составом, меняющимся в зависимости от условий произрастания [15, с. 20]. Это позволяет предположить, что существует некоторая зависимость в накоплении химических элементов растениями от их экологической характеристики – приспособленности к условиям среды или жизненной формы как некоторого единства двух аспектов: эколого-морфологического и эколого-ценотического [17]. Существует множество работ, посвященных детальному анализу учения о жизненных формах растений, рассматривающих эту проблему в экоморфологическом аспекте [7, 9, 10, 17].

По И.Г. Серебрякову [17], с эколого-морфологических позиций жизненная форма – это своеобразный общий облик (габитус) определенной группы растений, возникающий в их онтогенезе в результате влияния условий среды; с эколого-ценотических позиций – это выражение способности определенной группы растений к пространственному расселению и закреплению на территории и их участию в формировании растительного покрова.

В настоящее время в фитоценологии известно множество классификаций и систем жизненных форм, в основе которых заключены два главных принципа. В первом случае жизненные формы выделяют по приспособленности растений к одному или двум, иногда более, ведущим и наиболее существенным факторам среды. В зависимости от целей исследований этот принцип дает возможность разрабатывать множество систем жизненных форм. Во втором случае жизненные формы выделяют по совокупности приспособительных особенностей растений, относимых к одной и той же жизненной форме, и здесь возможна лишь одна система. Считается, что первый принцип более приемлем для практической работы [6]. Кроме того, существует мнение о невозможности построения единой системы

жизненных форм [5], поэтому в каждом случае следует выбирать ту систему, которая максимально отвечает задачам конкретного исследования [3, 13, 14, 16, 19, 22, 23, 24, 25, 26].

В наших исследованиях использована система экоморф А.Л. Бельгарда [4, с. 5] с дополнениями М.А. Альбицкой [1], В.В. Тарасова [18], которая многократно и успешно апробировалась при изучении растительности в лесостепном и степном Поволжье [11, с. 12].

Выбор системы экоморф А.Л. Бельгарда связан, во-первых, с тем, что она разработана для условий степной зоны, а во-вторых, с тем, что в основе ее находятся всем понятные и общепринятые в экологии растений экологические группы (или типы) растений [8, с. 21]. Экоморфы А.Л. Бельгарда – это группы видов, выделяемые по положению их биоценологического оптимума (ценоморфы) или экологического оптимума по отношению к световому (гелиоморфы), тепловому (термоморфы), водному (гигроморфы), солевому (трофоморфы) и другим экологическим режимам среды сообществ [12].

А.Л. Бельгард [5] дает следующую схему экоморф:

- ценоморфы характеризуют приспособление группы видов к среде фитоценоза в целом (сильванты – Sil; степанты – St; пратанты – Pr; палюданты – Pal; рудеранты – Ru; галофиты – Hal);

- климаморфы характеризуют приспособление группы видов к климату (фанерофиты – Ph; хамефиты – Ch; гемикриптофиты – Hk; геофиты – G; терофиты – Th);

- гелиоморфы характеризуют приспособление группы видов к условиям освещения (гелиофиты – He; гелиосциофиты – HeSc; сциогелиофиты – ScHe; сциофиты – Sc);

- термоморфы характеризуют приспособление группы видов к температурному режиму (олиготермы – OlT; мезотермы – MsT; мегатермы – MgT);

- трофоморфы характеризуют приспособление группы видов к почвенному плодородию (олиготрофы – OgTr; мезотрофы – MsTr; мегатрофы – MgTr);

- гигроморфы характеризуют приспособление группы видов к условиям почвенного увлажнения (ксерофиты – Ks; мезоксерофиты – MsKs; ксеромезофиты – KsMs; мезофиты – Ms; мезогигрофиты – MsHgr; гигромезофиты – HgrMs; гигрофиты – Hgr; ультрагигрофиты – UHgr).

Специфика биогеохимических исследований, из всего многообразия предлагаемых экоморф позволяет выделить только три: ценоморфы – группы видов по отношению к биотопу сообщества в целом; трофоморфы

– группы видов по отношению к почвенному плодородию и гигроморфы – группы видов по отношению к условиям почвенного увлажнения.

Все количественные характеристики аккумуляции тяжелых металлов (Ti, Mn, Fe, Cr, V, Co, Ni, Cu, Zn, Sr, Rb, Pb) различными группами экоморф для лесостепного и степного Поволжья были подробно изложены нами в монографии [15]. В данном случае использован более наглядный сравнительный материал, основой для которого послужили результаты статистической обработки данных, представленные в упомянутой работе. Этот материал должен подтвердить или опровергнуть возможность использования экоморфного эколого-биогеохимического анализа для целей фитоиндикации уровня содержания тяжелых металлов в природных ландшафтах лесостепного и степного Поволжья.

Примеров изучения распределения химических элементов в различных экологических группах растений немного. Одним из них является работа Г.А. Андриановой и Н.С. Петруниной [2], посвященная геохимической экологии Центральной Якутии. Авторы достаточно подробно рассматривают биогеохимические характеристики гигрофитов, мезофитов, ксерофитов и галофитов. Выявлены значительные колебания в накоплении металлов различными гигроморфами, а также лидирующая роль галофитов в их аккумуляции.

На рис. 1 (А, Б) представлены геохимические спектры накопления металлов в фитомассе травянистых ценоморф, произрастающих в различных ландшафтах Самарской области, построенные относительно регионального кларка для травянистых растений (А) и регионального кларка для почв (Б).

Геохимические спектры, построенные относительно региональных кларков для травянистых растений, по уровню информативности и выявляемым закономерностям практически совпадают с анализом по суммам накопления металлов отдельными ценоморфами [15]. Максимальной металлоаккумулирующей способностью обладают сорно-лесные травы (сильванты/рудеранты), по уровню накопления большинства элементов они существенно превосходят кларк.

Заметно ниже показатели у лесных трав (сильвантов), затем у сорных видов (рудерантов), еще ниже – у степных видов (степантов) и минимальны они у луговых трав (пратантов) (рис. 1, А.). Выявленная зависимость строго соблюдается в отношении Ti, Mn, Cr, V, Cu, Zn, Sr. В определенной мере она сохраняется для Fe, Co, но эти элементы в равной степени накапливаются сорно-лесными, лесными и сорными растениями.

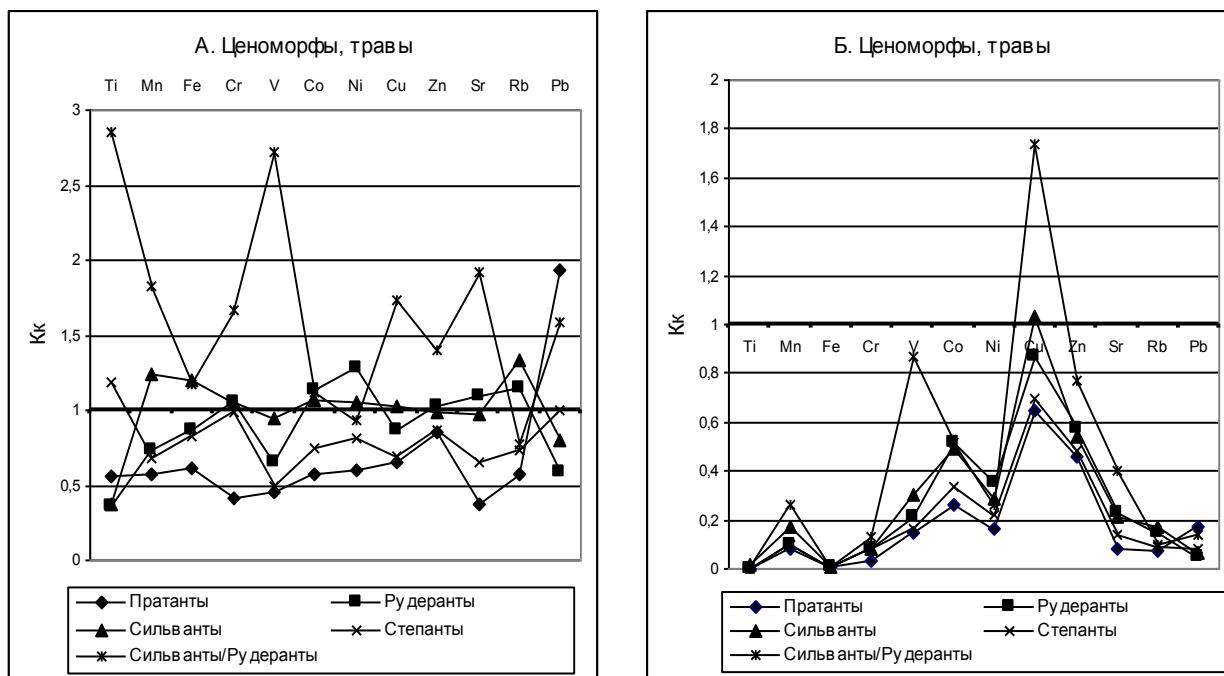

Рис. 1. Геохимические спектры накопления элементов в фитомассе травянистых ценоморф по отношению к региональному кларку для травянистых растений (А) и региональному кларку для почв (Б)

Практически для всех элементов, кроме Рb, минимальная концентрация отмечена в фитомассе пратантов (или луговиков). Рb максимально накапливается в фитомассе луговых растений (рис. 1, А). Следует отметить, что выявленной закономерности не полностью подчиняется Тi. Он максимально накапливается в фитомассе сорно-лесных видов, в 2,5 раза его меньше в фитомассе степных видов, еще меньше – в луговых. Сорные и лесные травы накапливают Тi в одинаковой степени и в минимальной концентрации (рис. 1, А).

Использование в качестве эталона сравнения региональных кларков для почв подтверждает основную тенденцию по превосходству металлоаккумуляции у сорно-лесных видов (Mn, Cr, V, Cu, Zn, Sr), особенно проявляющуюся в отношении Cu (рис. 1, Б). Иными словами, существует достаточно строгая количественная закономерность в аккумуляции большинства изученных тяжелых металлов травянистыми растениями в зависимости от положения их биоценотического оптимума.

На рис. 2 представлены геохимические спектры травянистых и древесных трофоморф, построенные относительно регионального кларка для травянистых и древесных растений соответственно.

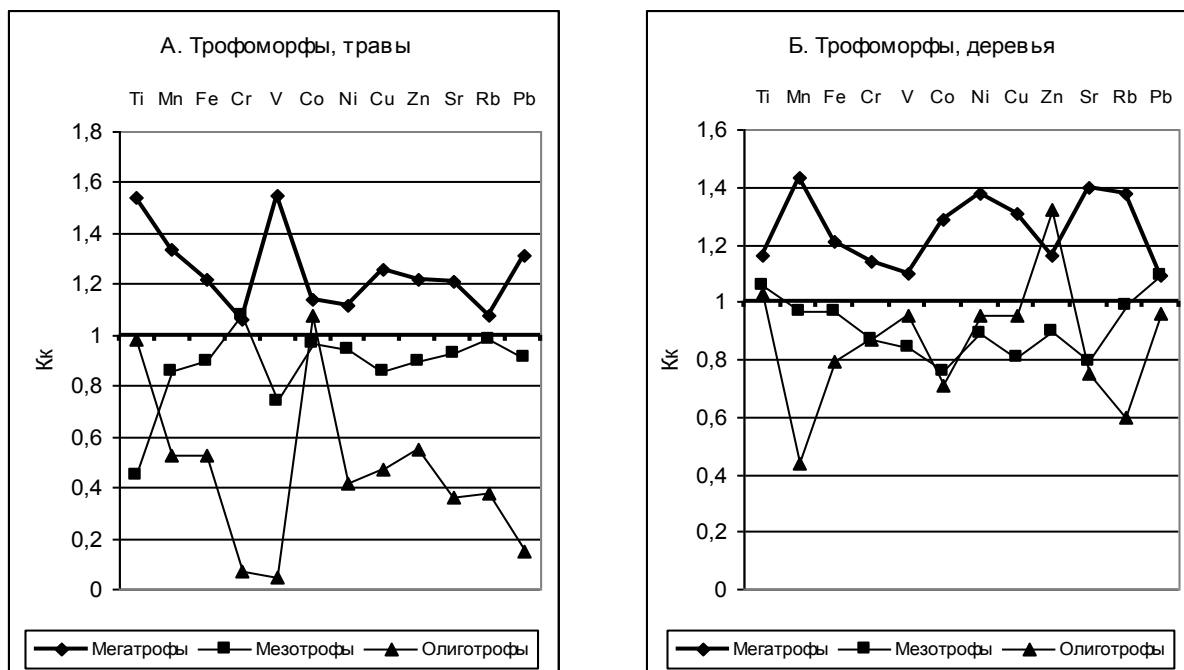

Рис. 2. Геохимические спектры накопления элементов в фитомассе травянистых и древесных трофоморф по отношению к региональному кларку для травянистых (А) и древесных растений (Б)

Как видно из рис. 2 (А, Б), для древесных и травянистых видов показана четкая зависимость в накоплении всех анализируемых элементов (мегатрофы > мезотрофы > олиготрофы). Травянистые и древесные мегатрофы накапливают все анализируемые металлы на уровне, превышающем региональные кларки. Сходным образом накапливается в фитомассе травянистых трофоморф Co, древесных трофоморф – Ti. Среди древесных трофоморф более активно накапливают Zn олиготрофы. Следует отметить также, что Sr в равной мере аккумулируется в фитомассе травянистых мега- и мезотрофов, но его концентрация резко снижается (в 5 раз) в фитомассе олиготрофов, для которых характерна также минимальная концентрация V. В целом биогеохимические различия между травянистыми трофоморфами более выражены, чем между древесными (рис. 2, А, Б).

Особенности накопления металлов в фитомассе травянистых и древесных трофоморф по отношению к региональным кларкам для почв показаны на рис. 3, А, Б.

Ход кривых геохимических спектров в целом подтверждает выявленную выше закономерность металлоаккумуляции: мегатрофы > мезотрофы > олиготрофы. Различия между травянистыми трофоморфами также более выражены, чем между древесными. Наиболее активное поглощение из почвы у всех рассматриваемых трофоморф характерно для Cu, но у

мегатрофов этот процесс наиболее выражен, а концентрации превышают региональный кларк для почв.

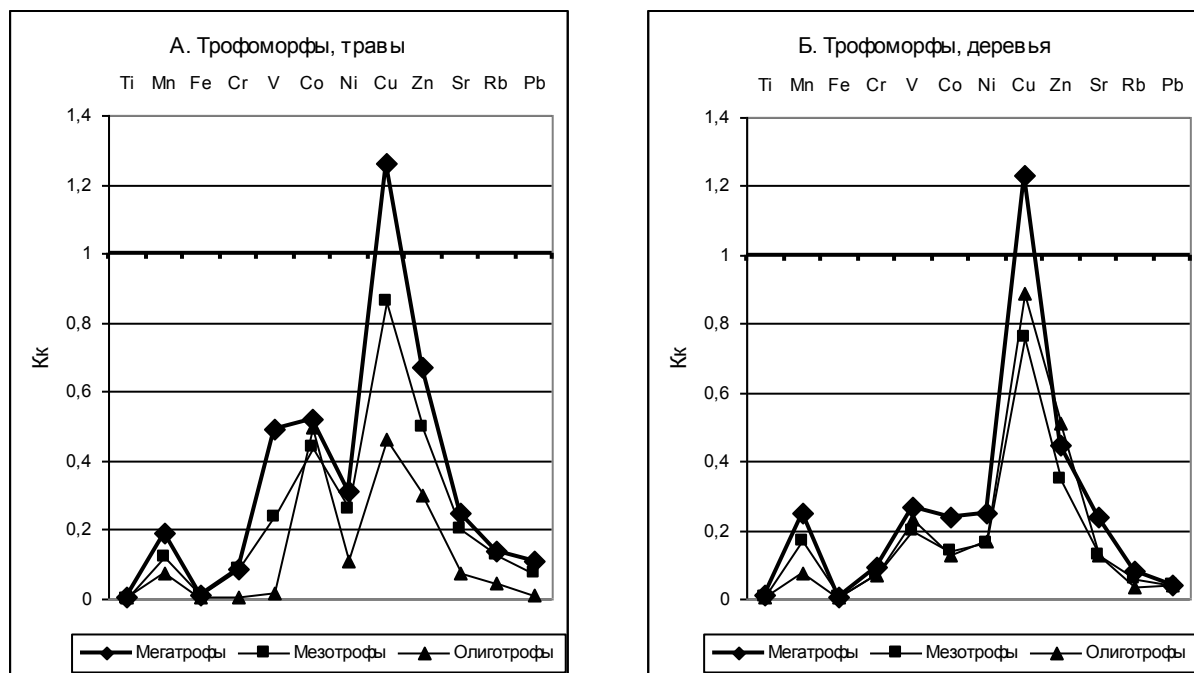

Рис. 3. Геохимические спектры накопления элементов в фитомассе травянистых (А) и древесных (Б) трофоморф по отношению к региональному кларку для почв

Определенный интерес может представлять анализ металлоаккумуляции у травянистых и древесных гигроморф, т.е. у групп растений, различающихся по отношению к почвенному увлажнению. Для лесостепного и степного Поволжья этот аспект очень важен на фоне существенных различий уровней почвенного увлажнения в лесостепных, степных и пойменных ландшафтах.

Диапазон анализируемых групп гигроморф достаточно широк – от типичных ксерофитов до гигромезофитов у травянистых растений и типичных гигрофитов у древесных растений. На рис. 4, А, Б показаны особенности металлоаккумуляции у травянистых гигроморф по отношению к региональным кларкам травянистых растений (А) и почв (Б).

В первом случае четко выраженные закономерности выявляются с трудом. Представители разных гигроморф могут активно аккумулировать те или иные металлы, но травянистые ксерофиты и ксеромезофиты – в минимальной степени. По отношению к региональным кларкам для почв большинство травянистых гигроморф аккумулируют металлы достаточно сходным образом, при этом активнее других элементов накапливается Cu,

особенно в фитомассе мезофитов, мезогигрофитов и гигромезофитов. Ксерофиты и ксеромезофиты и в данном случае проявляют более слабые металлоаккумуляционные способности (рис. 4 Б).

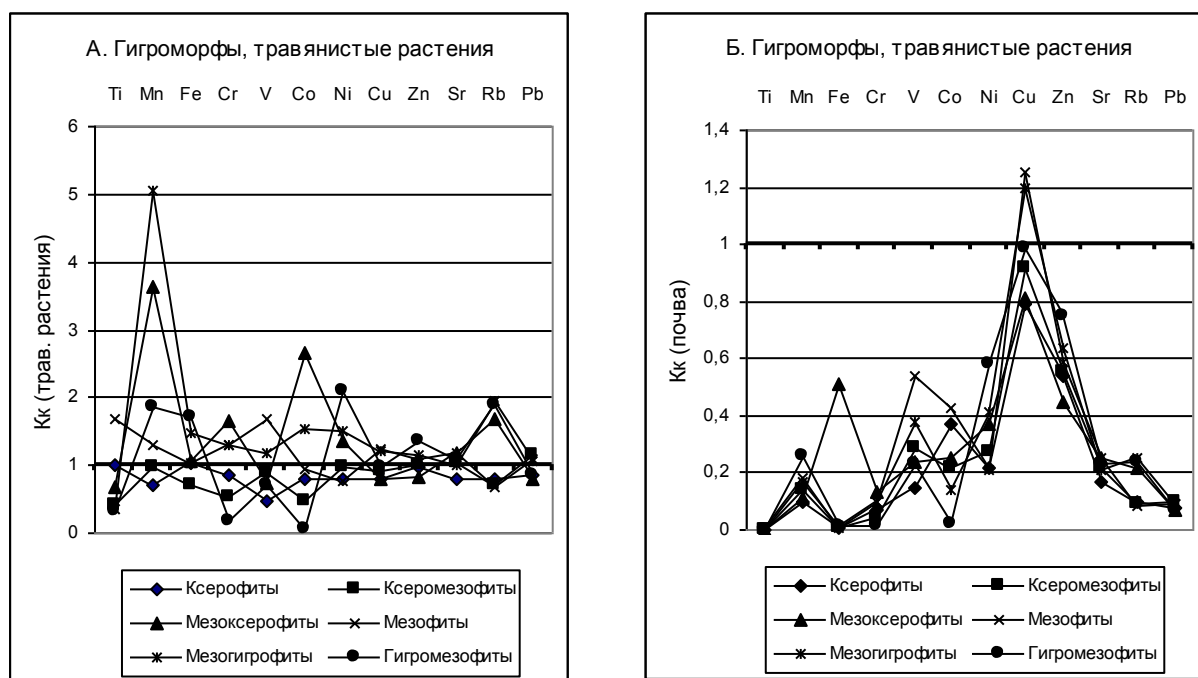

Рис. 4. Геохимические спектры накопления элементов в фитомассе травянистых гигроморф по отношению к региональным кларкам для травянистых растений (А) и почв (Б)

Использование в качестве эталона сравнения региональных кларков для древесных растений показало, что максимальной металлоаккумуляционной способностью по отношению к большинству элементов обладают гигрофиты и мезогигрофиты (рис. 5, А). Эта закономерность сохраняется и относительно региональных кларков для почв. Кроме того, в этом случае более четко видна активная аккумуляция Си древесными мезогигрофитами и гигрофитами ($K_{к} > 1$) (рис. 5, Б).

Таким образом, экоморфная принадлежность травянистых и древесных растений в самом общем плане отражает их способность аккумулировать тяжелые металлы. В порядке снижения способности к накоплению тяжелых металлов можно составить следующие ряды.

Ценоморфы: сильванты/рудеранты > сильванты > рудеранты > степанты > пратанты.

Трофоморфы: мегатрофы > мезотрофы > олиготрофы.

Гигроморфы: гигрофиты = гигромезофиты = мезогигрофиты > мезофиты > ксеромезофиты > ксерофиты.

Выявленные закономерности более четко проявляются в отношении элементов с высокими природными кларками содержания в почвах (Ti, Mn, Fe, Sr, Rb), что может свидетельствовать о естественном, развившемся в процессе эволюции, балансе химических элементов у видов из разных экологических групп.

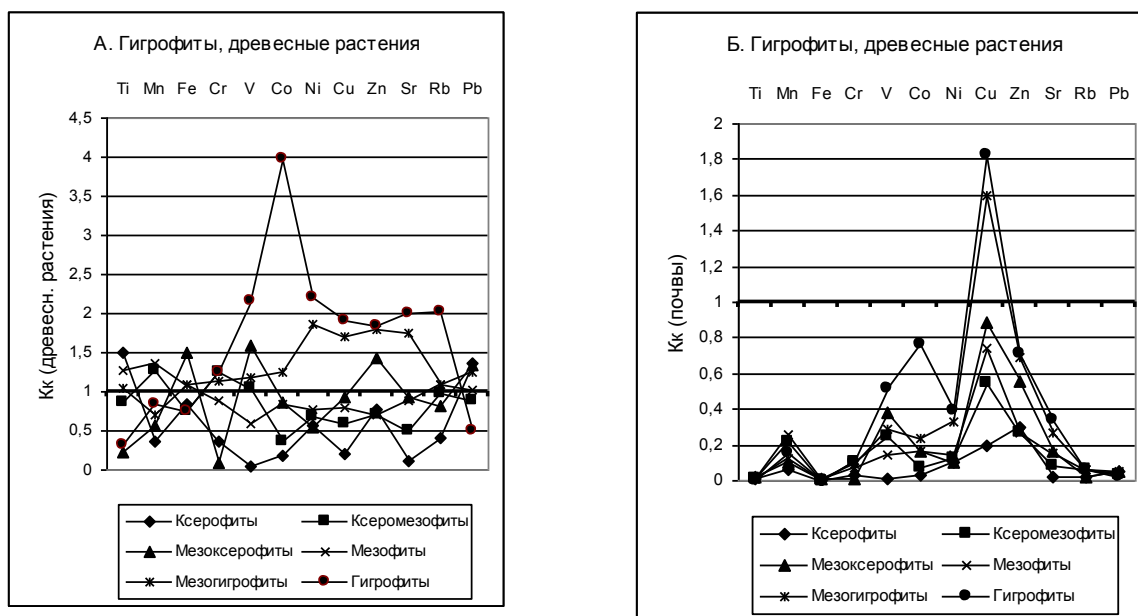

Рис. 5. Геохимические спектры накопления элементов в фитомассе древесных гигроморф по отношению к региональным кларкам для растений (А) и почв (Б)

Установленные закономерности для изучаемых экоморф в целом подтверждаются также накоплением элементов с относительно низкими природными кларками содержания в почвах (Cr, V, Co, Ni, Cu, Zn, Pb), но широко представленными в региональных техногенных потоках загрязнения. Следует отметить, что для этой группы элементов обнаруживаются некоторые исключения из общих правил, которые могут быть связаны как с химическими особенностями самих тяжелых металлов, так и с влиянием техногенных факторов на природные процессы в экосистемах. С эволюционных позиций техногенные факторы очень молоды, поэтому у растений еще окончательно не выработались приспособительные метаболические реакции на избыток техногенных элементов в среде, вследствие этого их накопление в растительных организмах не всегда подчиняется природным закономерностям.

В целом, полученные данные, на наш взгляд, достаточно убедительно подтверждают возможность использования экоморфного биогеохимического анализа в экологическом фитомониторинге природных ландшафтов лесостепного и степного Поволжья. Они позволяют правильно оценить эколого-геохимическую структуру ландшафтов, дают возможность заранее предполагать тот или иной уровень содержания техногенных металлов в биогенных средах и находить правильное объяснение его резкому изменению. Материалом для экоморфного анализа растительного компонента конкретного ландшафта является геоботаническое описание растительности, что проще и дешевле полномасштабного биогеохимического опробования, а по информативности часто не уступает ему. Зная региональные особенности металлоаккумуляции конкретных экоморф, можно достаточно объективно оценивать биогеохимическую структуру ландшафта, выявлять наличие или отсутствие влияния техногенеза.

Литература

1. Альбицкая М.А. Основные закономерности формирования травяного покрова в искусственных лесах степной зоны // Искусственные леса степной зоны Украины. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1960. – С. 155-208.
2. Андрианова Г.А., Петрунина Н.С. Некоторые черты геохимической экологии растений Центральной Якутии // Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XI. – М. Наука. 1976. – С. 48- 117.
3. Апаля-Шидленде Л. Об индикаторных биоэкогруппах // Теоретические вопросы фитоиндикации. – Л.: Наука, 1971. – С. 21-30.
4. Бельгард А.Л. Лесная растительность юго-востока УССР. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1950. – 183 с.
5. Бельгард А.Л. К вопросу об экологическом анализе и структуре фитоценозов в степи // Вопросы биологической диагностики лесных биогеоценозов Прикарпатья. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. гос. ун-та, 1980. – С. 11-42.
6. Воронов А.Г. Геоботаника. – М.: Высшая школа, 1973. – 383 с.
7. Голубев В.Н. К проблеме изучения жизненных форм у растений // Биологические основы преобразования растительного мира. – Симферополь, 1965. – С. 41-47.
8. Горышина Т.К. Экология растений. – М.: Высшая школа, 1979. – 367 с.
9. Зиман С.Н. Жизненные формы и биология степных растений Донбасса. – Киев: Наукова думка, 1976. – 189 с.
10. Зозулин Г.М. Система жизненных форм высших растений // Ботан. журнал. – 1961. – Т. 46. – № 1. – С. 3-20.

11. Кавеленова Л.М. Проблемы организации системы фитомониторинга городской среды в условиях лесостепи. – Самара: Самарский университет, 2003. – 124 с.
12. Матвеев Н.М. Биоэкологический анализ флоры и растительности (на примере лесостепной и степной полосы). – Самара: Самарский университет, 2006. – 311 с.
13. Ниценко А.А. Об изучении экологической структуры растительного покрова // Ботан. журнал. – 1969. – Т. 54. – № 7. – С. 1002-1013.
14. Пачоский И.К. Основы фитоценологии. Херсон, 1921. 236 с.
15. Прохорова Н.В., Матвеев Н.М., Павловский В.А. Аккумуляция тяжелых металлов дикорастущими и культурными растениями в лесостепном и степном Поволжье. – Самара: Самарский университет, 1998. – 131 с.
16. Раменский Л.Г., Цаценкин И.А., Чижиков О.Н., Антипин Н.А. Экологическая оценка кормовых угодий по растительному покрову. – М.: Госсельхозиздат, 1956. – 173 с.
17. Серебряков И.Г. Экологическая морфология растений. – М.: Высшая школа, 1962. – 277 с.
18. Тарасов В.В. К вопросу о биоэкологической паспортизации сорных растений лесных культур Днепропетровской области // Биогеоценологические особенности лесов Присамарья: Труды комплексной экспедиции. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1981. – С. 122-139.
19. Цыганов Д.Н. Экоморфы флоры хвойно-широколиственных лесов. – М.: Наука, 1976. – 60 с.
20. Черненко Т.В. Реакция лесной растительности на промышленное загрязнение. – М.: Наука, 2002. – 191 с.
21. Шенников А.П. Введение в геоботанику. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. – 446 с.
22. Didukh Ya.P. The ecological scales for the species of Ukrainian flora and their use in synphytoidication. – Kyiv: Phytosociocentre, 2011. – 176 p.
23. Ellenberg H. Aufgaben und Methoden der Vegetationskunde. H. Walter (Hrsg.): Einführung in die Phytologie IV/1. – Stuttgart, 1956. – 136 s.
24. Ellenberg H. Zeigewert der Gefasspflanzen Mitteleuropas // Scripta Geobotanica. – Goltze Verlag, Göttingen, 1976. – B. 9. – 216 s.
25. Ellenberg H., Mueller-Dombois D.A. Key to Raunkiaer plant life forms with revised subdivision // Berichte des geobotanischen Ins. der eidg. Techn. Hochschule Stieftung Rübel. – 1967. – Vol. 37. – S. 248-261.
26. Landolt E. Ökologische Zeigerwerte zur schweizer Flora. – Zürich, 1977. – 208 s.

ЦВЕТОЧНЫЕ МНОГОЛЕТНИКИ В КУЛЬТУРЕ: ВЗГЛЯД ЛЮБИТЕЛЯ НА НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦВЕТОВОДСТВА

На основе многолетних наблюдений рассматриваются возможности выращивания цветоводами области цветочно-декоративных многолетников, а также растений природной флоры.

Ключевые слова: *декоративные многолетники, устойчивость, природные условия региона*

Самарский край, в силу непредсказуемости своих погодных условий, периодически повторяющихся экстремально морозных зим и летних засух, неожиданно наступающих поздних весенних и ранних осенних заморозков заслуженно относится к районам рискованного земледелия. Это в полной мере ощущают труженики аграрной сферы, для которых капризы природы оборачиваются тоннами недополученной продукции. Однако не только пищевые, кормовые, технические культуры, но и декоративные растения, составляющие предмет увлечения цветоводов, демонстрируют разную устойчивость к экстремальным погодным условиям. В благоприятные периоды цветоводы успешно расширяют ассортимент декоративных культур, возделываемых в регионе, часто за счет привезенных издалека сортов. Но наступление критических по уровню негативного воздействия сезонов приводит к утрате не только сравнительно изнеженных растений, но порой и тех многолетников, которые считают высокоустойчивыми в местных условиях.

В данной статье мы хотели бы поделиться некоторыми результатами собственных многолетних наблюдений в области любительского цветоводства, обращая особое внимание на сравнительно недавний период – зиму 2009/2010 г., условия которой привели к значительным и неожиданным потерям в наших цветниках. Наша статья не ставит задачи исчерпывающего анализа ассортимента цветочных культур, мы обратим основное внимание на массовые и популярные растения.

Травянистые растения – двулетники и многолетники – при возделывании в континентальном климате лесостепи Среднего Поволжья в ряде случаев демонстрируют достаточно высокую устойчивость. Некоторые из них выращиваются в Самарской (до 1991 г – Куйбышевской) области десяти-

тилетиями. Предлагаю моим современникам, помнящим куйбышевские дворы и дворики своего детства, вообразить их цветники. Представьте куртины золотых шаров (сорт рудбекии рассеченной *Rudbeckia laciniata*¹), мощные заросли стройных мальв (шток-роза *Alcea rosea*), ароматные флоксы (флокс метельчатый *Phlox paniculata*), махровые пионы (обычно это был темно-вишневый махровый пион травянистый), ирисы (ирис бородатый), царские кудри (лилия тигровая *Lilium lancifolium* (*L. tigrinum*)). Реже встречались мощные кусты георгин (сорта георгины культурной), дельфиниумы (*Delphinium elatum*), люпины (люпин многолистный *Lupinus polyphyllus*), пока еще немногочисленные сорта гладиолусов. Кому-то нравилось выращивать неприхотливые китайские фонарики (физалис алькекенга *Physalis alkekengi* v. *franchetii*), кому-то – тюльпаны (наиболее часто это были пестролепестные сорта группы Простые Поздние) и нарциссы (обычно выращивали нарциссы Поэтические – белые с маленькой красноокаймленной коронкой и нарциссы Трубочатые – светло-желтые, реже белые). Кто-то отводил в цветнике место неприятным мыльнянке (мыльнянка лекарственная *Saponaria officinalis*) и зорьке (лихнис халцедонский *Lichnis chalcedonica*). Позднее получили распространение белые душистые лилии (лилия белоснежная *Lilium candidum*, лилия царственная *L. regale*), неприхотливый красоднев (лилейник буро-желтый *Hemerocallis fulva*). Некоторые из этих растений ныне практически забыты, например, золотой шар. На смену ему в наших цветниках пришли рудбекии гибридная и блестящая (*Rudbeckia* x *hybrida*, *R. fulgida*), по сравнению с золотыми шарами хуже зимующие (крупные розетки листьев могут выпревать, а корни вымерзнуть). Другие, напротив, ждало блестящее будущее.

На наших глазах с конца 1970 – начала 1980 гг. в региональном любительском цветоводстве зримо увеличилось разнообразие сортов многих цветочно-декоративных многолетников, появились новые культуры. Этому способствовало появление возможности получать по почтовым заказам посадочный материал из Прибалтики, что в первую очередь относится к сортам гладиолусов, тюльпанов, нарциссов. Больше распространение получили мелколуковичные – мускари, крокусы и др.

Новый подъем сортового разнообразия цветочных многолетников начался в конце 1990-2000 гг., когда легкодоступным стал импортный посадочный материал. Приток посадочного материала разной стоимости продолжается и ширится. Его приобретение в различных торговых точках,

¹ Латинские названия растений приводятся в тексте статьи в соответствии с [1, 4]

от специализированных фирм до супермаркетов, позволяет любителям обзавестись луковицами сортов практически всех групп тюльпанов, нарциссов, лилий «на свой страх и риск», приобрести сорта гиацинтов, пионов, лилейников, хосты и астильбы... Оставим в стороне качество посадочного материала, которое существенно зависит от условий и сроков его предпродажного хранения. Для этого материала особо важен фитосанитарный контроль, выявляющий присутствие возбудителей заболеваний и вредителей и не допускающий реализации зараженной продукции. Нам хотелось бы обратить внимание читателей на биологические особенности цветочных многолетников, важные в плане их устойчивости.

По системе жизненных форм К. Раункиера цветочные многолетники относятся к гемикриптофитам и криптофитам. В обычные годы они выходят из зимовки без потерь, но в отдельные годы могут сильно повреждаться.

Гемикриптофиты, почки возобновления которых располагаются в верхнем слое почвы и защищены остатками годичных побегов, лесной подстилкой и пр. (двулетники и многолетники) могут страдать от резкого снижения температуры на фоне иссушения почвы в начале зимнего периода, подвергаться повреждению в результате выпревания в особо снежные зимы либо в результате возврата холодов в начале вегетационного периода. Так происходит повреждение (в тяжелых случаях – выпадение) двулетников колокольчика среднего, маргаритки, шток-розы, многолетников люпина, дельфиниума, колокольчика карпатского, рудбекии, эхинацеи.

Криптофитам, характеризующимся более глубоким залеганием зимующих частей с почками возобновления, как правило, угрожает лишь промерзание почвы, более сильное и на большую глубину, чем обычно, что может вызвать гибель зимующих в почве луковиц. Особо заметим, что гибель (невыход из зимнего покоя) значительной части луковичных культур за последние 40 лет нами отмечалась лишь однажды, после зимы 2009/2010 г. Периодически повторявшиеся зимы с экстремально низкими температурами (условия декабря 1978, января 1979, января 1987, декабря 2001, февраля 1976, 1978, 1982, 1986, 1993, 1994) (Кавеленова, Розно, 2002) не приводили к повреждениям зимующих под защитой снегового покрова травянистых многолетников. Затяжные сильные оттепели, приводившие к сходу снегового покрова в середине зимы, и следующие за этим резкие понижения температур (начало 1983, 1999) также не становились причиной массовой гибели данных растений, так как температура почвы не повышалась до уровня, обеспечивающего пробуждение зимую-

щих почек. Выпадение многолетников отмечалось при позднеосеннем дефиците влаги, когда наступление морозной погоды происходило при иссушенной почве без снегового покрова (1992, 1995, 1998 годы). Для полноты картины укажем, что в годы с особо высоким снеговым покровом при его замедленном сходе отмечалось выпревание гемикриптофитов (рудбекия, колокольчик средний, наперстянка, маргаритка), при прохладной и особо затяжной весне – повреждение зимующих органов растений грызунами, что мы неоднократно наблюдали для луковиц тюльпанов.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в период вегетации и осенне-зимнего периода 2009-2010 гг. Вегетационный период 2009 г. (рис. 1) характеризовался продолжительным засушливым и жарким периодом (начало мая – конец июля) с экстремально высокими температурами воздуха и суховеями. Это затрудняло развитие растений, заставляя их отвлекать значительное количество ресурсов на адаптацию к температурному стрессу и засухе. Выпадение осадков в августе улучшило ситуацию, но в некоторых районах дожди сопровождались градом.

Осень 2009 г. отличалась большей по сравнению со средними сезонами продолжительностью теплой погоды при умеренном количестве осадков, в декабре произошло резкое снижение температуры до -15° . При практическом отсутствии в почве в этот момент запасов влаги сильное и быстрое охлаждение воздуха почти на всей территории области привело к промерзанию почвы до глубины 60 см и более.

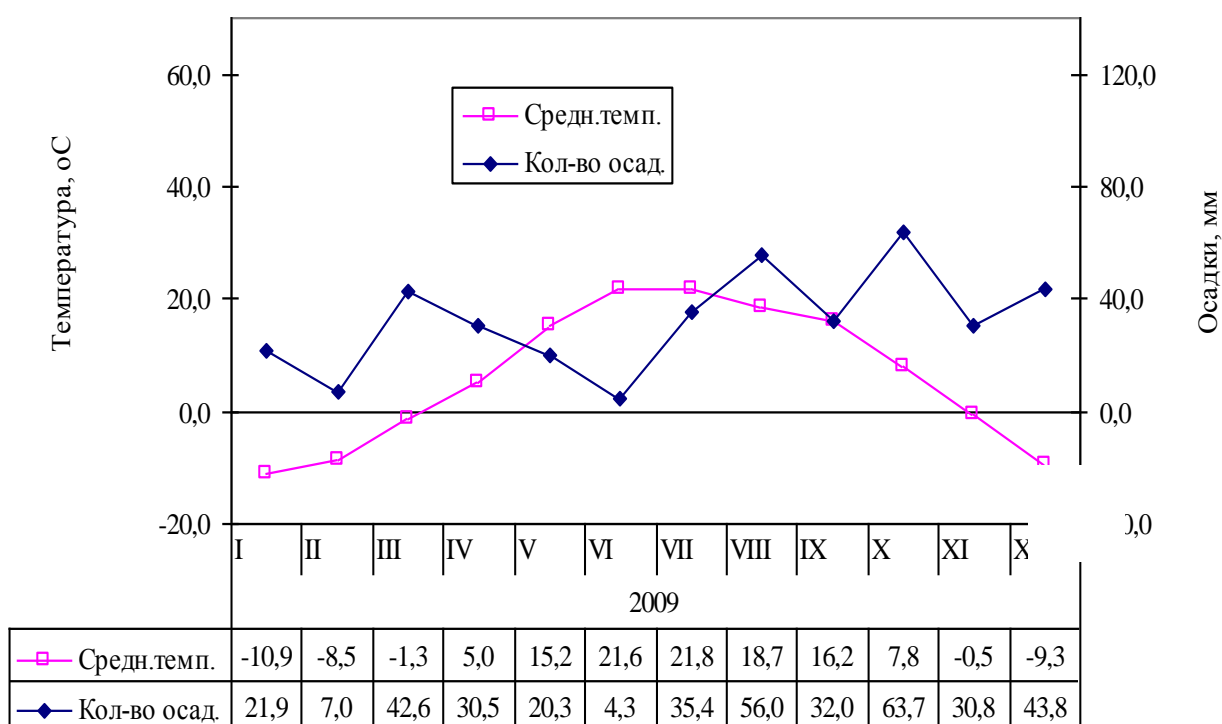

Рис. 1. Климатодиаграмма погодных условий 2009 г. (г. Самара)

Весна 2010 г. убедительно показала, что длительное, в течение десятилетий, успешное культивирование травянистых интродуцентов в континентальном климате лесостепи Среднего Поволжья еще не означает их устойчивости при нетипичном сочетании погодных условий. Так, от промерзания почвы в начале зимнего периода тяжело пострадали и погибли подземные зимующие органы травянистых многолетников и двулетников, обычно широко выращиваемых любителями в Самарской области.

После зимы 2009-2010 г. пострадали луковичные многолетники, которые в целом можно считать устойчивыми в Среднем Поволжье. Среди мелколуковичных в первую очередь назовем мускари армянский *Muscari armeniacum*, который обычно не только не страдает в период зимовки, но и активно размножается, формируя множество жизнеспособных семян и дочерних луковиц-деток. Для него внедрение в природные экосистемы пока не отмечено, но сорничать в культуре, вне мест его размещения в экспозиции, он вполне способен. Восстановление группировок мускари после вымерзания имевшихся «гнезд» началось именно за счет сохранившихся малых луковичек-деток и не завершилось за два пошедших периода вегетации (2012, 2013). Оказались утраченными крокусы (*Crocus*), пушкиния (*Pushcinia scilloides*), пролеска (*Scilla sibirica*), выпали ирис сетчатый (*Iris reticulata*), юнона бухарская (*Juno bucharica*), рябчик Эдуарда (*Fritillaria imperialis*).

Погибли ранее обычные для садов области лилия белоснежная и лилия царственная (рис. 2), сорта различных видов крокусов и другие мелколуковичные. Практически полностью выпали нарциссы различных групп и сортов, в том числе наиболее неприхотливые в культуре в нашем регионе нарциссы Поэтические и Трубочатые. Такая ситуация ни разу не отмечалась в последние 40 лет (период наших личных наблюдений). У луковичных многолетников была также отмечена массовая гибель гиацинта восточного (*Hyacinthus orientalis*), многочисленные сорта которого при выполнении требуемой агротехники (сроки, глубина посадки луковиц) и минимальном укрытии (достаточно бывает палой листвы) зимуют в грунте и цветут в начале вегетационного периода (конец апреля – начало мая).

Среди видов и сортов тюльпанов наблюдалось выпадение раноцветущих тюльпанов Кауфмана, Фостера, Грейга, а также сортов, принадлежащих к группам Простых и Махровых Ранних, Лилиецветных, Бахромчатых, Зеленоцветковых, Махровых Поздних. Успешно перезимовавшие растения, столкнувшиеся с весенним дефицитом осадков и рано наступившей аномально жаркой погодой мая, в большинстве случаев не смогли сформировать полноценных цветоносов.

Рис. 2. Примеры пострадавших в зимний период 2009/2010 г. декоративных многолетников: лилия белоснежная, лилия царственная, эхинацея пурпурная

Позднее обнаружилось, что у отдельных сортов при повреждении центральной почки произошло формирование малых дочерних (замещающих) луковиц – практически, осуществилось «дробление» зимовавшего материала из одной луковицы в гнездо из 4-5, редко более диаспор «по варианту чеснока» (рис.3), чего в норме у тюльпанов мы никогда не наблюдали.

Рис. 3. Образование новых луковиц тюльпана в норме (справа) и при повреждении центральной почки (слева)

Наблюдалось сильное подмерзание, а в ряде мест и массовое выпадение барвинка малого, который в обычные годы прекрасно переносит зимовку. Примулы различных видов, пострадавшие от подмерзания, лишь к июню дали слабое отрастание мелких розеток из сохранившихся отдельных фрагментов корневищ со спящими почками. Местный вид Среднего Поволжья – примула крупночашечковая *Primula macrocalyx* – успешно перезимовал и оказался весной 2010 г. единственным цветущим видом среди примул. Для целого ряда успешно зимующих в обычные годы двулетников (колокольчик средний *Campanula medium*, наперстянка (*Digitalis purpurea*), маргаритка (*Bellis perennis*), шток-роза (*Alcea rosea*), гвоздика турецкая (*Dianthus barbatus*) массовым явлением стала гибель при зимовке. Были утрачены морозники (*Helleborus*), погибли экземпляры лаконосов (*Phytolacca*) разного возраста. Среди травянистых многолетников пострадали также сорта хризантемы корейской (*Chrysanthemum coreanum*), эхинацея пурпурная (*Echinacea purpurea*), дороникум восточный (*Doronicum orientale*).

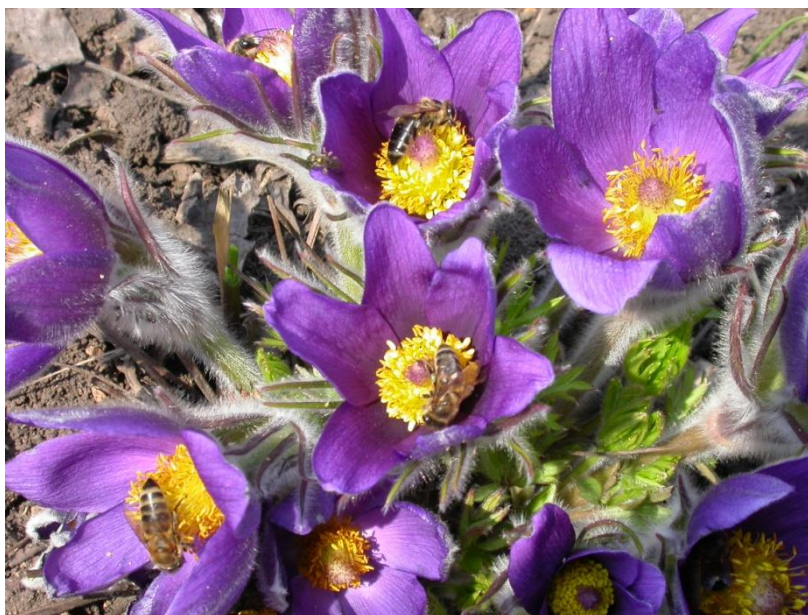
Напротив, высокую устойчивость повсеместно продемонстрировали виды и сорта лилейников (*Heemerocallis*). При учете того, что в последние годы они получают более широкое распространение в любительском озеленении, а многие из лилейников формируют качественные семена, в будущем вполне можно ожидать их вселения в природные фитоценозы (первоначально и главным образом – в пригородные). Успешно перезимовали, хотя ослабили цветение, различные сорта пионов, не демонстрировал угнетения местный, наиболее рано цветущий пион тонколистный (*Paeonia tenuifolia*).

Итак, ассортимент цветочных культур-двулетников и многолетников, показавших свою устойчивость в Самаре и ее окрестностях в течение нескольких лет, а иногда и длительного периода, подвергается корректировке при возникновении непереносимых погодных условий. Выпадение ранее продемонстрировавших устойчивость видов и сортов не исключает попыток их дальнейшего выращивания в регионе, тем более что неудачные годы у цветоводов чередуются с успешными, что не дает угасать их энтузиазму.

Особо хотелось бы обратить внимание цветоводов-любителей на перспективность выращивания наиболее декоративных, абсолютно устойчивых видов природной флоры, что послужит благородному делу их сохранения вне природных местообитаний (Розно и др., 2004). В частности, личный опыт показал сравнительную легкость выращивания следующих видов, в том числе и занесенных в Красную книгу Самарской области: пион тонколистный (*Paeonia tenuifolia*), касатики (ирисы) карликовый, сибирский, безлистный, аировидный (*Iris pumila*, *I. sibirica*, *I. aphylla*, *I. pseudacorus*), купальница европейская (*Trolus europaea*), первоцвет крупночашечковый (*Primula macracalyx*), ясенец голостолбиковый (*Dyctamnus gymnostylis*), купена многоцветковая (*Polygonatum multiflorum*), тюльпаны дубравный и Шренка (*Tulipa quercetorum*, *T. Schrenkii*), лилия мартагон (*Lilium martagon*), прострел раскрытый (*Pulsatilla patens*), ландыш майский (*Convallaria majalis*), горичвет весенний (*Adonis vernalis*), пупавка красильная (*Anthemis tinctoria*), рябчик русский (*Fritillaria ruthenica*), колокольчики персиколистный, скученный, болонский, рапунцелевидный, (*Campanula persicifolia*, *C. glomerata*, *C. bononiensis*, *C. rapunculoides* (два последних могут сорничать). Семена некоторых из названных видов появляются в продаже, поскольку в последние годы во всем мире возрастает интерес к видами природной флоры. Любители-цветоводы могут также приобрести посадочный материал различных дикорастущих видов в ботаническом саду

Самарского государственного университета. Наконец, знатоки растений, встречая их в природе в момент семеношения, могут собрать небольшую часть семян и использовать их для посева. **Сразу же предостережем особо рьяных: выкапывать растения в природе недопустимо**, тем более что взрослые особи, поврежденные при выкопке, обречены на гибель – они не приживутся! Посев семян под зиму будет самым легким способом их вывода из состояния покоя – стратификации, необходимой в той или иной мере для всех дикорастущих видов.

Цветение в различные сроки, от ранней весны до середины лета, немало повышает привлекательность и ценность видов природной флоры в культуре. Например, вскоре после схода снега ранним цветением из садовых культур нас порадуют лишь мелколуковичные. Мощным подкреплением для них, настоящим украшением пока еще пустого цветника, становятся цветущие сон-трава (прострел продырявленный) и горицвет волжский, со временем формирующие все более мощные куртины (рис. 4). Заметим, что после цветения растения прострела сохраняют привлекательность, когда при созревании семян на удлинившихся цветоносах поднимутся крупные пушистые шары, обрамленные красивыми рассеченными листьями, долго сохраняющими зеленую окраску.

*Рис. 4. Цветение прострела раскрытого в культуре
(последняя декада апреля)*

Настоящий праздник в саду создает цветение пиона тонколистного – степняка, исчезнувшего с каменистых склонов холмов Самарской области (рис. 5), но пока еще произрастающего в соседней Ульяновской. Это пре-

красное растение сберегли в культуре, размножают и предлагают для выращивания цветоводам сотрудники нашего ботанического сада. Пион тонколистый отличается самыми ранними сроками цветения, неприхотлив и долговечен. Ваши дети увидят в нем «аленький цветочек» из хорошо известной сказки.

Рис. 5. Цветение пиона тонколистного в культуре (середина мая)

Хочется пожелать нашим цветоводам упорства и успехов, несмотря на все капризы погоды и пока непредсказуемые, но широко обсуждаемые будущие изменения климата. И пусть вашей целью станут не только пышное цветение богатых коллекций декоративных культур, но и сохранение ценных видов местной флоры – жемчужин нашей родной Самарской земли.

Литература

1. Ваш цветущий сад. Энциклопедия садовых деревьев, кустарников и цветов. – М.: Издательский дом «Ниола-21 век», Изд-во РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. – 744 с.
2. Кавеленова Л.М., Розно С.А. Временная неоднородность климатических условий лесостепи и ее значение для биомониторинга и интродукции растений // Вестник Самарского государственного университета. – 2002. – Внеочередной выпуск. – С. 156-165.
3. Лунина Н.М. Многолетние цветы для вашего сада. – М.: Издательский дом МССП, 2006. – 224 с.
4. Розно С.А., Кавеленова Л.М., Саксонов С.В. К проблемам охраны и изучения высших растений в условиях Самарской области // Известия Самарского НЦ РАН. – 2004. – Спецвыпуск «Актуальные проблемы экологии». Вып.3. – С. 106 – 113.

ПРИРОДНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОКОЛЬИХ И СОРОЧИНСКИХ ГОР И РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

В статье рассматривается проблема, связанная с негативным влиянием массовой туристско-рекреационной деятельности на уникальную природу Сокольных и Сорочинских гор. В этих горах предлагается развитие организованного экологического туризма.

Ключевые слова: экологический туризм, природа, Сокольи горы, Сорочинские горы, Самарская область.

В ближайшем окружении селитебной территории городского округа Самара расположены живописные Сокольи горы с их южной составной частью, расположенной между Коптевым и Студёным оврагами и называемой в обиходе Сорочинскими (Сорокинскими) горами. Вся эта возвышенная лесистая местность, судя по Н.С. Щербиновскому [7], около 100 лет тому назад была слабозаселённой и почти не затронутой деятельностью человека. В советское время Сокольи и Сорочинские горы испытали сильный антропогенный (преимущественно техногенный) прессинг в связи с добычей минерального сырья для производства строительных материалов (образование больших карьеров, территориальное перемещение и перетолжение огромных масс некондиционных горных пород, вырубка леса, изменение видового состава древесных пород, прокладка грунтовых дорог, просек и линий электропередач, антропогенные пожары, замусоривание). В пределах западной части Сокольных гор на прежде почти безлюдной территории возникли крупные посёлки (Красная Глинка, Управленческий, Южный и др.) и обширные дачные массивы. Через некогда глухие лесные овраги проложены шоссейные дороги.

Однако по причине возвышенного и сильнопересечённого рельефа Сокольи и Сорочинские горы всё ещё обладают относительно малой доступностью. Вот почему в них сохранилось немало природных объектов, представляющих не только научно-познавательное, образовательное и воспитательное, но и культурно-эстетическое и рекреационное значение.

Так, на сравнительно небольшой территории западной части Сокольных гор и в Сорочинских горах в течение полевых сезонов 2012 и 2013 гг. нами были выявлены следующие виды краснокнижных растений Самарской области: астрагал Цингера *Astragalus zingeri* (Korsh.), боярышник волжский *Crataegus volgensis* (Pojark.), бурачок ленский *Alyssum lenense* (Ad-

ams), валериана клубненосная *Valeriana tuberosa* (L.), ветреничка алтайская *Anemonoides altaica* (C.A. Mey., Holub), горицвет весенний *Adonis vernalis* (L.), горицвет волжский *A. wolgensis* (DC.), гусиный лук луковичконосный *Gagea bulbifera* (Pall., Salisb.), дремлик тёмно-красный *Epipactis atrorubens* (Hoffm. ex Bernh.), дремлик чемерицевидный *E. helleborine* (L., Grantz), дремлик болотный *E. palustris* (L., Grantz), касатик карликовый, или касатик низкий *Iris pumila* (L.), кизильник черноплодный *Cotoneaster melanocarpus* (Fisch. ex Blytt), клаусия солнцелюбивая *Clausia aprica* (Stephan, Korn.-Tr.), ковыль перистый *Stipa pennata* (L.) и ковыль красивейший *S. pulcherrima* (C. Koch), колокольчик волжский *Campanula wolgensis* (P. Smirn.), костенец стеной *Asplenium ruta-muraria* (L.), лазурник трёхлопастный *Laser trilobum* (L., Borkh.), лён уральский *Linum uralense* (Juz.), молочай ложнополевой *Euphorbia pseudagraria* (P.A. Smirn.), наголоватка Ледебуря *Jurinea ledebourii* (Bunge), пижма жёстколистная *Tanacetum sclerophyllum* (Krasch., Tzvel.), прострел раскрытый, или сон-трава *Pulsatilla patens* (L., Mill.), пыльцеголовник красный *Cephalanthera rubra* (L., Rich.), рябчик русский *Fritillaria ruthenica* (Wikstr.), тополь белый *Populus alba* (L.), тюльпан Биберштейна *Tulipa biebersteiniana* (Schult. et Schult. fil.), хвойник двухколосковый *Ephedra distachya* (L.), чабрец жигулёвский, или тимьян жигулёвский *Thymus zheguliensis* (Klokov ex Des.-Shost.), шиверекия подольская *Schivereckia podolica* (Bess., Andrzej. ex DC.) В прибрежной зоне Саратовского водохранилища вдоль Сорочинских гор произрастает кубышка жёлтая *Nuphar lutea* (L., Smith) [1, 3, 5, 6 и неопубликованные данные автора].

В западной части Сокольных гор было обнаружено несколько краснокишечных видов животных Самарской области: дыбка степная *Saga pedo* (Pallas, 1771), усач альпийский *Rosalia alpina* (Linnaeus, 1758), восковик восьмиточечный *Gnorimus variabilis* (Linnaeus, 1758), пчела-плотник обыкновенная *Xylocopa valga* (Gerstaecker, 1872), мнемозина *Parnassius mnemosyne* (Linnaeus, 1758) [2]. В весенне-летний полевой сезон 2013 г. в Сокольных и Сорочинских горах были сделаны новые находки краснокишечных животных Самарской области. Так, несколько особей жука-оленья *Lucanus cervus* (L., 1758) было найдено на северном макросклоне Сокольных гор, западном макросклоне Сорочинских гор и в лесном массиве Сорочинских гор. Молодая самка дыбки степной была найдена в урочище Малые Козерожки в Сорочинских горах.

Весной и летом 2013 г. в Сорочинских горах было зафиксировано большое количество особей краснокишечных животных – ужа водяного *Natrix tessellata* (Laurenti, 1768) и пчелы-плотника обыкновенной.

Отвесные известняковые обрывы, крутые каменистые склоны, причудливые скалы, карстовые пещеры, фрагменты широколиственных лесов с примесью мелколиственных и хвойных пород, участки луговых степей и лугов, кустарниковых зарослей дерезняков, наличие редких, реликтовых видов растений и животных – всё это придаёт уникальность и живописность ландшафтам Сокольных и Сорочинских гор (рис. 1-6) и привлекает внимание туристов, скалолазов и спелеологов. Кроме того, прибрежные участки Сорочинских гор используются для рыбной ловли и прогулочной езды на моторных лодках.

В настоящее время наибольшую опасность для уникальной природы Сокольных и Сорочинских гор представляет усиливающееся массовое вторжение человека на территорию памятника природы «Сокольи горы и берег Волги между Студёным и Коптевым оврагами» [4], проявляющееся преимущественно в виде туристско-рекреационной деятельности, в особенности неорганизованной. Результатами негативного воздействия человека на природную среду Сокольных и Сорочинских гор являются ежегодные антропогенные пожары, безобразные кострища и захламлённые стоянки в местах отдыха, рубка деревьев и кустарников, вытаптывание травянистого покрова в местах обитания краснокнижных растений и животных, повсеместное замусоривание территории и акватории. Сравнительно новым видом нарушения естественного состояния природной среды Сокольных и Сорочинских гор является беспорядочная езда по грунтовым лесным дорогам, тропам и бездорожью на вездеходах-квадроциклах. Езда на квадроциклах по территории памятника природы – далеко не безобидное развлечение. Подобная езда не только реально угрожает существованию многих редких и уязвимых видов растений и насекомых, но и приводит к развитию транспортной (дорожной) эрозии.

К новым видам нарушения естественного состояния природной среды относятся также нарушения, допускаемые при проведении различных спортивных мероприятий: надписи и метки на скалах и деревьях, сделанные краской; развешивание на деревьях разноцветных ленточек, обвязывание стволов деревьев клейкими лентами с помещёнными под ними условными обозначениями и т.д. Все эти виды антропогенных нарушений в совокупности лишают девственную природу своего первозданного облика и постепенно превращают уникальную территорию в заурядную.

Для сохранения природного своеобразия Сокольных и Сорочинских гор необходимо придание этим уникальным территориям более высокого природоохранного статуса и развитие в их пределах «щадящего», экологического туризма. Первоочередной задачей является ограничение массового неорганизованного туризма и запрещение свободного въезда на территорию памятника природы автотранспортных средств, в особенности квадроциклов.

Рис. 1. Скальный обрыв в урочище Барсук, Сорочинские горы

Рис. 2. Живописные скалы в урочище Малые Козерожки, Сорочинские горы.
На дальнем плане – Жигулёвские Ворота

Рис. 3. Шиверекия подольская в Сорочинских горах.
Редкое явление – повторное цветение шиверекии (28.10.2013 г.)

Рис. 4. Касатик низкий в Сокольных горах.

Рис. 5. Бурачок ленский в Сокольных горах

Рис. 6. Боярышник волжский в Сокольных горах.

Литература

1. Головлёв А.А. Шиверекия подольская в Сорочинских горах (Самарская область) // Фиторазнообразие Восточной Европы. – 2013. – Т. VII. – № 2. – С. 80-85.
2. Головлёв А.А., Дюжаева И.В., Прохорова Н.В. Новые находки краснокнижных животных в Сокольих горах Самарской области // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – Т. 15. – № 3. – С.141-144.
3. Головлёв А.А., Прохорова Н.В. Экологические тропы в Сокольих и Сорочинских горах (учебный, научный и воспитательный аспекты) // Вестник Самарского государственного университета. Естественнонаучная серия. 2013. № 6 (107). С.175-181.
4. Матвеев В.И., Устинова А.А. Соколы горы и берег Волги между Студёным и Коптевым оврагами // «Зелёная книга» Поволжья: Охраняемые природные территории Самарской области / сост. А.С. Захаров, М.С. Горелов. – Самара: Кн. изд-во, 1995. – С. 280-282.
5. Прохорова Н.В., Макарова Ю.В., Головлёв А.А. Некоторые итоги изучения флористического разнообразия западной части Сокольих гор // Современная ботаника в России / Труды XIII съезда Русского Ботанического общества и конференции «Научные основы охраны и рационального использования растительного покрова Волжского бассейна». 16-22 сент. 2013 г. Т. 2: Систематика и география сосудистых растений. Сравнительная флористика. Геоботаника. – Тольятти: Кассандра, 2013. – С. 59-60.
6. Макарова Ю.В., Прохорова Н.В., Головлёв А.А. Материалы к флоре западной части Сокольих гор (Самарская область) // Фиторазнообразие Восточной Европы. – 2013. – Т. VII. – № 1. – С. 28-46.
7. Щербиновский Н.С. Дневники самарской природы 1916 года / Самарский губернский отдел народного образования. – Самара: типография № 2 Самарского губернского совета народного хозяйства, 1919. – 144 с.

ГОРОДСКИЕ ПРУДЫ – ПРИВЫЧНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ

В статье описывается изучение городских непроточных водоёмов г. Самары. Дана краткая характеристика водоёмов и их экосистем. Приводятся сведения о количестве видов ракообразных, коловраток, водных насекомых, перечисляются виды, обнаруженные только в городских прудах.

Ключевые слова: городские пруды, ракообразные, коловратки, насекомые.

Не во всех, но в очень многих крупных городах есть непроточные водоёмы – озёра и пруды. Состояние их очень разное – все возможные градации от заботливо ухоженных до полностью заброшенных. Для местных жителей это привычная деталь их «малой родины», место прогулок и отдыха и нередко повод для негодования по отношению к бездействию местной власти. Мало кто задумывается об обитателях этих водоёмов, хотя замечают, конечно, уток, лягушек, рыбу. Наши беседы с горожанами выявляют общее их убеждение, что пруды в городе не могут не загрязняться и экосистемы прудов поэтому не могут не быть в плачевном состоянии. Между тем, это далеко не всегда так.

В конце 1900-х годов во многих странах начали активно изучать экосистемы прудов как центров сохранения биоразнообразия [1-7], в том числе и городских прудов, так как эти водоёмы потенциально являются активными элементами городского ландшафта и центрами рекреационных зон. В Российской Федерации изучение беспозвоночных фауны городских прудов началось в городах Казани, Саратове, Нижнем Новгороде [8, 9, 10]. В настоящее время подобные исследования проводятся во многих городах России [11]. В Самаре (до 1991 – Куйбышев) экосистемы городских прудов изучаются научными организациями города [12, 13], в том числе с 1995 г. сотрудниками кафедры зоологии Самарского государственного университета [14, 15]. Цель этих исследований – оценить состояние экосистем по видовому составу и численности организмов зоопланктона, определить статус сапробности, класс чистоты, санитарно-эпидемиологическое состояние и на основании этих данных прогнозировать способность экосистем водоёмов к самоочищению, а также обосновать выбор мероприятий для их мелиорации.

Город Самара – крупный промышленный центр с населением более 1 млн. человек, его границами являются крупные реки Волга и Самара. В

черте города находится до 50 небольших, по большей части искусственных, непроточных водоёмов (прудов и озёр), а также более 100 слабопроточных или непроточных большую часть года пойменных водоёмов. Большинство прудов, выкопанных или запрудных, были созданы в конце XIX – начале XX веков в сельской местности вне тогдашних границ города для разведения рыбы, для создания запаса воды (оросительные и пожарные) и в целях рекреации. В 1940-1980 гг. размеры города (в то время он был переименован в Куйбышев) значительно увеличились, на территории вокруг прудов появились жилые кварталы и промышленные предприятия. Так пруды стали городскими. В 1950-е годы во вновь созданных парках были сооружены новые декоративные пруды. Новые слабопроточные водоёмы появились в поймах рек Волга и Самара после заполнения Саратовского водохранилища.

Сброс промышленных сточных вод производится только в несколько прудов-накопителей на окраинах города. Все остальные сохранившиеся до настоящего времени непроточные водоёмы в черте города загрязнены слабо. Некоторое количество загрязнений поступает в них с береговым стоком с окружающей территории и с атмосферными выпадениями, а также в результате рекреационной активности жителей окружающих кварталов. Проведённые нами исследования показали, что химическое загрязнение воды в большинстве прудов небольшое, уровень ПДК превышает обычно по содержанию биогенных элементов, содержание металлов и нефтепродуктов почти во всех прудах ниже ПДК, только в одном пруду нами выявлено превышение ПДК по содержанию фенола. Слабую токсичность воды городских прудов г. Самары подтвердило и проведённое нами её биотестирование на дафниях [16, 17, 18]. В большинстве прудов вода не соответствует СанПИН по микробиологическим показателям.

Серьёзной проблемой для многих прудов является уменьшение глубины воды. Фундаменты домов и подземные сооружения городской инфраструктуры перерезали часть питающих их водоносных пластов. Поступление подземных вод, например, в Воронежские озёра уменьшилось в 1970-е годы почти на треть после сооружения вокруг них квартала многоэтажных жилых домов. Глубина уменьшилась также и из-за смыва грунта с прилегающей территории и накопления на дне толстого слоя ила. Некоторые пруды (например, 2 пруда в районе перекрестка улиц Антонова-Овсеенко и Советской Армии) в засушливые годы стали превращаться в лужи с глубиной 10-15 см или даже полностью пересыхать.

В наиболее благополучном состоянии находятся пруды парков и скверов, где производится ежедневная уборка территории, а летом в пруды подается вода. В пригородной зоне отдыха пруды выглядят более замусоренными, так как мусор не убирается, они закоряжены упавшими деревьями, но воды в них достаточно, людей там значительно меньше, чем в городе, состояние этих прудов можно считать относительно удовлетворительным. В наихудшем состоянии находятся несколько прудов в жилых кварталах.

На застроенной территории в г. Самаре находится более 40 прудов площадью от 0,05 до 2 га и глубиной от 0,5 до 7,0 м. Подробное описание местоположения, размеров и флоры 24-х прудов приведено в работе В.И. Матвеева с соавторами [19]. Экосистемы этих прудов сильно различаются. Например, в прудах на ул. Бронной, ул. 5-й Просеке, ул. Димитрова, в 13-м микрорайоне и в Ботаническом саду к середине лета поверхность воды покрывается сплошным слоем ряски, в прудах на ул. Аэродромной, в парке им. Ю. Гагарина и в малом пруду санатория Приволжье ряски нет, но очень сильно развиваются нитчатые водоросли. В прудах на ул. Стара Загоры и на ул. Совхозной постоянно высокая мутность воды и т.д. Такие различия условий существования сказываются как на видовом составе, так и на численности водных животных.

Сбор зоопланктона для исследования проводили стандартными гидробиологическими методами с помощью планктонной сети (сито № 64, размер ячеи 0,081 мм), батометра (объем 2 л) и гидробиологического сачка (сито № 45, размер ячеи 0,145 мм). Облавливалась толща воды, но из-за небольшой глубины и сильного зарастания прудов помимо чисто планктонных беспозвоночных в орудия лова попадали придонные и зарослевые виды. Специальных исследований зоофитоса и бентоса не проводили. Отлов вели ежедекадно с конца апреля до октября-ноября не менее чем на трех станциях в каждом водоёме [20, 21, 22]. Видовую принадлежность организмов устанавливали с помощью общепринятых определителей [23, 24, 25, 26, 27, 28, 29].

За 15 лет исследовательских работ в прудах г. Самары нами обнаружено 124 вида и 11 морф коловраток, относящихся к 60 родам и 25 семействам. Ракообразных найдено 69 видов (42 вида ветвистоусых из 8 семейств и 24 родов; 25 видов веслоногих из 3-х семейств и 8-ми родов; 1 вид п/кл *Notostraca* и 1 вид п/кл *Cirripectida*). Однако обнаруженных в пробах бделлоидных коловраток, представителей подкласса *Ostracoda* и подотряда *Harpacticoida* мы до вида не определяли. В городских прудах выявлены более

50 видов насекомых (часть представителей отряда *Diptera*, определялись только до семейства) и десятки видов других беспозвоночных (моллюски, олигохеты, полихеты, паукообразные, турбеллярии, простейшие).

Количество видов в разных прудах отличается очень сильно. Наиболее разнообразные сообщества выявлены в больших (1-2 га) и глубоких (максимальная глубина до 4-7 м) прудах Ботанического сада и дачных посёлков на окраинах города. 65 видов коловраток и 41 вид ракообразных обитают в Большом пруду Ботанического сада; 64 вида коловраток и 33 вида ракообразных в пруду Горелого хутора; 62 вида коловраток и 38 видов ракообразных в пруду Сорокина хутора.

Наименьшее количество видов выявлено в небольших мелководных (максимальная глубина 0,3-1,0 м) частично или полностью пересыхающих прудах во дворах жилых кварталов. Например, в двух прудах 12-го микрорайона обнаружено по 21 и 16 видов коловраток, по 9 и 12 видов ракообразных. 18 видов коловраток и 15 видов ракообразных обитает в пруду, расположенном среди одноэтажных домов на ул. Мирной.

Большинство прудов г. Самары можно объединить в 3 группы. В загрязненных и неухоженных прудах жилых кварталов обитает по 30-40 видов коловраток и ракообразных, в небольших прудах парков и скверов по 50-70 видов, в крупных и относительно чистых прудах по 100-130 видов.

Среди выявленных видов коловраток и ракообразных можно выделить группу видов, обитающих почти во всех городских прудах. С экологической точки зрения это эврибионты, свойственные водоёмам β -мезосапробного и α -мезосапробного типов.

Из коловраток во всех 27 исследованных нами водоемах встречены представители семейств *Brachionidae* и *Testudinellidae*, родов – *Brachionus*, *Keratella* и *Testudinella*, видов – *Brachionus calyciflorus* (Pallas, 1776); *Keratella quadrata* (Muller, 1786) и *Testudinella patina* (Hermann, 1783).

Более чем в половине всех прудов обитают 17 видов коловраток: *Asplanchna priodonta* (Gosse, 1850), *Brachionus angularis* (Gosse, 1851), *Brachionus quadritentatus* (Hermann, 1783), *Brachionus rubens* (Ehrenberg, 1832), *Keratella cochlearis* (Gosse, 1851), *Keratella testudo* (Ehrenberg, 1832), *Platias quadricornis* (Ehrenberg, 1832), *Colurella obtusa* (Gosse, 1886), *Euchlanis dilatata* (Ehrenberg, 1832), *Filinia longiseta* (Ehrenberg, 1834), *Lecane luna* (Muller, 1776), *Philodina roseola* (Ehrenberg, 1832), *Rotaria tardigrada* (Ehrenberg, 1832), *Polyarthra dolichoptera* (Idelson, 1925), *Synchaeta pectinata* (Ehrenberg, 1832), *Trichocerca similis* (Weirzejski, 1893) и *Trichotria pocillum* (Muller, 1786).

39 видов коловраток из 15 семейств и 24 родов найдены только в одном из 27 прудов каждый; 30 видов (из 18 семейств и 23 родов) – только в двух прудах и 22 вида (из 14 семейств и 19 родов) – только в трех прудах из 27. Почти все эти малораспространенные виды найдены в водоемах, находящихся в относительно благополучном состоянии.

Только два ракообразных вида обнаружены во всех 27 прудах Самары – *Bosmina longirostris* (O.F. Muller, 1785) и *Thermocyclops oithonoides* (Sars, 1863). В 26 прудах найдены 2 вида: *Ceriodaphnia quadrangula* (O.F. Muller, 1785) и *Chydorus sphaericus* (O.F. Muller, 1785). В 20 и более прудах – 8 видов: *Cyclops strenuus* (Fisher, 1851), *Daphnia longispina* (O.F. Muller, 1785), *D. pulex* (Leydig, 1860), *Diaphanosoma brachyurum* (Lievin, 1848), *Eudiaptomus graciloides* (Lilljeborg, 1888), *Pleuroxus aduncus* (Jurine, 1820), *Scapholeberis mucronata* (O.F. Muller, 1776), *Simocephalus vetulus* (O.F. Muller, 1776), а также представители подкласса *Ostracoda*. К самым редко встречающимся видам ракообразных относятся *Alonella nana* (Baird, 1837), *Biapertula intermedia* (Sars, 1862), *Cyclops insignis* (Claus, 1857), *Leydigia leydigi* (Leydig, 1860) и *Podonevadne* sp. – они найдены только в одном пруду каждый.

Наибольшее количество видов ракообразных (30-50) обитает в более крупных прудах, в которых значительную часть акватории занимают заросли. Это пруды в парках, скверах, санаториях и дачных массивах. От 16 до 25 видов найдено в прудах средней величины, где также имеются водные растения, но в небольшом количестве. Эти пруды находятся в небольших скверах среди многоэтажных зданий, возле улиц с оживленным движением автотранспорта. Меньше всего видов обнаружено в небольших прудах, где очень мало водных макрофитов, это пруды среди жилой и промышленной застройки, а также небольшие водоёмы парков, в частности, бассейны фонтанов в парке Победы (фонтан работает несколько дней в году) и в санатории «Приволжье» (фонтан не работает). Мало видов и в тех прудах, берега и дно которых облицовано железобетоном (в парке им. Ю. Гагарина и в парке Металлургов), очень малочисленные цветковые растения встречаются там небольшими куртинами, видимо, в местах поврежденный бетонного покрытия.

Сходная картина наблюдается и для водных насекомых – больше всего их обнаружено в заросших прудах Ботанического сада и пригородной зелёной зоны [30, 31]. Во всех исследованных прудах в наши орудия лова попадали личинки хирономид, обнаруживавшиеся более чем в 90 % всех проб. Мы не определяли видовую принадлежность этих личинок, но

Е.В. Захаров, проводивший специальное изучение зообентоса в 16-ти водоёмах г. Самары, выявил 26 видов хирономид [32]. Во всех прудах нами обнаружены личинки подёнок *Cloeon dipterum* (L., 1761). В более чем 50 % прудов обитают представители отрядов *Collembola*, *Odonata*, *Hemiptera*, *Coleoptera* и *Diptera*. Виды из отряда *Plecoptera* обнаружены только в нескольких прудах, из отряда *Trioptera* – только в двух. Более половины обнаруженных видов относятся к отряду *Diptera*. То, что больше всего видов насекомых выявлено в прудах Ботанического сада, может быть связано с наибольшей изученностью экосистем данных прудов по сравнению с остальными.

В прудах на территории г. Самары обнаружены 60 видов коловраток [33] и 5 видов ракообразных, сведений о которых мы не нашли в публикациях по фауне данных групп в других водоёмах Самарской области. Все эти 60 видов коловраток перечислены в монографии Ю.С. Чуйкова [34] как потенциальные обитатели водоёмов бассейна р. Волги. 3 вида ранее не выявлявшихся ветвистоусых ракообразных (*Chydorus gibbus* (Lilljeborg, 1900), *Scapholeberis microcephala* (Lilljeborg, 1900) и *S. rammneri* (Dumont, Pensaert, 1983) охарактеризованы в определителях как распространённые в Европейской части СССР [29]. *Acanthocyclops venustus* (Normann and Scott, 1906) указан в списках видов ряда водоёмов разных регионов РФ [35], а *Paracyclops poppei* (Rehberg, 1880), по мнению Рылова, может быть «широко распространён на территории СССР» [36]. Ещё один вид, обнаруженный нами в пруду парка Молодёжи в 2007 г. – *Podonevadne trigona* (Sars, 1862) – был найден Е.И. Поповым в 2011 г. в Саратовском водохранилище [37]. Это каспийский вид, постепенно расселяющийся вверх по течению Волги.

Результаты наших исследований показывают, что в прудах на территории г. Самары функционируют сложные многовидовые сообщества, сохраняющие значительный потенциал самоочищения. Это подтверждается тем, что из 27 обследованных нами прудов 25 прудов по обитающим в них видам-индикаторам относятся к β -мезосапробному типу, в двух прудах наблюдаются признаки перехода от β -мезосапробного к α -мезосапробному типу. Более половины прудов относятся к III классу чистоты (загрязнённые), все эти пруды расположены среди жилой или промышленной застройки. Процессы самоочищения можно стимулировать, организовав мелиоративные мероприятия. За последние 30 лет городские власти провели мелиорацию всего 6 водоёмов: в 3 прудах удалили донный ил и еще в 3 прудах укрепили берега габионными конструкциями. Однако этих мер явно недостаточно, к тому же

в первом из числа очищенных – верхнем пруду Ботанического сада – за 30 лет, прошедших после проведения работ, на дне вновь накопился ил. Как показал опыт г. Казани, за городскими водоёмами необходим постоянный уход, удаление донных осадков следует проводить регулярно и сочетать это с мерами по укреплению берегов и благоустройством прилегающей территории, препятствующим смыву грунта [38]. Такое сочетание мелиоративных мероприятий с постоянным контролем состояния малых непроточных водоёмов необходимо организовать и в г. Самаре.

Литература

1. Gee J.H.R. et.al. The ecological basis of freshwater pond management for biodiversity // *Aquatic Conservations: Marine & Freshwater Ecosystems*. – 1998. – V. 7. – Is. 2. – P.91 – 104.
2. Biggs J., et.al. 15 years of pond assessment in Britain: results and lessons learned from the work of Pond Conservation // *Aquatic Conservations: Marine & Freshwater Ecosystems*. – 2005. – V.15. – Is. 6. – P. 693 – 714.
3. De Meester L., et.al. Ponds and pools as model systems in conservation biology, ecology and evolutionary biology // *Aquatic Conservations: Marine & Freshwater Ecosystems*. – 2005. – V.15. – № 6. – P. 715-725
4. Downing J. A. Emerging global role of small lakes and ponds: little things mean a lot // *Limnetica*. – 2010. – № 29. – P. 9–24.
5. Oertli B., et. al. Conservation and monitoring of pond biodiversity: introduction // *Aquatic Conservation: Marine and Freshwater Ecosystems*. – 2005. – V. 15. – P. 535–540.
6. EPCN. Developing the Pond Manifesto // *Annales de Limnologie – International Journal of Limnology*. – 2007. – V. 43. – P. 221–232.
7. Cereghino R., et.al. Biodiversity and distribution patterns of freshwater invertebrates in farm ponds of a south-western French agricultural landscape // *Hydrobiologia*. – 2008. – V. 597. – № 1. – P. 43–51.
8. Мингазова Н.М. Эколого-токсикологическое изучение водоемов урбанизированных территорий (на примере озерной системы Кабан г. Казани) / Автореф. дисс. ...канд. биол. наук. – Свердловск, 1984. – 21 с.
9. Малинина Ю.А. Эколого-биологическая диагностика поверхностных вод крупного промышленного центра / Автореферат... дисс. канд. биол. наук. – Самара, 1999. – 22 с.
10. Макеев И.С. Особенности видовой структуры зоопланктона озер урбанизированных территорий как показатель антропогенной нагрузки (на примере водоемов г. Н. Новгорода) / Автореферат дисс... канд. биол. Наук. – Н. Новгород, 1999. – 21 с.

11. Отчет о научно-исследовательской работе. Составление комплексного кадастра искусственных водоемов города Вологда с целью оптимизации их рекреационного использования. – Вологда, 2010. – 203 с.
12. Синицкий А.В. Особенности структурной организации зоопланктоценозов малых водоемов урбанизированных территорий / Дисс. ... канд. биол. наук. – Самара, 2004. – 167 с.
13. Мухортова О.В. Сообщества зоопланктона пелагиали и зарослей высших водных растений разнотипных водоемов средней и нижней Волги / Дисс. ... канд. биол. наук. – Тольятти: ИЭВБ, 2008. – 126 с.
14. Герасимов Ю.Л. Коловратки прудов урбанизированных территорий (г. Самара) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т.11. – № 1. – С. 171-176.
15. Герасимов Ю.Л., Теньгаев Е.И. Ракообразные прудов урбанизированных территорий (г. Самара) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т.11. – № 1 (4). – С. 699-701.
16. Филипов Н.А., Герасимов Ю.Л. Влияние воды из озер на территории г. Самары на ветвистоусых ракообразных // Нелинейное программирование и управление. Тез. докл. Междунар. семинара, посв. 10-летию Самарского муниципального университета Наяновой. – Самара, 1998. – С. 145-147.
17. Герасимов Ю.Л., Белякова Е.А. Качество воды в прудах на территории г. Самары // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование, наука, практика. Материалы региональной 60-й юбилейной н.-техн. конф. по итогам НИР СамСГАСА за 2002 г. – Ч.2. – Самара, 2003. – С. 23-24.
18. Герасимов Ю.Л., Маслов С.К., Вдовин В.Г. Влияние воды из озера на пересечении улиц Стара-Загора и Воронежская г. Самара на выживаемость и размножение дафний // Актуальные вопросы современной медицины. Сб.тез. и статей 28 итоговой н-практ. конф. н-пед. состава СВМИ. – Самара, 2005. – С. 345-346.
19. Матвеев В.И., Гейхман Т.В., Соловьева В.В. Самарские пруды как объект ботанических экскурсий. – Самара, 1995. – 44 с.
20. Жадин В.И. Методы гидробиологического исследования. – М.: Высшая школа, 1960. – 189 с.
21. Киселев И.А. Планктон морей и континентальных вод. – Т. 1. – Л.: Наука, 1969. – 656 с.
22. Руководство по гидробиологическому мониторингу пресноводных экосистем. – СПб.: Гидрометеиздат, 1992. – 246 с.
23. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. – Т.2. Ракообразные. – СПб: ЗИН, 1995. – 627 с.
24. Смирнов Н.Н. Chydoridae фауны мира. Фауна СССР. Ракообразные. – Т. 1., вып. 2. – Л.: 1971. – 531 с.

25. Кутикова Л.А. Коловратки фауны СССР. – Л.: Наука, 1970. – 744 с.
26. Кутикова Л.А. Бделлоидные коловратки фауны России. – М.: ТНИ КМК, 2005. – 315 с.
27. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. – Т. 1. Низшие беспозвоночные. – СПб: ЗИН, 1994. – 394 с.
28. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. – Т.2. Ракообразные. – СПб: ЗИН, 1995. – 627 с.
29. Мануйлова Е.Ф. Ветвистоусые рачки (Cladocera) фауны СССР. – М.-Л.: Наука, 1964. – 326 с.
30. Герасимов Ю.Л. Водные насекомые прудов города Самары // Экологические проблемы промышленных городов. – Саратов, 2005. – С. 21-23.
31. Герасимов Ю.Л. Насекомые макрофитных городских прудов // Труды Ставропольского отделения русского энтомологического общества. Материалы Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 10-12 сент. 2008 г. – Вып. 4. – Ставрополь: Аргус, 2008. – С. 78-79.
32. Захаров Е.В. Сообщества макрозообентоса малых водоемов урбанизированных территорий (на примере города Самары) / дисс. на соиск. уч. степ. к.б.н. – Самара, 2005. – 155 с.
33. Герасимов Ю.Л., Мухортова О.В. Уточнение ареалов некоторых видов коловраток // Теоретические проблемы экологии и эволюции: теория ареалов: виды, сообщества, экосистемы, V Любичевские чтения. Тольятти. ИЭВБ. 12-15 апреля 2010 г. – Тольятти: Кассандра, 2010. – С. 31-34.
34. Чуйков Ю.С. Материалы к кадастру планктонных беспозвоночных бассейна Волги и Северного Каспия. Коловратки (Rotatoria). – Тольятти, 2000. – 195 с.
35. Кухарская Е.В., Долгин В.Н. Зоопланктон бассейна р. Чулым // Вестник ТГПУ. – 2009. – Вып. 6 (84). – С. 141-146.
36. Фауна СССР. Ракообразные. Т.3. Вып. 3. В.М. Рылов. Cyclozoidea пресных вод. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 318 с.
37. Попов А.И. Некоторые сведения о планктонных ракообразных Саратовского водохранилища // Актуальные проблемы изучения ракообразных континентальных вод: сборник лекций и докладов Международной школы-конференции. Ин-т биологии внутр. вод им. И.Д. Папанина РАН, Борок, 5–9 ноября 2012 г. – Кострома: ООО Костромской печатный дом, 2012. – С. 251-253.
38. Набеева Н.Г. и др. Концепция восстановления озера Средний Кабан г. Казани (РФ) // Озёрные экосистемы: биологические процессы, антропогенная трансформация, качество воды: тезисы докладов IV Международной научной конференции. 12-17 сент. 2011. Минск-Нарочь. – Минск: БГУ, 2011. – С. 179-180.

SUMMARIES
History and regional studies

SAMARA CITY THEATER. NEW CONSTRUCTION MATERIALS
SAMARA EDITIONS

G.V. Bichurov

The author of the presented materials reflecting the process of discussion of construction and commencement of operation of the building of the Samara city theatre. The article covered the period from 1865 till 1965.

Key words: Samara theatre, architecture, Samara region.

SOVIET LEGACY 1920-1940-IES

O.V. Kirichenko

In the Soviet period, from 1920 to 1930, Soviet national policy, based on the advantage of the minority people over the majority people – Russians – was created. The author of this article examines the currently popular myth that Stalin was a Russophile and shows how real facts disprove it. Stalin's national policy was very pragmatic and depended entirely on historical situation, not on his personal preferences.

Key words: Lenin and Stalin's national policy, ethnic minority, purges, the Russian people, Soviet order

MUSLIMS IN GERMANY. PLACE IN SOCIETY

A.V. Smilsky

The article examines the situation of Muslims in German society. Which of Islam presented and in what quantity. Highlights and analyzes the degree of integration of Muslims in secular culture medium.

Key words: Muslims in Germany, migration, Islamic movements, identity, integration, parallel societies, sharia law, Islamophobia.

Philology and philosophy

COUNTRY DEMOCRATS: GENESIS IDEA OF SOCIAL-AESTHETIC DEVELOPMENT

A.N. Stepanov

This article is devoted history of philosophy. Updated is the problem of development, perfection, the rise and harmonization of social relationships. The object of study is the problem of social philosophy and aesthetic maintenance of the socio-political relations between the pre-and-post-reform Russia of the XIX-th century, reflected in the creative heritage of Russian revolutionary democrats and popular democrats. Socio-political aspects explores by the aesthetic categories. Subject of the research are the socio-economic, political and legal views of the peasants democrats.

Key words: perfection, harmonization and aestetization of the social relations.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MILITARY THEORIES OF SUN-TZU

I.V. Stepanov

The article analyzes the causes of the enormous popularity among military theorists XX – XXI centuries treatise "The Art of War" by Sun Tzu. According to the author's conclusion, at the bottom of this popularity is the method of the great Chinese thinker with text, characteristic pre-philosophic tradition.

Key words: war, the land area of death

SEMANTIC ANALYSIS STIMULATES REPLICA DIALOGUE (BASED ON MODERN SPOKEN ENGLISH)

V.V. Dobrova

The article analyzes the question replica stimulating dialogue in terms of their semantics and structure based on modern spoken English. Use of stimulant replica sets the subject of dialogue and provokes its further development. Semantic analysis revealed different types of stimulus cues composed dialogic unity.

Key words: dialogue, abbreviated forms of communication, interrogative statements.

**BRITISH LINGVOKULTURNYE CONCEPTS
POSITIVE EMOTIONS *JOY, EXULTATION***

O.A. Podlesova

The article analyzes the concepts of positive emotions “joy”, “exultation” in linguo-cognitive terms. The features of typical situations in which there is one or another emotion, and on this basis, the script creates a certain emotional state. Next, the method of component analysis, as well as the method of analysis of dictionary definitions studied semantics names designate linguocultural concepts of this group.

Key words: script, semantic metalanguage typical situation linguocultural concept.

Biology

**THE FLOWER PERENNIALS IN CULTURE: AN AMATEUR VIEW
ON SOME FEATURES OF REGIONAL GROWING OF FLOWERS**

L.M. Kavelenova

The personal experience of flower perennials growing especially connected with their resistance, is presented in the article.

Key words: decorative perennials, sustainability, natural conditions of the region.

**ORIGINALITY OF NATURE SOKOLII AND SOROCHINSKIE MOUNTAINS AND
DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL TOURISM**

A.A. Golovlyov

The article shows influence of tourism on nature and necessity of development ecological tourism.

Key words: ecological tourism, nature, Sokolii gori, Sorochinskie gori, Samara region.

EKOMORFNY PHYTOINDICATION ANALYSIS OF HEAVY METAL POLLUTION OF LANDSCAPES

N.V. Prokhorova

The article discusses the possibility of using biogeochemical aspects ekomorfny vegetation analysis for phytoindication pollution of natural landscapes with heavy metals.

Key words: ecomorphs, heavy metals, landscapes

URBAN PONDS – CUSTOMARILY AND UNKNOUN

Y.L. Gherasimov

The investigaton of Samara-city urban ponds is describing in this article. The author gives the short characteristic of water bodies and its ecosystems. The species richness of Crustacea, Rotatoria and Insects and the species found only in urban ponds is given.

Key words: urban ponds, Crustacea, Rotatoria, Insects.

**Бичуров Георгий
Владимирович**

Доктор технических наук, профессор, проректор по вечернему и заочному обучению Самарского государственного технического университета

E-mail: shs@samgtu.ru

**Доброва Виктория
Вадимовна**

Кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Самарского государственного технического университета

E-mail: victoria_dob@mail.ru

**Смильский Антон
Владимирович**

Аспирант кафедры философии, религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

E-mail: smilsky_anton@mail.ru

**Степанов Анатолий
Николаевич**

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Самарского государственного технического университета

E-mail: stepanov-54@mail.ru

**Кириченко Олег
Викторович**

Доктор исторических наук, в.н.с. ИЭА РАН

**Степанов Иван
Викторович**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Самарского государственного технического университета

E-mail: stivan1981@mail.ru

**Подлесова Ольга
Александровна**

Старший преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета

E-mail: olgapodlesova@list.ru

**Головлев Алексей
Алексеевич**

Доктор географических наук, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности Самарского государственного экономического университета

E-mail: ecology@samsu.ru

Герасимов Юрий Леонидович

Кандидат биологических наук, доцент, зав. кафедрой зоологии, генетики и общей экологии Самарского государственного университета
E-mail: yuger55@list.ru

Прохорова Наталья Владимировна

Доктор биологических наук, профессор кафедры экологии, ботаники и охраны природы Самарского государственного университета
E-mail: ecology@samsu.ru

Кавеленова Людмила Михайловна

Доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой экологии, ботаники и охраны природы Самарского государственного университета
E-mail: biotest@samsu.ru

Вояджер: мир и человек

Редактор *В.В. Прокопова*
Верстка *И.О. Миняева*
Выпускающий редактор *Е.В. Абрамова*

Подп. в печать 27.12.13.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Усл. п. л. 12,65. Уч.-изд. л. 12,63
Тираж 50 экз. Рег. № 11/14

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Главный корпус

Отпечатано в типографии
Самарского государственного технического университета
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8